ФИЛИН И КРЕСТ

СТИХИ-МЫСЛЕХИ

СКАЗОЧНЫЕ ИСТОРИИ

От автора:

Произведения написаны с любовью и благодарной памятью к почившим воспитавшим меня маме и бабушке (Инна и Галина Жуковские).

К произведению Филин и Крест:

Летом 2015 г. Были с семьей в деревне. Как-то перед сном внуки попросили рассказать сказку. Сказка получилась довольно длинная даже в совершенно детском варианте. (В неком царстве-государстве жили-были…) Рассказ занял три вечера. Жена с дочерью тоже слушали с интересом. Всем понравилось. Попросили записать сюжет, чтобы не забыть. Осенью начал писать, но уже для взрослых и стихом. И вот, что получилось, предоставляю на суд читателю.

От автора к стихам:

Все стихи кроме Валдайских (1997) начали писаться как арттерапия от бессонницы. В 2011г. (помогло) Все отражают реальные события, впечатления и размышления.

К сказкам:

Читая русские сказки внукам, захотел попробовать в пределах своих возможностей присоединиться к традиции: при сохранении нравственного духовного стержня, тех же или похожих героев; в то же время попытаться через эту благодатную форму ответить на какие-то и современные запросы. Насколько и в чём это получилось судить читателю.

Оглавление

ФИЛИН И КРЕСТ 6
СУТЬ 7
ЦАРСТВО 7
СЛУЖАНКА 9
ДОЧЬ 13
КУПЕЦ 13
ДАМА 24
НЕЗРИМОЕ 30
АРАП* 33
СТУДЕНТ 42
НОТАРИУС 47
МУЖИЧОК 48
КОЛДУНЬЯ 50
ПРОСИТЕЛЬ 54
ПРИРОДНИК 55
ЧЕРНОКНИЖНИК 59
ДУАЛИСТ 63
ВОРОЖЕИ 65
ЛЮБОВНИК 66
ВЛЮБЛЁННАЯ 66
АСТРОЛОГ 67

ИЩУЩИЙ 67
БОГАЧ 67
ЛОВЕЦ 67
СПИРИТ 68
БЕЗУТЕШНАЯ 68
"ИНДУС" 68
ЖЕЛАТЕЛЬ 69
СНОВИДЦЫ 69
ДЕМОН 75
ПРИКАЗЧИК 78
ВСТРЕЧА 87
СВЯЩЕННИК 93
ИНОЕ 108
ОСВОБОЖДЕНИЕ 112
СУДЬБЫ 115
ЦАРСТВО 125
СУТЬ 126
Примечания 126

СТИХИ – МЫСЛЕХИ 127
1. СТИХИ-МЫСЛЕХИ 127
2. ЧУДЕСА ЖИЗНИ 128
3. КУРОЧКА РЯБА 131
4. СУИЦИД И ВЕРА 133
5. ТЕМНИЦА 136
6. ОВЦЫ И КРЕСТ 136
7. БЕСОВСКАЯ ВОЛЯ 139
8. СОН МЕРТВЕЦА 140
9. ВОРОТА И КЛЮЧ 142
10. УТЕШЕНИЕ В ПЕЧАЛЯХ 142
11. БОГ СПУСТИЛ МЕНЯ С ЦЕПИ 143
12. ЗАВИСИМОСТЬ И ВРЕМЯ 144
13. ЗАВИСИМАЯ ОТТЯЖКА 148
14. ЗАСТЁЖКИ 149
15. ПРОЦЕСС 149
16. О КОЛДОВСТВЕ 150
17. ОН НАШЁЛ МЕНЯ 150
18. МАГНИТЫ ДЛЯ МЫСЛЕЙ 152

19. ЗДРАВИЯ ЗАКОН 153
20. ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД 154
21. ПРОСТО ПРОХОЖИЕ 155
22. ИЕРАРХИЯ ГОРДОСТИ 155
23. РАНА 156
24. НЕПРЕЛОЖНОСТЬ 156
25. ВАЛДАЙСКИЕ КАРТИНЫ 156
26. ВЕЧНЫЙ ВЫБОР 161
27. ПРО ТЩЕСЛАВИЕ 161
28. МЫ – ЛЮБОВНИЦЫ 161
29. О КРАСОТЕ 162
30. БЛАЖЕН 162
31. В ПРЕОБРАЖЕНИЕ 2012 162
32. ЧАСТЬ – ЧЕСТЬ АДАМА 163
33. РОПОТ 166
34. РУССКИЙ СМЫСЛ 166
35. ПЛОХО ЗНАЕМЫЙ ВЫБОР 168
36. ЛЕНЬ - НУДА 169
37. НЕУМЕСТНАЯ ВЛЮБЛЁННОСТЬ 169
38. СТИХОСЛОЖЕННЫЕ МЫСЛИ 170
39. НЕОСОЗНАННОЕ 171
40. ПРИВЕТ 171
41. ХЛОПОК В ЛАДОШИ 172
42. МЕЛКАЯ СДЕЛКА 173
43. ЗАЙЧИК 174
44. КОНИ 175
45. СТАРЕНИЕ 176
46. УПОВАНИЕ 176
47. ПЕСНЯ ЖИЗНИ 177
48. СОН-ОКЕАН 178
49. ВОСПОМИНАНИЕ 179
50. НАВАЖДЕНИЕ 180
51. СУД - СТРАХ 181
52. ДИВО 181
53. НЕ ЖДИ 182
54. КОНСТАТАЦИЯ 182
55. КРИКУН 182
56. ПРО ОБМАН 183

57. ВЕЧНАЯ ЖАЖДА 183
58. КАЗНАЧЕЙ - КАЩЕЙ..... 184
59. ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ..... 186
60. ПРО УМ..... 187
61. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВОПРОС..... 187
62. ПРО СТРАХ..... 189
63. Я ЧАХЛА 190
64. ПРО РЕВНОСТЬ..... 190
65. МЫСЛЬ - ВПРЫГ 191
66. МОЯ СОЗАВИСИМОСТЬ..... 191
67. ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА..... 192
68. КУРОЧКА И ПЕТУШОК 193
69. ПРИДВЕРНИК..... 193
70. ВЕЧНАЯ ДОРОГА 194
71. ЛУКОШКО 195
72. ПОКОЙ И ГНЕВ..... 196
73. НАДЕЖДОЧКА..... 198
74. ЛЕДЯНОЙ КОРАБЛЬ (песня)..... 198

СКАЗОЧНЫЕ ИСТОРИИ 203
ПОДАРОК..... 203
ВЕЩАЯ ПТИЦА 214
ЦАРЁК..... 226
ОБМАНУТАЯ..... 240
ПЛАЧУЩАЯ ДЕВА..... 249
ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО 253
КАК БАРИН ПЕРЕВОСПИТАЛСЯ 264
ГОВОРЯЩИЙ МЕДВЕДЬ..... 269
ПЕЧАЛЬ 278
ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ 293

ФИЛИН И КРЕСТ
Сказочная драмма

(Страна, герои, события, картины духовного мироустроения сказочные. Ритм и рифма не строгие.)

«…без Мене не можете творити ничесоже:»Ин 15:5
« Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе.»Мф 18:18
«Итак покоритесь Богу; противостаньте диаволу, и убежит от вас» Иак 4:7

«Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить; противостаньте ему твёрдою верою...» 1 Пет 5:8,9

«И приступил к Нему искуситель... и поставляет Его на кровле храма...» Мф 4:3,5

«И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму – делать непотребства...»Рим 1:28

СУТЬ

001
Где-то жили-были бы́ли,
Где-то не́были жили́.
Сказку свяжем из небы́ли,
Чтобы бы́ли ожили́.
002
Не про царевича Ивана,
Не про Ивана-дурака,
Не про Настеньку, Алёну, –
Их выбор – свет на все века.
003
А про забывшихся и грешных
До покаяния плода,
Про темных ангелов и светлых,
Про милость Божью на всегда.

ЦАРСТВО

004
Плыло тихо царство сильно
Из времён между времён.
Жил трудом, творя посильно,
Там народ вельми* умён.
005
Благословенный царь им правил.
Он не был никому должо́н.
Со крестом и войском славным
Злу извне держал заслон.
006
Без дара свыше – нет опоры.
Природой Бог благоволил:

Воды, степь, леса и горы
Живьём обильно населил.
007
И недра вся́чиною по́лны.
Всё добывай чесно́й народ.
А люди мыслью разной во́льны...
Каков же выбор – то грядёт.
008
И так нудой, природой жили.
Свой каждый опекал удел.
Веру правую хранили.
И демон много не имел.
009
Все, конечно, подгрешали, –
Не могут люди без того.
Но преступники поджались,
Не преступая своего.
010
Бесы тужились, старались
Благо это раскачать.
Да страхом Божьим всё держалось.
И вволю им: ни дать, ни взять.
011
Однако, был меж них ретивый,
Среди людей имел улов.
Он ум свой острый, злорадивый
Возгрел на небывалый лов.
012
И пал на город невеликий:
Вот облака, вот купола,
Вот сад и дом, вот куст ракиты,
Постройки разные, гумна́.

СЛУЖАНКА

013

А в доме том: семья богата,
Родня, работники – в делах,
Купец-вдовец да дочь без сватов,
Служанка хватка, при ключах.

014

Её бес издали приметил, –
Походка, взгляд – в них есть своё.
Бесята мелкие, не ху́ды,
Лоснятся, вьются близ неё.

015

Он одного втянул и выпил.
Узнал мгновенно, что и как.
И к ней явился в тот же вечер
Как некто дальний и простак.

016

Живое всё метнулось разом
От хатки служкиной в окре́ст.
Лишь молодой коток, затрясшись,
На животе под лавку влез.

017

Она ж, гадая незнакомца,
Не позаме́тила того.
Гля́нув, вспомнив, обманулась
И пригласила сесть его.

018

Но лишь заговорил он тихо.
Служанка ужасу вняла́.
Взглянув в глаза, прониклась лихом.
Душою сразу обмерла.

019

Он рассказал ей по-простому
Про преступления её,

Про доносительства за деньги,
Про кражи, ме́ны и враньё.
020
Пыталась было оправдаться,
Сказав про сродников в беде.
Да он не стал в сие вдаваться –
Перепадало же себе.
021
Уж поняла она, кто это.
Все впредь увидела во тьме.
А бес сидел уже вальяжно,
Лелея козырь в рукаве.
022
«В прошлом доме, ну-ка вспомни, –
Сказал, приняв своё лицо, –
Хозяин умер ровно после,
Как подменила письмецо».
023
Письмо причиною отметил.
Служанка в ужасе вняла́.
Поверив ложному навету,
Смерть эту на себя взяла.
024
«Ну что ж, – шепнул, победу видя, –
Готова ль кару ты нести?
Рассвета больше не увидя,
Со мною в ад сейчас уйти?»
025
«Нет не пойду, – пролепетала
И, как соломинку схватя, –
Не хватит сил тебе,– сказала, –
Насильно унести меня».
026
«Что ты, что он», – хитрец заметил

И из-под лавки поманил.
Котка прилезшего приветил,
Ткнул лапою и растворил.
027
Провидит па́губу девица
И уж клянёт себя зело́.*
У беса вдруг другие лица
И говорит ей так мило́:
028
«Я разве ж зла тебе желаю?
Я лишь возмездия слуга:
Накоплен грех – я исполняю,
А всё ж, спасти моя страда...
029
Прощенье мне никак не све́тит,
Добряк я тоже никакой,
Но жажду – высший суд отметит –
Хоть на пылинку даст покой.
030
Один лишь шанс – спасенью до́лжно
С опорой в заповеди быть.
Иначе просто невозможно
Мне без тебя во ад прибыть.
031
О жертве жизнью за другого
Бог показал и наказал.
Той жертвой может быть и слово:
Свободу в этом тоже дал…
032
Открой своё, разжаль хозяйку.
Пусть на себя твой грех возьмёт, –
Отцу откроет – как бы тайну.
Бог примет жертву и спасёт...
033

Твоё из нашей книги вы́нем.
Уговори, пади плашмя.
И долг и грех твои не взымем.
На исполнение – три дня.

034

Скажи, что ангел был хранитель;
И он так вразумил тебя.
Я воли высшей исполнитель.
Твоя тут правда, ложь моя.

035

И на, вот, в зеркальце покажешь.
Сама, однако, не смотри.
Что тоже ангел дал, ей скажешь.
И больше ничего не ври».

036

Сумел направить в путь кромешный,
Надежду страхом обуздав,
Имея доступ к деве грешной,
Он, ложью жертву спеленав,

037

И сам исчез в свой мир неве́дом.
Дом содрогнулся, прыгнул стол.
С подвизгом котик плавным бредом
Из воздуха упал на пол.

038

Всю ночь несчастная томилась,
От страха к страху мысль бия́.
Но, горько изрыдась, склонилась
Пойти на ложь, себя кляня.

039

Пред дочерью купца предстала,
С утра скрепясь и опростясь.
Всё как приказано подала,
Упавши ниц и не крестясь.

ДОЧЬ

040

С печалью, страхом дочь внимала,
Не доверяя до конца.
Но, глянув в зеркальце, проплачась,
Решилась обмануть отца.

041

И, ради ближнего спасенья,
На ложный подвиг возведя́сь,
Опоры не найдя в сомненьи,
Пришла к отцу не помолясь.

042

Про страшный грех, как свой, сказала.
Сам грех, однако, не назвав.
Себя простить его призвала.
Уж в этом, точно, не солгав.

КУПЕЦ

043

Простить отец-то был согласен,
Хоть слушал дочь недоумев.
Вдруг понял – случай не напрасен,
Он, вспомнив свой щемящий грех.

044

А дело было так – когда-то,
Подняться на ноги спешил
И с приятелем как с братом,
Торговлю разную вершил.

045

Друг в друга веря без оглядки,
Решили пополам рискнуть –
По сложной, выгодной раскладке

Торговый рассчитали путь.
046
Три года пó миру скитались,
Товар меняя на товар.
В достатке прибыли набрали,
Скопивши в золоте навар.
047
Влечась скорей мечтою бренной,
Добыток тщательно тая,
Забыв и думать о нетленном,
Тряслись в кибитке издаля,
048
Да опытный дозор разбойный
Их на постое раскусил,
Подслушав говор откровенный,
И нужным людям сообщил.
049
Денёк друзей сопровождали
Густой обочиной, тайком,
А вечером в лесу и взяли,
С коротким боем и силком.
050
Но один успел, стреляя,
Мгновенье малое урвать,
Кожанчик с золотом,рискуя,
В нависшей кроне подвязать.
051
Сначала им, связав, грозили
С приказом золото отдать.
Потом пытали, жгли и били.
Надежда помогла смолчать.
052
Уважив мужество, лихие,
И не без ангела руки,

Забравши лошадь, бросив: «квиты»,
Самих на случай обрекли.
053
Но хитро свой догляд оста́вя,
Поодаль спрятав пацана.
Да ангел сон ему навеял;
И жертву он проспал сполна.
054
Друг ранен был, ещё с терзаний –
В ночь тихо, бессловесно умер.
Купец чуть жив, себя теряя,
Наполз на неизвестный хутор.
055
Тут ангел точно постарался,
Что к людям на́божным привёл.
Заботой их он здрав поднялся,
Кошель нашёл и в путь ушёл.
056
Для краткости мы опускаем
Всех описаний лишний сонм,
И благодарность, и прощанье,
Печальный друга захорон.
057
Скрываясь, брёл уже как нищий
От храма к храму, хлеб прося.
Но помрачась, добро забывши,
Обиду к Богу распаля.
058
Стянула не́мощи подпру́га,
Затмила горечь за себя.
И даже обвинило друга
Его взбесившееся я.
059
И, зна́мо, тут как тут нечистый

С ним слипся, щупальце впия́.
Мелькнула быстро мысль когтиста:
«Вся прибыль может быть моя.
060
Я о своих печи́ться должен...
Семья, мол, друга – не моя»…
Стал мыслью этой устрено́жен,
Он, довод к доводу копя.
061
Дух отпустил – с добычей сгинул…
Вспомнил купец, что жив, воспрял,
Но план свой тайный не отринул,
Только лишь друга оправдал.
062
Домой дошёл на счастье близким.
Семью и друга посетил.
Принес им весть, сказался нищим,
Скорбя прощения просил.
063
Они его-то не винили, –
Хватило горя своего.
Даже сквозь слёзы рады были
Живым увидеть хоть его.
064
Тянуть не стал – дом про́дал быстро
И хатку старую купил.
На разницу, как будто чисто,
Торговлю малую открыл.
065
Мошну пота́йно пропуская,
Так не спеша, но лет за пять,
В усадьбу хатку превращая,
Разбогател купец опять.
066

Но сам с поры́ той стал невесел,
Смотрел прохладно сквозь жену.
Лишь дочь по-прежнему лелеял.
Да и, пожалуй, что одну.

067

Жена мрачнела, обижалась,
Старалась, билась как могла.
Потом, затихнув, – не смирилась,
В себе двояко зажила.

068

А через время заслабе́ла,
Хозяйство дочери сдала́,
Вставала редко, все болела
И за год тихо умерла.

069

Купец вину свою отметил,
Он даже Бога вспоминал,
Но покаяние не принял
И дух над бытом не поднял.

070

И так до дочери признанья
Текли года, достаток рос.
Да беда – беды созданье...
И роковой росток пророс.

071

Сидел; вблизи безлюдно было.
Дохнуло сквозняком на раз.
Тем до́хом дверь слегка открыло.
Зашелестел пред ним баланс.

072

Какой-то строгий незнакомец
В просвет вошел, как будто втёк,
Расположился у оконец.
Сам не смотря,.. как невдомёк.

073
Купец, опешив, не заметил,
Что маловата щель двери
И словом вежливо приветил:
«Любезный, не ошибся ль ты?»
074
Ответил: «Ваш удел – ошибки.
Не ошибись на этот раз, –
Кружась, скользнул в руке со свитком, –
Послушай, милый, мой рассказ:
075
Свою всю дрянь и сам ты знаешь.
Не будем воду зря толочь.
Своё спасение не чаешь,
Так вот, смотри, спаси хоть дочь».
076
В миг свиток зеркалом расправил.
Склонил купца смотреть в него.
Сюжет-фантазию представил:
«Вот память наша – и всего.
077
Дочь-то, мол, мы сейчас упра́вим…
Хошь-не хошь, а службу несть.
В мученье навсегда отправим.
Блюдя момент, закон и честь».
078
Тоѓча́с с ухмылкой порывался
Все показать, что там и как.
Купец тут резко отказался, –
Хватило за глаза и так.
079
Признанье дочери стояло
Пред взором внутренним его.

Забыв молитву, не прозрела
Душа, упавшая на дно.
080
Сказать тут надобно, однако,
Трудился бе́сов весь отряд,
Состыковав в уме несчастном
Недоумений разных ряд.
081
Затмясь открытием ужасным,
До черноты за дочь страшась,
Спросил он только: «Что же делать?»
В себе уже на всё решась.
082
Стал соблазнитель сразу ласков,
Свой кратко объяснил резон.
Подробно, ясно, шаг за шагом,
Сказал купцу, что должен он.
083
Сказал, что служба будет до́лга,
Коль хочет дочь, себя спасти;
То до пришествия второго
Её придется и нести.
084
Сказал: «Что дашь ты человекам,
Поможет им свой тлен узнать».
И это даже было верно,
Но больше было, что скрывать.
085
Сказавши, без следа расстаял.
Несчастный слаб сидел, согбе́н,
Со всем, что дорого, прощаясь…
Тут ёкнул духа зов нетлен.
086
Возвел к иконам взгляд поспе́шен

И горько зарыдал когда:
Увидел угол занавешен,
Купец, впервые за года.
087
Но встал, собрал себя с сумою,
В шкатулке пальцем покопал,..
Свой крест с разорванной тесьмою
В карман задумчиво убрал.
088
Момент интриги был подобран, –
Он ночью срочно отбывал;
Но только смысл его отбытья
Теперь другим и тайным стал.
089
Что делать всем, «не близко ждите», –
В записке скоро прописал
И, голосом внутри ведомый,
В тиши рассвета зашагал.
090
По указаньям путь сверяя.
Без чувств и в легком забытьи
Своей судьбе себя вверяя,
Пробрёл, не ведая пути.
091
И вот пришли, – вдали просёлков,
При явственной ещё тропе,
В дубраве на лесной опушке,
К большому дубу на холме.
092
Тот дуб – огромный и старинный,
Охватов несколько окру́г,
Смотрелся, чтился как былинный,
И в городе, да и вокруг.
093

Известен был он всякой славой:
И в верности клялись под ним,
Дуэли завершались странно,
И путник в чудный сон клоним.

094

«Здесь будет действо», – глас
наставил.
«До сумерек,– сказав,– не спать».
И с этим он его оставил.
Осталось лишь бродить и ждать.

095

Бледный, полный лик – свидетель
Над горизонтом нем прозрил.
Ровно меж теменью и светом
Сгусток тьмы себя явил.

096

Обтёк вокруг, стал плотным кру́гом,
В фигуры не́людей свиясь.
Одна из них, пред ним в короне,
Сверкнула, взглядом в взгляд впиясь.

097

Заложник взгляд как твердь почуял,
Повис на нём как на игле.
Потом обмяк, на землю рухнул.
Накрыт очнулся и во мгле.

098

Самим – из тьмы – сей театр не нужен.
Могли б фигурами не быть.
Но сил впритык – комар отцежен.
Без веры жертвы – не свершить.

099

Ну, так что ж во тьме таится?
Стал шевелиться, трепетать;
Тело странно ознаётся,

И в полный рост никак не встать.
100
Рукой повёл – не так всё как-то, –
Своих и пальцев нет как нет.
Пополз кой-как и понял разом –
Исполнен дьявольский навет.
101
Из-под одежд он птицей вылез,
Но сам собой – внутри себя,
Владея телом непривычно,
Стал ворошить, свой крест ища.
102
Тут отвлечёмся на немного –
Посмотрим путь до сей черты
Сторонним взглядом, даже строго, –
Картины всей для полноты:
103
Вот вышел господин с калиток
С потухшим взором, бормоча,
И свой, в недальний путь, пожиток
Как против ветра волоча.
104
На перепутьях замедляясь,
Прохожих загодя таясь,
Днём задержался, сел в дубраве,
К большому дубу прислонясь.
105
До сумерек бродил он вяло.
Остановился тих, застыл.
Исчез…пуста одежда пала…
Был человек – и весь избыл.
106
Красавец филин опроста́лся
Из-под одежд, чуть погодя,

Как что ища, в них покопался
Он, никуда не отходя.

107

Потом с тесьмой какой-то бился, –
Конец прижав, другой тянул.
Не враз, но своего добился
И, видно, что-то там стянул.

108

Затем, тесьму в траве навесив,
Он головой в неё нырял.
Вот, наконец, попал удачно
И в рост, с крестом уже восстал.

109

Сторонний взгляд теперь оставим, –
Он удивлением созрел.
А филин жизнь свою продолжил
И со крестом на дуб взлетел.

110

Дупло нашел легко и быстро.
Клубок, как шерсти, ждал его.
Скатал и вещи, и, по скатке,
Все перенёс на то же дно.

111

Служенье начал в тот же вечер.
А так – как филин он зажил;
Но взгляд, по воле, человечий,
Ему свой ангел сохранил.

112

С речью дело было хуже –
Учился говорить с трудом,
Но умение натужил,
Хотя и птичьим говорком.

113

Го́вор был демону не нужен –

Недаром птицу он воздвиг.
Но ангел Божий передюжил.
И бес провал свой не постиг.

114

Себя теперь он не являет.
И голос изнутри отстал.
Только клубочек возникает.
Здесь ангел нечисть обкарнал.

115

Несчастный, как далось, обвыкнул:
По-птичьи ел, летал и спал.
Смысл службы мыслью не постигнул
Пытаться более не стал.

116

Днем подлетал и с дальних сосен
На дом печально свой взирал.
Там видел жизнь тихý и ми́рну
И в этом, чуть, покой стяжал.

117

Однажды чучельник знакомый
Его пытался подстрелить.
Да вовремя его заметив,
Успел себя он отдалить.

ДАМА

118

Оставим филина заботы, –
И вспять, во при́город взглянём:
Среди домов, в садах утопших,
Один – с весёлым витражом.

119

Меж яблонь, груш – цветы, беседка;
Хозяйка вольно в гамаке.
Над клумбой трудится соседка;

Хозяйка – с томиком в руке.
120
Не столь читает, сколь мечтает, –
На судьбы мира мысль стремит.
Кого-то, как бы, поучает
И вслух с собою говорит.
121
Дама молода, красива;
Чуть анемичное лицо.
Муж от неё ушел когда-то,
Не объясняя ничего.
122
Она ж, не огорчась нима́ло,
Украсила житьё-бытьё
И, предков капитал имея,
Свой план "без пут" ввела на всё.
123
Да он и так был весь исполнен,
Но муж "не понимал", мешал
И кой-каким причудам в доме
Он ходу, всё же, не давал.
124
Да и везде, где б ни бывала;
Не было мелочи такой, –
Кой под себя б не поменяла.
Решать не смел никто другой:
125
Когда где сбор, суть говоренья,
Чему, кому как пребывать,
Наметить прочие движенья.
Девиз – "под дудку не плясать".
126
А бывала где – не мало:
На чтеньях разных, на чаях,

На собраньях вольнодумцев,
Музыкальных вечерах...
127
Всё доказательно вещала.
Перечить не дерзали ей.
Когда указы раздавала,
Смущась молчали – то верней.
128
Говорила четко, ясно,
Чеканной дикцией звеня,
Но тон имела очень мягкий
И подкупающий слегка.
129
Собеседник, коль решался,
Какую мысль свою начать,
Ловко ею отвлекался,
Пока не станет забывать.
130
Наконец, ту мысль забывши,
О другом заговорит...
Тут, с участием, позволит,
Момент победой залучит.
131
Как где-то, в чем-то не давалось:
Себя на то распространить –
Могла, скрыв гнев, не к теме, мягко,
С талантом, больно уязвить.
132
Мужчин легко в себя влюбляла.
Иных с триумфом, наповал.
Сама ж и знать их не желала.
Усладу ей сам факт давал.
133
Могла собой полюбоваться

На сон пред зеркалом весьма.
Порхнуть иконам показаться,
Накинув пеньюар слегка.

134

Несла сиротам чепцы, блузки.
Приют старалась посещать, –
Играла, пела по-французски.
Любила сладости давать,

135

На службах в храме – да, бывала
И службу знала хорошо.
Священство часто наставляла,
На исповедь несла не всё.

136

В плену себя, собой – живала.
Но в услажденьях – без ума;
И так, с темна себя не зная,
Что свет – уверена была.

137

А время шло, – плодом созрело;
Во "тьме" решили, что пора,
На грани силы – приступили
К опро́бе черного пера:

138

Однажды, в час передзерка́льный
Дух счастья вдруг её пронзил.–
Уму отверзлась бездна знанья...
Дух другом стал, как пробудил.

139

На крыльях грёз всю ночь летала,
Открытьем каждый миг дыша.
Духа с ней быть всегда – призвала.
Писала на листках, спеша.

140

Да день настал – с вершин спари́ла,
Себя текущим заняла́,
Трезвенье вовсе не призвала
И в новом счастье зажила:

141

Теперь уж знала она точно:
"Как люди глупо все живут,
Зачем-то ходят в одно место
И в этом месте бога ждут…

142

А бог… он здесь, всегда со мною:
Вот птицей прилетел ко мне,
Вот прямо мне гласит грозою,
К царице мне пришёл во сне.

143

Вопрос любой – ответ мгновенный:
Кипящей булькает водой.
Он в тексте, вот, в обыкновенном.
Он, мне же вя́щий – глас какой.

144

Иконы смотрят со значеньем,
С надеждой смотрят на меня.
А я свободная, как ветер, –
Мне нет преград, – я из огня!

145

Я научу людей свободе,
Я попрошу – бог для меня –
Оздоровит, сроднит с природой
Он жажды все раскрепостя.

146

Он обещал,– коль соберётесь,
Я тут же буду среди вас!
Мы соберёмся в моём доме;
И он в наш хлеб сойдёт для нас..."

147
Ну, по́лно нам читать си вирши, –
Листки исписаны не зря.
Дух вдохновенья мы узнали,
А все читать – забавы для.
148
И бес не стал тянуть в управе,
Не дал совлечься ей с межи;
Благо, что сродницы при доме
Пушинку снимут с госпожи.
149
Он в тот же тёплый, тихий вечер,
Когда закат насы́тил всё,
Из отражения к ней вышел,
Преобразив в себя его.
150
Мерцая мягко, серебристо,
Крылом сквозь стену шелестя.
Любовный взгляд, сам лик – лучистый.
С улыбкой, списанной с холста.
151
«Ну наконец тебя я вижу,
Мой ангел, жизнь тебя ждала»...
Она к нему вся потянулась,
От счастья слёзы не сдержа.
152
Но он спешил – не до отрады,
Имея время до черты,
Картинным пузырем фасада
Тыл прикрывая пустоты.
153
Сказал: «Да свет, с тобой я буду,
Лишь в послушании пребудь.
Позволь, и я в тебе пребуду,

И всей тебя я буду суть».
154
Она позволила с восторгом,
И с ней он слился в тот же миг.
Так с доброй воли, но обманом,
Союз от прелести возник.
155
Теперь она была спокойна, –
Любимый голос в ней звучал.
И быть чему, и что ей до́лжно,
Экстаз давая, ей вещал.
156
В сон провалилась поздно ночью.
Ко дню дух-глас призвал восстать.
Поев, под роль оделась строго,
Указы вышла пораздать.
157
«Как ко мне придут, – сказала, –
Впустить и ласково принять.
Недолго пусть пождут сначала.
Ни кто, ни что – не вопрошать».
158
Сказав, ушла теперь в "обитель"
"Завет" народам пописать.
А первый жаждущий ревнитель
Уж не заставил себя ждать.
159
Откуда взялся он – расскажем,
Мы взгляд иной в рассказ введя.
На людном рынке в день погожий
За главным демоном следя.

НЕЗРИМОЕ

160

Товары, балаганы, сне́ди,
Ремёсел разных чудеса
Он проплывал без интереса,
Свой взгляд на всё в себе неся.

161

При виде колокольни, вздрогнув,
У чайной под навес заплыл.
На мир теней, ему понятных,
Он со вниманием воззрил.

162

На ком-то тени были плотно.
Но более людей – без них.
Из этих – где – сновали близко.
При ком-то – далее от сих.

163

И видя этих , дух ярился,
Но только избраниться мог.
Самое слабое проклятье. –
"Согну святош в бараний рог".

164

На взгляд: как каждый из свободных
Каким-то кругом обведён.
И для теней проход внутрь круга
Как будто жаром запрещён.

165

Когда свободный с несвободным
Сойдутся вблизь поговорить,
То с несвободного слетают.
Иные, оставляя нить.

166

Сближенье их теня́м как бремя:
Бывает ссохнут, обожмут.
А какие, на то время,
Жертве внутрь себя вольют.

167
Между собою тени ра́зны:
То попрозрачней, то плотней;
И те, и эти – то без формы,
А то – каракули людей.
168
Каракули – есть вялы, сле́пы,
Есть – смотрят, дразнят кто кого.
Схоже с носителем, нелепо,
Изображают и его.
169
А как носитель глянет строго,
Тем паче, злобно на кого –
Слетают тут же и толкают,
Иль даже быстро бьют того.
170
Коль с вожделением хоть взглянет, –
Мгновенно прысь – на тот объект, –
Как обнимают и целуют.
На сколь успеют – всяк проект.
171
Потом – к носителю мгновенно.
Пока ко сну-мечте прильнёт,
Им, вожделенный откровенно,
Открыт-пробит в него проход.
172
С речью благой – тени слабеют.
С речью своей – нальются враз.
Как-то формуются, живеют.
И ,даже, проглянёт окрас.
173
Ну, да оставим описанье, –
Момент текущий-то течёт:
Вот мужичок идет невзрачный,

Собой большущий круг несёт.
174
Вся темь за круг спешит, стремится.
На крышу бес скорей летит.
Трубой с опасности прикрылся.
А тут на храм открылся вид.
175
Он мог в себе обзор заузить,
Тогда не так бы горячо.
Да надо ждать и видеть площадь,
Хотя б, и как через плечо.
176
Священник, вот, с широким кругом
На встречу с мужичком идут, –
Благословились,.. друг со другом
Беседу тихую ведут.

АРАП*

177
Круги слили́сь – ещё разда́лись,
Теней отжав окру́г себя.
Но один не поменялся
И шёл, "живую" тень неся.
178
Ну наконец-то бес дождался, –
Стремглав с ней слился, опаля́сь.
Пришёл в себя, чуть осмотрелся,
За дело взялся, веселясь.
179
Что за герой расскажем кратко,
Но в достатке, не спеша:
Муж молодой, лихой и хваткий,
Только безжалостна душа.
180

Ничто не предвещало к пло́ху.
Родители в любви сжили́сь.
Родили мальчика – утеху.
Но сдались лиху и спились.

181

Сиротку сродники растили,
Держа ребенка в чернеца́х.
Хотя кормили и учили,
Но и бива́ли во сердцах.

182

Один угрюмый подселенец
Лет в десять парня приручил, –
Всему, что знал – не счесть коленец,
До рекрутов его учил.

183

Как губка всё мале́ц впитал, –
Брать, врать – понравилось ему.
Как дух стрелял и фехтовал
И с лёгкостью пошёл ко дну.

184

В солдатах быстро стал в почёте,
Но опасность не приня́л, –
Сказал: «Почто? Пошло все к чёрту».
И ночью с фронта убежал.

185

Кабы знал – как злым пророком
Себя он словом оказал ,
То навсегда б язык зароком
Себе немедленно связал.

186

С тех пор скитался, жил преступно.
Поддельный паспорт раздобыл.
Сближался с дамами попутно.
За их же счёт кой-где и жил.

187
Под лик любой на спрос ряди́лся –
Хоть дворянином, хоть простым.
Французскому у дам учился,
Читал и умным мужем слыл.
188
Дружка, мальчишку разбитного,
Всегда в помошниках имел.
Хи́тро, с выдумкой и дерзко
Что-либо с выгодой вертел.
189
Особенно любил дуэли:
С тем же мальчишкой сговорясь,
Он оскорблял кого во хме́ли,
Как бы за парня заступясь.
190
За чем же дело – тут же биться;
И шпаги вот – то не вопрос.
В ближайшем же укромном месте
Он учинял тому разнос.
191
И, близко быв прижат ко смерти, –
Тот трезвел,.. пускай с позором,
Был откупиться рад, поверьте,
Отдавал, потупясь взором.
192
Ну да к слиянию вернёмся:
Идет наш бравый случай взять.
Вдруг весел стал, азарт обрёлся,
Судьбу возжаждал попытать.
193
Цвет-бабочка пред ним зави́лась:
То вблизь, то вдаль, – и как зовёт.
Опять немного отдалилась,

Зависла в воздухе – ну ждёт...
194
Тогда вперёд – за ней, пожалуй.
Она как будто поняла,
И от него не отдаляясь,
За собою повела.
195
Прошли рядок таким вот чином.
За ним, сквозь люд, прошли другой.
И вот кружит над господином,
Круги чертя над головой.
196
А господин, как есть – военный,
Без комплимента на лице.
Предмет уж держит вожделенный,
Не беспокоясь о цене.
197
Лихач парнишку скрытно тычет.
Тот хвать, – и тоже за предмет.
Мол, первый я, – уже талды́чит.
Затрещина – ему в ответ.
198
"Заступник" тут же к господину, –
«Как ты посмел, такой сякой –
Мальца́ обидеть, образина»...
И хлещет по щекам рукой.
199
Тот побелел, призвал к ответу.
Сговорились быть вдвоём.
Вооружась, прибыли к месту –
За рощей, где сгоревший дом.
200
Свой адрес, как договорились,
Каждый в записке прописал.

Скрестились, к битве приступили.
Не на того дружок напал...

201

Арап уж скоро дважды ранен, –
С большой досадою в душе...
Вдруг господин стал как-то странен, –
Обмяк, замедлился в руке...

202

Да, выбор тщателен бесовский, –
Он загодя своё верстал.
Что признаками, что исчисля,
И опытом про мужа знал:

203

Наме́дни, трудником от Бога
От тела дух был отключён.
Под миг кончины, но подлогом,
Наглец наш был и подведён.

204

И он, с испугу, не теряясь,
Да как бы не было чего, –
Что шпагой мёртвого пронзает, –
Не подоспел познать того.

205

А бес уже под сю кончину
На лов ещё насуетил –
Интрижек, слухов, колдовщину.
Ну это так, как грех пустил.

206

"Смельчак" себя перевязал.
Все ценное забрал, сложил.
К шесту труп крепко привязал,
В колодец старый опустил.

207

К дороге вышел, сел помыслить,

Приметив старое бревно.
Бежать из города, и быстро, –
На чашах взвесив, – решено.

208

Пока он клял себя с досадой
За то, что трезвого схватил,
За эту с бабочкой браваду.
Заро́к и задний ум трудил.

209

В дали дороги написался
Какой-то на него ходок.
И как-то быстро рядом стался.
От облика – сковал ледок:

210

Суров был господин настолько,
Что к горлу подкатил комок.
«Что, господин, вам э-э... угодно», –
Пробормотать он только смог.

211

А господин взглянул спокойно,
Шпагу вынул, в штопор свил,
Тут же выпрямил и плавно
На то же место положил.

212

«Угодно мне, кабанье рыло,
Чтобы за жизнь ты послужил
И по моей указке, словом,
Человеков мне ловил».

213

"Кабанье рыло" прозвучало, –
Герой наш был весьма смазли́в.
Возможно, не кривил нимало,
Душевный лик его прозрив.

214

«Мужик был, – бес сказал,–
нездешний.
Заглушим поиск, не бойсь.
Людей отправишь в путь утешный,
Лишь бди указы и не тщись».

215

«Ещё, – сказал, – не бойся пули.
Всё отведём, всё утрясём»,
"Герой", кривясь, кивнул – согласен.
Ну, и поладили на том.

216

Отдав наказы – чётки, строги,
Бес растворился, не прощась.
Хромает псина вдруг к дороге, –
Присела, смотрит как сердясь.

217

Вещички взял, побрёл на псину, –
Она трусцою повела.
Так и пошёл, терпя кручину,
Что сам запрягся в удила.

218

Бумаги господина, деньги
В уме он снова перебрал.
Свёл дела – концы как в воду,
Решил бредовый кончить бал.

219

На перекрёстке – то недолго –
Метнулся было побежать.
Пёс обернулся, рыкнул громко –
Пришлось вернуться, в связку встать.

220

Долго ли коротко, – но сносно,
Пришли, и пёс исчез в кустах.
Среди деревьев плодоносных,

За пру́дом – домики в цветах.
221
Огромный ворон тут неспешно
Над головою пролетел, –
С глуши, лесной, совсем нездешний,
На доме с витражом и сел.
222
Взглядом острым метко шаркнул,
Перетряхнулся, покивал,
Тут же взлетел, негромко каркнул.
«Дом этот»,– кто-то прошептал.
223
«Могли бы дать и адрес просто», –
"Герой" со злом пробормотал.
Ударом боль пронзила кости.
«Простите э… », – залепетал.
224
Теперь домой – пришёл в коморку.
Ещё всё день, а жизнь прошла.
Достал бумаги, сел к конторке.
Адрес вот,.. а вот и та... –
225
То счёт гостинный господина.
И срок , и сумма, подпись вот.
Не сделать умно нет причины.
И сел подделать – как бы от:
226
«С оказией, мол, отбываю.
Моё прошу – сему́ отдать.
Погашаю, на участье уповаю,
Прошу и благодарность взять».
227
Вложил и денег в два конверта,
И сургучом их приложив,

Пошёл, нашёл мало́го друга,
Отправил, точно научив:
228
Одним конвертом – взять вещички.
Вторым – записку взять опять.
Отбытья прежний срок оставить.
Мол, господин просил понять.
229
Парнишка скоро обернулся,
Записку, вещи – всё принёс.
Наврать гостинный обязался,
И "устроитель" лапку внёс.
230
Принёс "герой" домой баулы.
В одном – деньжонок – полный клад.
Рисковая продажа тела –
Родным – тогда на кой же ляд.
231
Сходил к темну, зарыл останок.
Пришёл, не раздеваясь пал.
Ещё рассветный был заранок,
Кто-то в окно уже стучал.
232
Проснулся: птичка-невиличка
Трясётся, бьётся о стекло
«Пошла отселе, – ишь служичка».
А сам бегом, а то ещё…
233
«Ах, чтоб тебя...поесть бы дали.
Ой, ой,.. простите... – чтоб меня...»
Телеги враскосяк застряли, –
Видать, другим путём стезя.
234
Свернул, прошёл – углом трактирчик.

Дверь распахнулась – как тебе.
Скорей туда – вот место, стульчик.
«Слава...кому? – пожалуй мне.
235
Скорей еды! Без перегрева!..
Ах, чтоб меня... и слава мне».
С этой мыслью, как с напевом,
Вкусив, повеселел вполне.
236
Наелся, вспомнил, осмотрелся, –
Народу всякого кругом…
Надеждой даже подогрелся, –
Работа будет, иль потом?

СТУДЕНТ

237
Услышав, как студент студенту
О знаках жизни говорил,
Усмешкой горькой и злорадной
Раб беса слух сопроводил.
238
Один студент, который слушал,
Встал, заплатил, к двери́ пошёл.
Арап, пока на всякий случай,
На его место перешёл.
239
Тут воробей, откуда взялся,
Студенту капнул на плечо;
Он, так же, пусто бдил пространство.
Раб понял – это для него.
240
Стал угощать – вино разлили...
Разговорил – то не отнять,
Внутрь влил студент, а мысли вылил

И так прорвало – не унять.

241
«Студентик ищет славы, сло́ва…»
Арап всё понял, стал скучать:
"Мир глуп, не понял, – то не ново...
Хочет "во благо" управлять.
242
"Спасти глупцов", – никто не спорит...
Но до́лжно далее вникать:
«Кто путь к звезде моей проторит?..
И как бразды правленья взять.
243
Быть может, есть какое знанье,
Какая щель – куда пролезть,
Какое тайное избранье,
Чтоб смог я измененье внесть?..»
244
«Вот дверца, – вот бумажный воин…
Тебя я понял, брат, ты прав;
Подарка духа будь достоин, –
Меч-кладенец сейчас приняв...»
245
И рассказал арап, что до́лжно.
Приврал, раскрасил, но донёс.
Студент стрезвел, спросил тревожно:
«Какой с меня быть может спрос?
246
Не просто ж так? Какая плата?
И сам прошёл ли сей проход?»
«Ты что, браток, покров бесплатный.
С избра́нных милых – кто ж берёт?..
247
А я,..конечно,.. жив и в масле.

Да я попроще, глуповат.
Мне б жить во здра́ве и в достатке, –
А, вот, избра́н, всё взял и рад».

248

Студент поверил безоглядно,
Всплакнул, обнял, благодарил.
Всё оплатил. Со взглядом странным
И шагом каменным отбыл...

249

Пока и мы пребудем рядом:
Дошёл, нашёл, не без труда,
Тот самый дом с цветным фасадом,
С резной беседкой, у пруда.

250

Колечко дёрнул – отворили,
Как родного приняли́.
«Ждём-пождём уже», – сказали
И в беседку провели.

251

И вот она – плывёт как фея.
Мила, заоблачно строга.
Как сам, – на стол подносик лёгкий.
Весь взгляд – внимательно в глаза.

252

Воздела руки вверх, воззвала.
Речь, что небесный ручеёк.
По имени его назвала...
И ручеёк вошёл в поток.

253

Всё рассказала: что он хочет,
Чтоб был он смел теперь, силён.
Тогда и "сила" похлопочет;
Когда послушен будет он.

254

Сперва студент внимал, дивился
От прозорливости такой.
Потом созрел, водушевился
И стал готов сыграть судьбой.

255

Вдруг изменилась фея, – сонно
Затуманились глаза,
Быстро, чётко, монотонно
Ближайший план ему дала.

256

Тут же вновь, очнулась как бы,
Заворковала, ожила, –
«Попей, поешь, – теперь тут божье,» –
С подносика покров сняла.

257

Студент попил, щипнул, поднялся.
«Заряд получен»,– по́нял он.
Благодарил, тепло прощался,
Но встретил взгляд уж охлаждён.

258

Хотя не всё он точно понял,
Но место знал, шёл окрылён.
Уже при ярком лунном свете
Вошёл под дуба капюшон.

259

Тревожного волненья полон,
Присел в просвете подождать.
Вздрогнул – с ве́тви смотрит филин –
Ну прямо вот , рукой подать.

260

Клубочек в клюве, сам спокоен,
Никак и крестик впереди.
Текст феи стал теперь понятен
И прозвучал уже в груди:

261
«Там, у служителя из клюва,
Проводника себе возьмёшь,
По земле, за ним, без слова,
До исполнения дойдёшь».
262
Встал, подошёл, подставил руку.
Комочек тут же в неё пал.
Поставил на земь эту штуку.
Клубок подрос и засиял.
263
И тут же покатился скоро.
Ждать некогда, теперь за ним.
Зашагал студент наш споро,
Исчезнув в чаще, что твой дым.
264
Филин к дуплу – клубочка нету.
Свободен, стало быть, пока.
И полетел по слуху, с ве́рху
Понять, куда ведёт "рука".
265
Перелетая по верхушкам,
Подлеском филин путь продлил.
Вот, наконец, старьё-избушка.
В неё "объект" вошёл один.
266
И тишина – ни сном, ни духом, –
Закрыта дверь, доской – окно.
«Дальше то что – подземным ходом?»
Осталось думать лишь одно.
267
И филин вновь вернулся к дубу
Служенье странное нести.
А мы свою продолжим дружбу –

Героев далее вести.

НОТАРИУС

268

В центр города, в конторку глянем.
Надпись –"Нотариус" – гласит.
Бумаги, стол, мужчина статный
Пером старательно скрипит.

269

Вексель творит на бланке старом, –
Якобы умерший должо́н.
Фокус уже не раз уда́лый.
И кредитор подговорён.

270

Но в дверь стучат,.. – ещё немного.
Пошёл задвижку открывать.
Клиента ждал – в часах не строго.
Открыл – попятился назад.

271

Тут же закрыл, задвижку двинул.
И побледнел, с лица пропал.
Кресло пустое передвинул,
Как будто сесть кому подал.

272

Сам сел напротив, – неуклюже
Подделку норовя прикрыть.
«Да это так,.. шутлив я дюже...»
Запнулся, взглядом стал водить.

273

Потом лицом стал ещё хуже,
Весь посерел, уткнулся в пол,
Долго сидел, трясясь, как в стуже.
Затем кивал, – согласен, мол.

274
Так дело справил бес, и страхом
Второй "апостол" стал готов.
И со вниманием ко знакам…
Обдумал человеков лов.
275
Недолго посидел, спрямился.
Лицо вошло в свой прежний цвет.
Сказал: «Всего-то! Я ли спёкся?
Так даже лучше, разве нет?»
276
Сходил, поел, воспрял, размялся,
Пришёл, тот вексель дописал.
Рукой с печатью лишь расстался,
Тут и клиент уж постучал.

МУЖИЧОК

277
Молод мужичок , простецкий,
Расстегнут, как-то клочковат,
Мнёт картузик свой мужицкий.
Но взглядом трезв и хитроват.
278
«Вот, господин,.. хозяин болен –
Тесть, то-есть; – я же про него.
Ни бе, ни ме, лежит,.. не волен...
В любой денёк может – того...
279
Чтоб не смогла б из дома справить…
Сестра жены… не без того…
Нам завещаньице б управить,
Как бы давнишнее его.
280
Я заплачу, скопил не малость

Да золотых рублёв аж пять.
На чёрный день, детям, на старость...
Да вот, поди ж, с сестрой напасть».
281
Нотариус, ещё не зная,
Но, чтобы и не потерять,
Тотчас писать его заставил,
Что деньги хочет в рост отдать.
282
«Ты, деньги, мол, сейчас оставишь.
Записка тоже у меня.
Список наследников составишь.
И подготовимся пока».
283
Мужик перо взять потянулся.
Крестик из ворота – бултых, –
В чернильницу и окунулся.
Свело мошеннику поддых.
284
Хочешь, иль нет, а надо править.
Понял – вот он – тот указ.
Кровь из носа, но отправить.
Не обойти теперь приказ.
285
Спокойствие сыграл отменно:
«Да вот что, брат, прими на слух...
Успех , – сказал, – всенепременно,
Теперь – твоих же дело рук.
286
Дело наше не законно.
И, чтоб в остроге нам не гнить,
Силой заручиться до́лжно,
Один обрядец пережить.
287

Без него не буду стряпать.
Ты, уж, брат, не обессудь.
Сам то знаю, сколь он значит.
Дураком и ты не будь».

288

Мужичок слегка помялся.
«Долго ль делать?»– он спросил.
«Суток хватит». Бедный сдался
И рассказать всё попросил...

289

Пропал в неведомой избушке –
Соблазн страшок преодолел.
Оставшись на своей опушке,
Филин за ним уж не летел.

КОЛДУНЬЯ

"Рече безумен в сердце своем:
несть Бог". Пс 13:1

290

Продолжаем вирши стра́нны
Про склонённых по грехам.
А служение обманно –
Так ли не грозит и нам?

291

В селенье дальнем, при болоте,
Колдушка, травница жила.
Со тьмой наследно в одной ноте.
"Апостол" третий был – она.

292

Сама-то ладна, но спесива:
Кто не угодное сказал, –
Уж так гневлива и руглива, –

Никто и замуж не позвал.
293
Вот та немалая избушка
На курьих ножках-валунах.
Вместо икон в углу – старушка.
Сидит застывши, лёд в глазах.
294
А молоди́ца что то тре́плет.
Бормочет, быстро в ступке трёт.
В котёл на печке тут же сыплет.
В сукне завёрнутое мнёт.
295
Бес тут как тут, пока не виден.
Момента ждёт, – нам не понять.
Вдруг тёмный дубль из девы вышел –
Точь в точь она – ни дать, ни взять.
296
"Наш" бес на миг всего опешил.
Но жертву надобно отнять.
Метким словом дубля встретил.
И тот не стал с ответом ждать.
297
Через момент – калеки оба.
Тут бо́льший дух их подчинил,
Приказ отдал – стараться вместе
И бытиё им возвратил.
298
И бес явился деве мрачной.
Она взглянула на него:
«Ну, что, молчать пришёл, нечистый,
По делу, так скажи чего...»
299
Он , сразу ей не отвечая,
Хотел сначала подивить.

«А ну, без фокусов!, – вскричала, –
Давай вали́ть, иль говорить!»
300
«Тю...тю,.. – пробукал бес, опешив, –
Со властью так не говорят».
«Власть докажи, – сказала смерив, –
Могу ль, к примеру, я летать?»
301
На дубля мельком демон гля́нул.
При деве тени уж стоят.
Дубль кивнул, в девице канул.
И в тот же миг они парят.
302
Всплыла колдушка, засмеялась,
Пучочек трав вверху́ сняла́,
Кружочек сделала, спустилась.
«Возьму служить», – произнесла.
303
«Но, но,..– отметил бес, – подружка,
Тебе ли строить недомёк?
Кто недвижи́мую старушку
За деньги сродницы упёк?»
304
«Ты что мне вяжешь, прыщ ушастый?
Я же несчастную спасла.
От долгих ле́тов мук ужасных
Она счастливая ушла».
305
«Ну, ладно, вот другое дело:
Твои служители болезнь
Перенесли в другое тело.
Или и тут спасенья песнь?»
306
«Кто задолжал, хватая боле

Тому и более нести.
Или не знал законной доли
И дальше будешь мне плести?»
307
Хоть вырви глаз, а виноватить…
Бес растерялся,.. что сказать?
Решил ферзём её ухва́тить.
Чтобы совсем не проиграть.
308
«Дура, – сказал, – закон я знаю;
Я сам всем заповедям тать.*
Иль навсегда ты хочешь с нами?
Что будешь Богу лепетать?»
309
«Меня ль, сморчок, ни за понюшку
Басенкой хочешь провести.
И главный тот – творенье ваше,
Смог и других с ума свести».
310
«Вот это да!» – безумье редко,
Лет тысячу бес не встречал.
Взглянул на дубля с интересом.
И тот, осанясь, взгляд принял.
311
Как со сшедшими справляться
Бес знал давно и хорошо.
Сказал: «Ну, будет нам бодаться,
Взаимно быть нам суждено».
312
«Вот то-то,..– дева ободрилась, –
Мои тупы, ты поумней.
Подскажешь, чтоб гадать не тщилась,
И чтоб летать мне повольней».
313

«Летать ты будешь, но без тела.
Отварчик выпьешь – и в полёт.
С людьми – любое справим дело,
Но кой-кого – в мой огород.

314

По указанию упра́вишь...»
И бес всё быстро рассказал.
«Им же во благо их отправишь».
И место нужное назвал.

315

«Указ чтоб был в моей оправе».
Колдунья ворот отвела..
Вместо креста – паук на теле.
«Чёртик пусть кажет», – изрекла.

316

Бес полетел, забыв исчезнуть.
«Почнёшь ты, стерва, – бормоча, –
Душонки будешь тараканить,
А мы повыщиплим тебя».

ПРОСИТЕЛЬ

317

Он из ворот… В избу проситель –
Серый, никто́шный внутрь шагнул,
Не смотря, и пот не вытер.
«Убил бы кто,.. молю», – шепнул.

318

С лаской к столу его колдунья.
Отвар горячий налила.
«За смерть не мало и возьму я».
Кусок и хлеба подала.

319

Тот – на стол тяжёлый свёрток.
«Готов, – сказал, – предусмотрел».

Она – раздвинула обёртку:
«Ну, что ж, получишь, что хотел.
320
А как – пусть чёртик даст намёток».
И паука – на край стола.
Паук вразвалку влез на свёрток.
«Тогда, такие друг дела...»
321
Покормила, о молчке предупредила,
Известный адрес назвалá,
За порожек проводила,
Паучка на грудь взяла.
322
Итак, отправился несчастный,
Чрез фею, филина прошёл,
Вошёл в избушку неизвестну
И , что неведомо – нашёл.

ПРИРОДНИК

323
Среди ручьёв, оврагов, горок
Теперь по солнышку пойдём. –
На десять душ – ремёсел сорок –
Деревню малую найдём…
324
Один чудак средь них – не в ды́шло, –
До самобытной мысли прыток, –
Одно вошло – чудно́е вышло.
Из чудо-быта и прожиток.
325
А вот и он – толпе вещает
На поляне за избой.
Рябью солнечной играет
Пруд холоднющий, ключевой.

326
Сам гол почти, сух, мал мужчина.
До пол бедра краса-брада.
Юбчонкой, – с пояском, овчина.
Тих, внятен голос, строг всегда.
327
Толпа – всё больше городские,
В испо́днем бо́сыми стоят,
Как гласу высшему внимают.
Одежды на плетне висят.
328
Он говорит им о природе:
Большой – то есть вселенной всей.
У ней и бог огромный вроде.
И нам не уравняться с ней.
329
Поближе к нам – природа просто:
Планеты, солнце там,.. земля.
Бог её, – поменьше ростом.
С приветом маленьким она.
330
Природа малая – та наша.
То воды, воздух, всё живьё.
Тут бог роднее нам и краше,
И он даёт нам прожитьё.
331
«Мы сами часть природы малой. –
Природой слова можно звать.
Но от того, сколь с ней сольёмся,
Она нам мать или не мать».
332
Призвал с природою сливаться,
Себя открыть, ему вверять,
Ходить босыми, обливаться,

Всему и всем добра желать.
333
Бога земли он тоже вспомнил.
Его, себя любить призвал,
Но как-то спутался, умолкнул,
Природу бога не назвал.
334
«А как Христос »? – спросил тут кто-то.
«Вера пусть, – она по воле.
Я тоже вечности ворота, –
Как молиться, – не неволю.
335
Ну, полно нам, разговорились.
Пора природу воспринять».
Все в прудик тут же повалились
И ну давай плескать, нырять.
336
Повеселясь, отжáлись пóрознь.
Женщины – в баньке, мýжи – за,
За стол накрытый быстро сели
И уж поели – без нельзя.
337
Отпав, оделись, распрощались,
До выходного разошлись.
Бабульки убирать остались.
Простец пошёл лесочком ввысь.
338
Сел на пригорке у поляны
Природой душу попитать.
Из воздуха пред ним две стóпы
Размером каждая с кровать.
339
Вверх взглядом – ноги дальше гóлы.

Дальше – овчина, дальше – торс.
Над бородищею зелёной
Смотрит на него коло́сс.
340
С улыбкой, лаского взирает,
Как будто хочет что сказать.
Простец со страхом вопрошает:
«Если ты бог, то дай мне знать».
341
Колосс кивнул, немного сжался.
«Мы оба боги, – вдруг сказал.
Ко мне ты близко подравнялся;
И в вечность я тебя принял.
342
Но посвящение ты примешь.
Другие следом тож пойдут.
Я укажу кого – ты внимешь.
И вечность, счастье обретут.
343
Не бойся, – я другим не виден.
Тебя я сам и отведу.
Идём сейчас же – путь не длинен».
Простец вскочил – «Иду, иду»...
344
Всё прошёл, вернулся к у́тру.
Филин был даже удивлён, –
Этот голый шёл обратно...
Весел, пел, водушевлён.
345
В воскресный день опять собрались.
И стол ломи́тся, как всегда.
Двое новых оказались
Босоноги у пруда.
346

Всё провещал простец пророком.
Тут новичок поднял свой лик:
«Хочу, чтоб был я у природы
Её любимый ученик».

347

Простец поверх куда-то гля́нул,
Туда, в пространство покивал,
В глаза взглянул, слегка отпрянул.
«Будет исполнено», – сказал.

348

После еды отвёл в сторонку,
Что-то ему там рассказал.
Тот побежал с лицом довольным.
В избушке ночью запропал.

349

Вот так ещё один "апостол"
Начал, не ведая, творить.
А мы на пятого посмотрим, –
Пришлось ли демону трудить...

ЧЕРНОКНИЖНИК

«...где сокровище ваше, там будет
и сердце ваше.» Мф 6:21.

350

Муж – писарем в казенном доме.
Годами – ровно на горе.
В жилище съёмном, с фолиантом
Сидит при лампе на столе.

351

Жениться как-то не решился.
Почёл, что нет таких мощей.
А там и чёрный текст попался

И стал ему жены милей.
352
Зло полюбил, проникся духом.
Стараться стал приметить, знать.
Опутать жертву ложным слухом.
Письма подложные писать.
353
Разговорить умел, подла́стить,
Посочувствовать, подмочь,
А потом, оставшись в дружбе,
Нанести удар точь в точь.
354
Но сам ни-ни – приятен, весел,
Предупредителен, служлив.
Какой же смысл так перевесил?
Иль просто зло так полюбив?
355
...Итак, читает, тут же мыслит:
«Хоть бы явился "тот" ко мне».
Осознаёт: давно уж видит –
Вспухает что-то на стене.
356
Объём возрос и отделился,
Неспешно форму приобрёл.
На вид – учёный муж явился
И , не спеша, присел за стол.
357
«Вот, домечтался», вспомнил писарь,
Унять стараясь холодок.
«Простите, чем обязан, сударь», –
Спросить, не сразу, всё же смог.
358
Гость для начала осмотрелся,
Из фолианта вслух прочёл,

В глаза – внимательно, как впился.
Вопрос – ответу предпочёл.
359
«Зачем позвал? – спрошу сначала.
Ответишь, и поговорим.
Бросил службу, вот, примчался,
Готов послушать, что хотим ?..»
360
Отпираться – нету смысла.
Напросился – говори.
Стал излагать опоры-мысли,
Давно горящие внутри.
361
Сказал: «А что ещё то,..
Неужто просто так смотреть
Жизни бессмысленные верти...
Хочу всё сжечь, чему гореть.
362
Где не горит изыщем семя,
Взрастим для нашего огня.
Пусть всё сгорит – гнилое племя.
Огонь отраден для меня.
363
Терпеть не буду устроенье.
Зачем дал разрастись греху,
Что Каина не уничтожил
И в рай зачем пустил змею?..»
364
Отметил демон глупый пафос.
«Ну, да пусть, на то и взять...»
Писарь продолжил распаляться,
Даже руками стал махать:
365
«Я полюбил "его" – героя,

Что взялся уничтожить мир –
Творьё ничтожное и злое…
И с "ним" взойду на его пир.
366
Ищу служенье я такое,
Чтоб быть звеном в "его" цепи,
Чтоб узнавал ростки я злого,
Их поливал – к концу взрасти».
367
Бес про себя лишь усмехнулся
И с тем же пафосом сказал:
«То речь не мальчика, но мужа.
Достойный путь ты, друг, избрал.
368
Но Бог предрёк злодеям муки.
Готов ли ты на них идти?»
«Ну, нет, – ответ, – у власти руки.
Любимым разве то нести?»
369
Лгун картину видит мигом,
Как выглядят они в аду.
Со смехом бесами мучимы,
Клянут себя за жизнь в бреду.
370
И про себя опять смеётся:
«Вот та кощеева игла.
Сломить её, конечно, жжётся.
Тогда исхода только два:
371
Один – сознательный служитель –
Таких по пальцам перечесть;
Другой тотчас – церковный житель.
И этого уже не сместь.
372

– Не стоит рисковать, не время.
Вот когда много будет вас...
Чур чур.. – мечтать не наше бремя.
Глупый романтик пусть – сейчас».

373

И говорит проникновенно:
«Да, брат, ты прав – избранье есть.
Служенье дам тебе волшебно –
Избра́нным нашим весть принесть.

374

Им путь покажешь прикровенный.
Горнило наше пусть пройдут.
Их убедить – твоё уменье.
Достойное себя найдут».

375

И рассказал всё по порядку,
И в мелочах всё упредил.
Простор оставил для догадки,
Обильной лестью усладил.

376

Расплылся по стене, впитался.
И, как бы, не было его.
Служеньем писарь обзавёлся.
Мечтал о нём – и вот оно.

377

Заснул с трудом, мечтая рьяно.
Волшебный сон – ну весь звезда.
В воскресный день проснулся рано.
Сна нет как нет – так бы всегда.

ДУАЛИСТ*

378

Присел за стол, открыл окошко
Пробрало книгу ветерком.

Занятный вид увлёк немножко…
Листы застыли веерком.
379
«Так вот куда приказ направил, –
Страницы тихо опустились, –
Подсказ на время бы добавил…
Птица у окна явилась.
380
Вот никак и время ве́стно.
Та клювом тукнула в стекло.
Как стало жить то интересно!
Скорей, пока не истекло».
381
В редких книг пришёл лавчонку
Один читатель отошёл.
Пусто,..с книгой встал в сторонке.
Вдруг молодой тот вновь вошёл.
382
Взял книгу древнюю, листает.
Кладёт и том другой берёт.
«Это тот», – мудрец смекает,
Подсказ по тексту подаёт.
383
Нашлись,.. пошли, разговорились,
Купивши книгу на двоих.
Думы тайные пробились…
Писарь затих, и весь на них:
384
«Я, вот. мучим вопросом давним:
Всегда ли белое бело́...
Быть может, глубже видеть благо...
Во благо делать и черно.
385
Добро ли, зло ль, – поди как ра́вны.

Не братья ль в боге ли они?
Быть может, есть ученья давни,
Забыты просто, а верны.

386

Вот, зло, глядишь, добром вернулось;
Добро – во зло обращено…
Не зря ль друг друга отвернулись,
Когда дружить им суждено.

387

Быть может, есть ответ где в мире,
Чтоб знать, как быть наверняка.
Или спасти, иль бить как в тире,
Чтобы не дрогнула рука».

388

Тут вздрогнул писарь: «Друг, а знаешь,
Такое посвященье есть;
Коли ты смел и правды чаешь, –
Сам посвящён, – могу наве́сть…»

389

Поверил малый, как воо́чью.
Готовность – чудеса творит.
Пропал в избушке той же ночью.
Легко сгореть, коль дух горит.

ВОРОЖЕИ

390

А мы опять к простым домишкам.
Две ворожеи в них живут.
Дочь , мать – и порознь, и рядом.
Обман посеют – да́чу жнут.

391

Когда над вещью поколдуют,
Смесь сварят, за́говор прочтут.

Живут себе и в ус не дуют…
Скажут – что, как, дары возьмут.
392
Сами бе́сов-то не знают,
Но понимают, что при них,
Во всём на "точность" уповают,
Блюдут "рецепт" от сих до сих.
393
Но другим всё скажут мутно,
Чтоб если что, то вы не так.
А бесы ткут своё попутно,
Но, чтоб, и им не всё впросак.
394
Демон суть управил складно:
Склонил их порознь и легко.
И начали раздельно, тайно
Справлять людей как на добро.

ЛЮБОВНИК

395
Как-то пришёл любви желатель
К старшей – ту не удивишь.
По знаку в путь пошёл мечтатель.
Сам никакой, так и поди ж...

ВЛЮБЛЁННАЯ

396
К младшей – дева обратилась, –
Чтобы в неё влюблён был "он".
По указанью устремилась,
Прошла за филина кордон.
397
А что "он"– чей-то муж,– то ладно.

Лишь бы только полюбил.
После в омут… за отрадно.
Кто хоть раз таким не бы́л?

АСТРОЛОГ

398

Восьмой – астро́лог престарелый.
Обманут сам , и бес поддул.
На службу был легко согласен, –
Лишь бы под ним остался стул.

ИЩУЩИЙ

399

Отправил ищущего "знанья"
Чрез фею, филина пройти.
Сам, чтя себя при обладаньи,
Послал наивного "взойти".

БОГАЧ

400

Девятый был богач неправый.
За страх и начал он служить.
Такую бес навёл управу –
Готов был ближних заложить.

ЛОВЕЦ

401

Отправил к фее он страдальца:
Удачи тот ловил звезду,
"Венец" хотел надеть богатства
И в том доверился ему.

СПИРИТ

402

Десятый – тот спири́т заядлый.
Сидел за кругом и один.
Демон пришёл к нему как званый.
Суть приоткрыл, надул, скрутил.

БЕЗУТЕШНАЯ

403

Ему по случаю открылась:
Тут безутешная одна.
Родителей она лишилась.
Обоих враз судьба взяла.

404

Уж так хотела видеть предков…
На деву зна́ком был указ…
Поверила, пропала девка.
Затмило глаз в неровный час.

"ИНДУС"

405

Ещё один чудаковатый,
Был в веру Индии влюблён,
Ходил в повязке грязноватой,
В чалме, годами не стрижён.

406

В халупке – рост на рост, в чащобе
Всё в медитациях сидел.
Народ жалел, кормил худо́бу.
А, всё ж, и прихожан имел.

407

С ним бес не стал мудрить особо.
Тот пантео́н ему знаком.
Транс поддав, проник в утробу.
На вид – с высот сошёл пешком.

408

Сам – жуть краса – " богиня Ка́ли."
И на служение подвиг.
Открыл ему такие дали –
Стал "аватаром"* в тот же миг.

ЖЕЛАТЕЛЬ

409

Стучит с утра – желатель силы.
"Индус" направил, – тот ушёл...
Вот фея, вот с клубочком филин.
И ищущий – своё обрёл.

СНОВИДЦЫ

410

Ещё не время НЛО...
Бесам пришельцами не быть
И на созвездие далёко
Так запросто не пригласить.

411

Предтечею – другая схема, –
Да то же дело, хоть хитрей.
Коль нет греха́, – то нету темы,
А есть – и бесов суд смелей…

412

"Сновидцев" ток – в"ничто"впадает.
Весь строй в работе как часы.
Рад демон, щупы потирает,
Начальственные видит сны.

413 * * *

К студенту мы теперь вернёмся.
Что за "ничто" пора взглянуть.
В избёнку вместе с ним введёмся.
Его и страхом не вернуть.

414

Клубочек – в гнома обратился.
Лицом, улыбкою светим.
Ручкой зовёт, вглубь устремился.
И дверь захлопнулась за ним.

415

Пространство распахнулось разом.
Довольно стало и светло.
Дверей вдоль стен так много сразу.
Вот гномик был – и нет его.

416

За спину взгляд – там те же двери.
Тут шум неясный за одной.
Открыл – как театр – народ в партере.
Студент – на сцену шаг ногой.

417

Народ вскочил и жадно смотрит...
Кричат: «Скажи, мы ждём давно.
Нас твоё слово успокоит.
Нам правду слышать суждено».

418

Так говорящим и остался,
Из залы в залу проходя.
С ролью слюбился и забылся,
Уже и выход не ища.

419 * * *

Что ж мужичок в избушке встретил,

Когда захлопнулось за ним?
Что дверь исчезла, он заметил.
О том у гномика спросил.

420

Тот улыбнулся как-то странно,
Сказал: "Пойдём", – и вышли вон:
Домишки, тусклое пространство…
И пискнул гном: «Ищи свой дом!»

421

«Найдёшь, – сказал, – тогда и
выйдешь».
И испарился, как не бы́л.
И мужичок в безлюдье ищет.
А что он ищет, уж забыл.

422 * * *

А что нашёл проситель смерти?
То пострашнее будет сон:
Убит был сразу же за дверью.
На муки вновь поднялся он.

423

Стал прятаться в каких-то хатах,
В подвалах и на чердаках.
Опять найдут, опять зарежут,
А то – повесят на чулках.

424

Всё мужики с разбойным видом.
Похоже как, что из людей.
Охотятся за ним всем скопом,
А сами бегают чертей.

425 * * *

Природника судьба иная:
Гном прямо в зиму его ввёл.

В пушистом снеге утопая,
Коло́сс уж ждал, улыбкой цвёл.
426
«Не будешь мёрзнуть ты, – сказал он,
–
Един с природою теперь.
Мной обновлён, иди обратно».
И, радостный, нашёл тот дверь.

427 * * *
Но вот уже его посланец
Очаровался средь зимы.
А что гнетёт, куда всё тянет...
Не знает сам, да знаем мы.

428 * * *
Друг дуалист попал в объятья
Бесовской братии в избе.
Не мог отделаться никак он
И выход не нашёл нигде.
429
Зацеловали, заласкали,
Кричат: «Браток, где ты – там мы.
Твоей любви мы вечность ждали.
Люби нас, обещал же ты!..»

430 * * *
"Любовник" – девою прекрасной
Обласкан был, а там – другой...
Пытался вспомнить он напрасно,
Что дан для жизни мир иной.

431 * * *
"объект" свой встретила и дева, –

Обнял, сказал, что ох как ждёт.
Для жаждущей сие не диво,
Пока всю жажду не уймёт...
432
И в круге форм своих застыла...
Страсть-жажда в вечность потекла,
Себя до срока не смирила.
Теперь – сон-прелесть обрела.

433 * * *
Искатель знаний затерялся
Средь стеллажей старинных книг.
Стал их листать и зачитался...
Забыл реальность в тот же миг.
434
С каждым листом всё интересней –
Сейчас ухватит суть – вот-вот...
Но смысл становится неясным,..–
В другую тему поворот.

435 * * *
Залу, кресло, стол, портье́ры.
В избе узри́л богатств ловец:
И гномик ряжен к интерьеру.
По́лом – узорный изразец.
436
Гном над столом, мани́т, порхает.
А на столе – три красоты:
Корона, кружка, ларь блистают.
И писк : «С одним свободен ты».
437
Надел корону – всё подвластно.
Глотнул из кружки – полон сил.
Забылся в переборе страстном.

Ларь полон золота открыл.

438 * * *

Что ж та, что встречи так хотела?
Её гном ввёл промéж дворов.
И присмотреться не успела..
Крикнул: «Ищи!» – и был таков.

439

И тáки встретила несчастных,
Похожих видом – вроде их, –
Холóдны, пóрваны, бездомны.
Стали искать жильё для них.

440

Нашли дом пýст и поселились.
Как будто так и быть должнó.
И дочь утешилась, забылась,
Да что-то нá душу легло.

441 * * *

Желатель сил – тот был доволен, –
Их некий гýру ему дал,
Пропел над ним большую мáнтру –
Он всеумельцем сразу стал.

442

Как только на него напали,
Он сразу силой их отбил.
Другие злые вдруг пристали,–
Огнём с руки их опалил.

443

А то и возлетит высóко,
Стрелою мысли поразит.
С игрой в могучесть – от порока,
Он сам собою был забыт.

444 * * *

Во снах-забвениях почи́ли.
Своё как есть все обрели
И так ли в вечности пробыли?..
Пути исповедимы ли?..

ДЕМОН

445

А бес, меж тем, пребыв в миноре.
Вспомнил, "сновидцев" отвлечась:
"Апостолы " не все в наборе…
«Двенадцатый меня предаст».–

446

В непроходимом буреломе,
Любимом месте находясь, –
То бьясь, неистовствуя вволю,
То недвижимо затаясь.

447

Ко дня концу, себе в поблажку,
Треща сухо́тою древесной,
Бессильной злобе дал оттяжку
Перед судьбиной неизвестной,

448

Ропча: «Им тресни, да подай-ка!
Вся шваль вокруг подгребена.
Один лишь игрочишка жалкий.
Остался в доступе у дна.

449

Не смог от совести отбиться,
Весь ненадёжен, слабоват:
Играть – и то оставить тщится.
Не шулер, только башковат.

450

Сам облизал я все сусе́ки:

Гнильё, ворьё и пьянь там сям.
Хватают лёжку без опеки.
Никчёмны – только в топку хлам.
451
А им до дела нету дела.
А им цифи́рь бы соблюсти.
Ещё и под луну заделы.
Лишь любо свой обман вести...»
452
Не правда ли, нам то знакомо, –
Как про чиновников рассказ:
Большому дела нет до гномов, –
Вынь, да положь – коль был приказ.
453
Хамство – бесам можно, нужно,
А вот приказ оспорить – нет!
Как бы не было натужно,
Но соблюсти здесь пиетет.
454
Без кары бу́нты не остались –
Вдруг глаз большой закат покрыл.
Веко тяжко приподнялось.
Из ще́ли взгляд, ища, поплыл.
455
Реакция была мгновенной:
«Только не это, – нет, нет, нет!»
Бес растянулся в нить продленну.
Нить потекла теня́м вослед.
456
Глаз превратился в рот открытый;
И рот – язык, как сеть явил.
Язык черпнул округу ситом
И сквозь себя всю процедил.
457

Бес проскользнул в ячейку нитью
И прочь, спасённый, поспешил.
А двух, нерасторопных "плотью",
Визжащих, рот в себя вкатил.

458

Их выплюнет, спустя́ немного.
И жаждой-косточкой падут,
Жестокий опыт помня строго,
Ловче́е "плоти" наберут.

459

Закрылся рот, в закате стаял.
Бес не спеша притёк в свой вид.
Оценке память предоставил.
Теперь себя вдвойне он бдит:

460

«Вот, человечины набрался.
Себе зажал и пострадал.
А без неё мне не справляться...
И он досаду обуздал:

461

Разнежился,.. с кем поведёшься,..
И сам съедал, и съеден был.
Зверьём в людей потом впирался,
Блеял, рычал, собакой выл...

462

А что же дальше?..дальше то же:
Есть и расти, расти и есть;
И сегодняшнюю рожу
Возрасти и тоже съесть.

463

Повиснуть в космосе огромным,
И божий мир весь так и есть,
И переваренным исторгнуть,
Чтобы моя – была он весть.

464
И бес воспрял, зажёгся силой:
Дурьё, легко надуем вас.
Друг другу будете скотиной.
Придёт ваш каннибальский час!»
465
И отлетел – за раз, как свистнул,
На зелень-улочку прибыл,
К домишку пустоту притиснул
И в ожидании застыл.
466
Бесы очерчены, теснимы –
Уж ангелы весь допуск бдят:
Стеной палящей ощутимы,
Везде невидимы, стоят.

ПРИКАЗЧИК

467
Солнце зашло, заря сыграла,
Растенья допивают свет.
Приказчик прост идёт усталый:
«Зайти сыграть, иль все же нет...
468
Да уж зарёкся, сколько можно,
Преображение вот-вот».
И поспешил, слегка тревожно,
Пройти до клуба поворот.
469
Пришёл в свой домик аккуратный,
Поел, под лампу книгу взял.
Взгрустнул, закрыв, о невозвратном,
В грядущем виды перебрал.
470
Вышел в сени: «где же ковшик?»–

Воды из кадки зачерпнуть.
Сидит на лавке – ви́дом странник,
А на двери запор замкну́т.

471

Вход в комнату открыл для света.
Взгляд на фигуру – дремлет тот.
Уж вдох набрался для привета;
Догадка вдруг прикрыла рот.

472

Он вспомнил бабушки рассказы, –
Старообрядки удалой.
Как Бог, по соблазне́ньи Евы,
Глас тьме связал своей рукой:

473

Не могут к людям обращаться,
По-пе́рву – только отвечать,
А лишь потом, под грех, общаться.
Да вот не всем дано то знать.

474

Приказчик с верой покрестился,
Фигуру тоже покрестил ...
"Странник" распался, растворился...
Клыкастый рот последним плыл.

475

Бес проиграл; как и во ве́ки,
Прину́дил Бог опять его:
Через благое человека
Принять бессилие своё.

476

Строй филигра́нный – царство в
царстве,
А на тончайшем волоске.
И будут судьбы ли возвратны,
Взрастясь на гнившем черенке?

477
А жизнь течёт, приказчик в славе,
Но демон местью воспылал,
Воспоминание-отраву
С безглавым духом подослал:
478
Как год назад ушла невеста
К лучшему другу под венец.
Двух потерял – игрой спасался.
Игру оставил – вновь конец.
479
История проста, банальна,
Описана в романах всех.
А вот твоя, – и разве странно,
Что дела нет тебе до тех?
480
Мучим приказчик стал, чернеет, –
Потеря в красках перед ним.
Жизнь пред фантазией бледнеет, –
Обузой стала перед сим.
481
И стал просить он даже Бога, –
Путь показать ему – не жить.
Спустела вечная дорога.
Он стал молить – просто не быть.
482
И показалось ему даже,
Что вопль услышан, разрешён,
Что по особой божьей бла́жи
К небытию допущен он.
483
Затихла совесть, стал "свободен".
Безглавый дело своё знал, –
Он этой жажде своеродной

И от себя парку поддал.
484
Прелестный круг ловли́в, безме́рен.
В душевном буйстве кто ж поймёт?
Приказчик в чувстве стал уверен,
Принявши пасть за божий ход.
485
Разговор поймал "случайно"
Про ведьму "там-то", что "могёт"
Дать на смерть отварчик сладкий.
Да, правда, дорого возьмёт.
486
Махнул рукой, сыграть решился.
Конечно выиграл, как ещё?
К утру дошёл, нашёл, добился.
Вот с ней сидит в избе её.
487
По смерть пришёл; весь сказ недолог
Молча прослушала она.
И из-за пазухи на столик
Рукой пускает паука.
488
Паук как пьян, – на руку гостю.
«Указ не сдвинуть – не отвар.
Ты по-другому сложишь кости.
Давай, какой ни есть, товар».
489
Дружка на грудь, в шкатулку плату,
На адрес нужный наведя.
Жертва в раздумье прочь от хаты, –
Мой ли венец? Невеста ль я?
490
Бес в ярости, бранится, бьётся:
«Не дали справить паука;

Труды – насмарку, кара вьётся»
Бессилен – знает, чья рука.
491
Но собрался, очертился:
«Гному сдам, наглец, тебя».
И в даме тут же огласился:
«Привет, мой свет, – а вот и я !»
492
Приказчик в тот же день – у феи.
Она радушно приняла́:
Поднос – на стол – пред ним в беседке,
Именем детским назвала.
493
Его желанье вслед пропела.
С воззваньем руки подняла́,
Указом, что плодом, поспела.
Свободе оду вознесла.
494
Призвала воспринять как божье.
Покров – с подносика долой.
Точнить пытался осторожно,
Гость, тут очнувшись, став собой.
495
Она не поняла, как будто,
Взгляд чужд, прохладен отвела.
«Никак не помнит !», – стало жутко…
Простился, – пущена стрела.
496
В пути был с чувствами двойными:
В небытие , конечно, – да,
Только дорожками такими, –
Не уходить бы навсегда.
497
Додумать, всуе, не сподвигся,

Забыл молитву, отрешась.
Но красотой ночной дивился,
При этом сам себе дивясь.

498

И вот у дуба, в лунном свете.
Про клюв, поход, – то помнит он.
А вот за слово не в ответе, –
Ангел подстриг тут память-сон.

499

Уж филин ждёт в ветвях с клубочком.
Сомкнулись взглядом, миг застыл.
Что непонятно, стало точным.
И ум мозаику сложил.

500

Чрез страх приблизился пыта́тель.
К клубку ладонь, – тот в руку пал.
Блестевший крест узрел старатель.
Вопроса муку не сдержал?

501

«С крестом я чёрта бы не встретил.
Ты, брат, поди, и говоришь?»
«Да, есть немного», – тот ответил.
«Да кто же ты и что творишь?»

502

«Я человек, служу по воле, –
Филин прово́ркал, помолчав, –
Всего не знаю в этой доле,
За ближнего сие приняв».

503

Сказав, взлетел и скрылся в ночке.
Принявший правду постоял.
Вспомнил – проводник в клубочке.
Поставил наземь, рядом встал.

504

Клубок расцвёл и покатился.
Назвался груздем – в кузов лезь.
Грусте́ц за ним и устремился,
Сам в думу погрузился весь.

505

Лес молчит, луной лужёный,
Мелькает сменой тенево́й.
Забрезжил свет в заговорённом,
Пробился мыслию другой:

506

О том, что заповедь недаром,
О тайне страшной, что при нём...
И мысль внеслась благим ударом:
«Пождёт мой час с небытиём».

507

Остановился. Шарик тоже.
Перекрестил, и тот погас.
Нагнулся – на орех похоже;
И положил в карман тотчас.

508

Пошёл обратно мимо дуба.
Негромко кликнул, подождал.
Но тишина, нет птицы-друга.
Безвестно бдить в ночи́ не стал.

509

Дошёл до поля, в стог зарылся.
Проснулся, в поиск мысль провёл...
«Осталось только в храм влачиться».
Других исходов не нашёл.

510

Опустим перспективы ловлю
И вытяжку пустых сетей,
А также быта мелочовку
До самых храмовых дверей.

511 * * *

Филин видел возвращенца,
Да уж не стал себя являть, –
Жертва твёрда отщепенца
И нечего ему искать.

512

С сосны он тем же днём увидел;
Как тот, к кому в ту ночь ушёл,
У дома, с экипажа вышел
И во двор к нему зашёл.

513

Там в дверку слу́жкину он стукнул,
Потом стоял с ней, говорил.
И по лбу себя прихлопнул,
И руками разводил.

514

«Ну что ж, – всё тайно станет явно.
Мою пропажу не укрыть.
Открылась правда неотвратна.
И дай Бог силы пережить».

515 * * *

А весть тряхнула же́ну лихом, –
Причастность душу обняла́.
Заперла́сь и, плача тихо,
Протрезвляться начала.

516

Другой уже из хатки вышла;
Пошла душа на Божий звон.
Другая – тоже поспешала
На судьбоносный свой поклон.

517 * * *

Пришёл приказчик ровно к службе.
Священник исповедь нача́л.
При разрешительной молитве
Наш смертник с людом уж стоял.
518
Молитву слушал он дивившись,
Что лишь теперь далось понять,
Как помрачась, не "разрешившись",
Хотел от жизни убежать.
519
Сам при этом не молился,
Только внешне принимал.
В мыслях, чувствах копошился,
Что озвучить выбирал.
520
Свой "побег"себе оставил, –
Как личный с "богом" договор.
И на исповедь представил
Не весь отчаянью потво́р.
521
Покрывшись, счёл себя свершившим,
Нащупал спрятанный орех.
«Пробиться к тайне негде, лишне».
Направился добить "не грех".
522
Безглавый воздохну́л, отпы́хнул,
Ослабил вдетую струну.
Да ангел тоже шит не лыком –
Благую вдвинул мысль одну:
523
«Нет, стоп, не всё, – Застыл приказчик.
–
Оставить лучше в храме груз.
Опустошить тяжёлый ларчик, –

Смерть обрести без тайных уз».

ВСТРЕЧА

524
Непредсказуема изнанка, –
Была мысль эта не одна.
Образ в притворе прихожанки
Удержан ангелом сполна…

525
Та молодая – в той же позе, –
Печаль в лице, невидящь взор…
Он к ней скорей, в смиренной прозе.
Когда крестясь вбежал в притвор.

526
«Я вас молю, – сказал, – послушать.
Послушать, – боле ничего».
Она кивнула отрешённо,
Даже не глядя на него.

527 * * *
Безглавый – в ярости бессильной.
Он с носом, а точнее – без,
Что правда в мир пошла всесильна.
А ангел счастлив до небес.

528
Единоборству Бог представил
Теченье битвы роковой.
Но выбор человек лишь делал
Своей мятущейся душой.

529 * * *
Рассказ в начале, путь недолог;
Вот он до "странника" дошёл.

Прервался в деве мрачный мо́рок
И дух живой в неё вошёл.
530
Стала слушать с интересом,
Смотреть, не опуская глаз,
Восклицать, точнить вопросом.
Дошёл до филина рассказ.
531
Про у́мну птицу, говорящу,
Что жертвою себя несёт,
И про себя, как смерть обрящить
С клубочком он сейчас пойдёт.
532
Прозренье же́ну просветило.
Ангел подсобил найти –
Страданье сердце приютило –
Смертные закрыть пути.
533
«Постой, – внима́щая сказала, –
А крест ты помнишь? Опиши».
«Крест необычный, вот, пожалуй;
Я точно помню, хоть взыщи.
534
Там нимб Христа – узорным кругом.
Мне было хорошо видать.
И верх креста – весь в этом круге.
Другой такой – и не сыскать».
535
Дева вспыхнула, краснея,
К лицу и руки подняла,
Сказав, собой едва владея:
«Мерзавка, дура я была!»
536
Мгновенно всё у ней сложилось.

Сметливость ей не занимать.
Стыд-страх перетерпеть решилась,
За жизнь другого пострадать.
537
«К батьку́ со мной идём неме́для. –
Страдальца за руку взяла, –
Ключ у меня, – и он – не мене.
И за себя – внимай меня».
538
Такой предсказ и голос властный,
За просьбу за свою должок,
Надежда разрешенья тайны, –
Толкнули на ещё шажок.
539
Священник уж засобирался,
Последнего благословив,
Но ради этих двух остался,
Послушать их благоволив.
540
Рассказ её был прям и ясен:
Своё открыла не тая,
Оставив лишь конец ужасен,
На приказчика смотря.
541
Тот впечатлился сердцем ею,
Весь сказ прослушал недвижи́м.
Её раскаянье пленило
И отогрело дух томим.
542
Догадкой верной осенило
Откровение её.
Желанье смерти побледнело;
И исповедал он его.
543

Следом повторил всё вкратце.
Картину каждый получил.
Но рассказ о чудо-птице
Священника насторожил...

544

Догадку слушал – как бы "аще."*
Договорила уж она:
«...Пропащий,..филин говорящий...–
История, никак, одна».

545

На сумасшедших не похожи.
Этих служитель повидал.
Частичка веры и тревожит.
И он ещё вопрос задал:

546

«Не прелесть ли ушéльца ставить,
Допустит мира ли закон?»
Ответ : «И рады мысль оставить,
Да ход весь, крест,.. ну будто он».

547

Ещё отдельно их послушал,
Покрыл, молитву прочитал.
Вдруг по лбу себя прихлопнул
И веселей уже сказал:

548

«Ах, колпак я недошитый!
А как же наш там велиáр?*
Яви ка, брат, тот шарик скрытый –
Твоего "спасенья" дар».

549

Тот достал, батя потрогал –
Упруг, на вид – орех большой.
«Теперь на двор!» – сказал уж строго.
Кропило взял, сосуд с водой.

550
Шар на пенёчек возложили.
Пропели: "Да воскреснет Бог"...
Водой из кандии скропили –
Свершился видимый итог:
551
Запузыри́лся шар и с ши́пом
Весь смрадным дымом изошёл.
Смело́ дымок воздушным током,
И как не бы́л, и дух ушёл.
552
Вера священника взрасти́лась –
Предмет такой не сотворить.
Мгновенным планом закрепилась,
Как дело далее вершить.
553
На поклон призвал к хозяйке.
«Двух звен у нас не достаёт.
Расскажем дело без утайки,
Посмотрим, что произойдёт.
554
А ты, дщерь, – к служке обратился, –
Всё ей откроешь, как теперь.
А уж она,.. как ей проститься...
Бог даст, не выставит за дверь».
555
«Благослови, отец, признаться».
Созревшая произнесла.
И пошли – сестра и братцы –
Чудны́е сотворять дела.
556
По городу – версты недо́лги.
В закатной зелень – желтизне́.
Подо́льше – полем путь-дорога.

Дошли – воротца в стороне.
557
Постройки – чуть видны за садом.
Вошли – виновница ведёт
К дому с невычурным фасадом.
Одна, крестясь, во внутрь идёт
558
Братцы присели, посидели.
Выходит служка – стон в глазах.
Их призывает, чтоб входили.
За ней и дочь уже в дверях.
559
Поникла вся, с лица пропала, –
С горем нависла и вина.
Память жестокая нагнала…
Страданья сложного полна.
560
Служителя отдельно просит,
В отцовский кабинет ведёт
Покаяние приносит,..
Светлее… в дом гостей зовёт.
561
В гостиной тихо сели кругом.
И каждый свой явил рассказ.
Дочь помнит крест – обме́нен с другом.
За ней и был последний сказ.
562
В конце взглянула на служанку,
Свои все чувства перечла,
Заплакала, сказав: «Прощаю»,
Себя заблудшей назвала.
563
Сознанка тоже зарыдала,

Да третьим разом пала ниц,
Себя без милости прозвала...
Прощась и плача обняли́сь.
564
Свелася цепь – не все лишь звенья, –
Одно осталось им добыть.
Калейдоскоп дозрел сюжетом.
Что делать только и как быть?
565
Посидели, помолчали.
А, всё ж, до встречи не узнать.
В Преображение решили
Совместно действовать начать.

СВЯЩЕННИК

566
Затем молились и прощались.
В пути священник был один, –
Несчастным было не расстаться,
А он шёл думами водим:
567
«Такое дело навалилось...
Благословенье как просить?
По краю вспомнил, как ходилось.
Пал бы – тем паче не свершить».
568
Не стал он отгонять картину:
Как приспящею весной
Лесом шёл и небо сине –
Сквозь дымкой зеленящий слой.
569
Пришёл в часовню отдале́нну
Молебен малый отслужить.
В сторожке, после, сел степенно –

На путь обратный закусить.
570
Стук слабый – кто-то запоздалый.
«Меня ль?» Открыл, привет подал.
И встретил слёзный взгляд усталый
Привет-ответ не услыхал.
571
Женщина с лицом ненастным.
Собой, чертами, хороша.
На вид убита, в горе страшном.
В чём только держится душа.
572
«Ах, батюшка, сказать мне надо...
Совсем я нынче не жива».
Благословил: «Садись-ка, чадо,
Да сказывай – беда ль права?»
573
«Ах, батюшка, позволь излиться:
Невмоготу и дальше жить.
Мне от себя бы отделиться
И с гадкой памятью не быть».
574
Рассказ с рыданьями был долгий:
О том, как венчана была,
Как счастлива была недолго,
Как ревность мужа расцвела.
575
Да, нравиться она любила.
Об этом нечего скрывать.
Но естество-то скромно было.
Не за что и упрекать.
576
Не жить ему нам нет приказа,
А устрожить поможет Бог.

Муж подхватил заразу сразу.
И страсть загнала за порог:
577
Как пошла, куда свернула,
Не ленился проследить.
На кого – не раз – взглянула...
Встала с кем поговорить.
578
И юбка, чтоб была до пола
Цветной платок надеть – ни-ни.
И глаза, чтоб были долу.
Шею с тальей – не кажи.
579
Отдавал приказы стро́ги:
Взялся гнев на ней студить;
А бесы торкают предлоги,
Стали слухи подводить.
580
Дальше – вовсе распалился
И перестал себя держать.
Что ни "повод", то ярится.
Стал и руку прилагать.
581
Не до любви уже – куда там.
Чувства свершили поворот.
Неприязнь ей стала сватом
Адских мысленных ворот.
582
Стала думать: «Хоть бы сгинул».
Тут же сама себя винить.
Той мысли, что ни день – то стимул.
Так и пошло – мечтать, казнить.
583
Как ни старалась уклониться.

Всё же однажды понесла,
Одно в уме – освободиться.
И передумать не смогла.
584
К знаха́рке выбралась – по мукам.
А жизнь – не жизнь – не до того.
Лишь стук-постук – словесным туком:
«Не от него,.. не от него...»
585
А после,.. после всё болела.
Потом поправилась чуть-чуть.
Но больше уж не бремене́ла.
Прикрылась высшей волей – суть.
586
И так всё шло, – терпеть нет мочи.
В мечте злой – у́держ ослабел.
А муж, крича однажды в ночи,
К груди рукой и... – на́ пол сел.
587
Похоронила. В мысль и случай.
Казалось, на тебе, живи.
Так нет же – муки взвились круче, –
Вины́, бесплодность – понесли.
588
Дух-пустота пристыл уж рядом,
Ждёт сил, момента – омертви́ть.
Да не осилился кредитом;
И маячок остался жить.
589
А время встало – нет покоя, –
Одна лишь казнь в груди её.
Сидит теперь, стеня, пред батей;
И нет управы на неё.
590

Священник – речь и довод веский,
Но нет – убила, мол, и всё.
Что ж, помолились, исповедал
И отпустил на срок её.

591

Пришла ещё, и те же слёзы.
Опять беседа час, другой.
Чуть, показалось, отморозил.
И взгляд стал более живой.

592

На третий раз – чуть улыбнулась.
Потом опять пришла в нужде.
И так пошло – придёт, оттает,
Уйдёт – и снова вся в беде.

593

А с ним – уже и засвети́лась.
И горю – только с ним отбой.
И о другом заговорилось
В какой-то час очередной.

594

Само собою встречи стали
Без договора проходить
И, от себя в себе скрываясь,
На свиданья походить.

595

Взаимны взгляды стали до́лги.
И рук касанья начали́сь.
Страданья, вне свиданий, были,
Но, в своей ярости, сдались.

596

А что ж священник? А всё то же...
Прору́ху подпустил к душе.
Прилёг нечистый на порожек.
И на старухе... вольно вше.

597
Однажды даже – в пи́ке взгляда –
Лица друг к другу подали́сь.
Легко мелькнула мысль – "отрада"–
«Паду, спасая, – пусть как бысть».
598
Но стук спасительный раздался.
С трудом очнулся, отстранясь.
«Я ж никогда не запирался».
В дверях припомнил, отворясь.
599
За дверью – ма́лец быстроглазый
Протараторил торопясь:
«Тётки спрос – насчёт убраться»,
И убежал, благословясь.
600
С же́ной простились, попрощались.
Ушла смущённа и крестясь.
И больше уж не появлялась.
Он исповедал всё, стыдясь.
601
Опомнился, отец, вгляделся –
До дома близок поворот.
Свод лунный – звёздами размёлся.
И вот... уже он у ворот.
602
«Да полно, ишь развспоминался.
Прошло́ и благо,.. ангел спас.
И в разум то, что замарался».
И мы... забудем сей рассказ.
603
А в день уже, пошёл до дамы, –
Быть может, дастся что узнать.
Пруд, беседка, дом с фасадом,

Калитка – домику под стать.
604
Хоть говорилось, что не помнит,
А всё ж... Подёргал за кольцо.
Шаги, открыли – дева по́лна.
Строга́, не ласково лицо.
605
«Вас уж видали издалёка.
Барыня просит не ходить.
С церковным у хозяйки строго».
И поспешила затворить.
606
Пришёл домой и за обедом
Всё рассказал жене как есть,
Призвал молиться за победу,
Собрать в поход и тягу несть.
607
Жена в испуг, вся волноваться.
Руки к лицу, вскричав: «Ты что!?..
С нечистой силой ли вязаться!?»
«А ты молись, – чего ж ещё?»
608
Но провожала уж достойно,
Сказав: «Прости, кто как не мы?»
Лампады все зажгла спокойно.
«Сомненья ж пусть, как у Фомы».
609
Священник тут же прямо к дубу.
Пришёл в ночи́, – там тишина.
Помаячил в лунной шубе.
Она то, знамо, холодна.
610
Не прождёшься слишком долго.
Да и служба с утреца.

И почёл отец , как долгом,
Оттужи́ться до конца:
611
Именем купца окликнул:
«Обманут ты,.. – в крик дух вложил.
По празднику придём, – докрикнул, –
Дочь весь откроет водевиль».

612
Пождал немного, да куда там...
«Уже б явился,..да как знать...»
Сомненье вновь – «Туда ли верим? –
Пришёл, дурак, в лесу орать».
613
В обратный путь стопы́ направил.
Пришёл под утро, ну так что ж...
Хоть и с грусцой, но уповая,
Что в Боге всё, – как ни итожь.
614
А светлый день пришёл,.. проходит.
А мысль вокруг всё одного.
Дело в уме тревожно бродит.
Благословиться б на него.
615
Ответ иль нет – в ночь сон печатью:
Конь, как не по земле несёт.
Кра́сна шашка,.. – бьётся с ратью.
Осознаёт – его черёд…
616
Храм на пути возник огромный.
Пресёк полёт – и битвы нет.
Встречает кто-то светлый, стройный.
Ведёт,.. надежды брезжит свет.
617

Тот видом дружески привержен –
Его сам за руки берёт,
Смотрит в душу – взгляд безбрежен.
В ответ на плач, совет даёт:

618

«Не бойся, – и опять – не бойся
И делай, делай посмелей».
Священник, впечатлён, проснулся.
Слова в уме ... и образ сей.

619

Пришло – «благословиться – к
старцу».
Он мыслью этой окрылён...
Далось за сутки в скит добраться.
И вот уже на месте он.

620

Средь дрёмных древ, у кельи выждал.
Скрип двери их не разбудил.
Как невесомый, старец выплыл,
Ударом пó лбу наградил.

621

«Воды перетолóк то сколько?
И что принесся? – вопросил..
Всё ты знаешь, делай только».
Но покрестил, благословил.

622

С печатью лобной, духом лёгкий
Священник поспешил домой.
И долгий путь – теперь недолгий,
Его овеял красотой.

623 * * *

Уж через день Преображенье.
В предпраздничной все суете.

Другая пища у томленья,
Не до соломки по беде.

624

Отец в окно взглянул меж делом.
Повозка с двойкой – у ворот.
В ней мужики молчат,..без дела...
Сидят, а дождичек идёт.

625

Священник не спеша подходит:
«Что, дорогие? Вы к кому?..»
«Ты поп?»– Вопрос - ответ приходит.
«Да я», – «и мы к нему».

626

А мужики мрачны́, валья́жны;
Не трудовой, видать, народ.
Самый "свирепый" валко сходит,
Священника к себе зовёт.

627

Отец наш нехотя подходит.
«Мы вот чё, – мрачный процедил, –
Отпеть нам надобность выходит.
Братишка наш вчерась почил.

628

И после паузы, – а...чё там,..
Пред тем, как счёт себе подвесть.
Вот и привелись тем счётом.
Записку намарал, – отпеть.

629

Да наказал, – чтоб не обманом,
А то б наврали – и дело́в.
Вопчем, ты, без бры́ков, с нами.
Нам отпу́ст, – тебе улов».

630

«Совесть не меряю прибытком».

И батя к мужикам спиной.
Двое – в три прыжка к калитке.
«Не спеши батёк, постой.

631

Ты вот чё, попик, мы не шутим, –
Свирепый снова перед ним, –
Иль весь твой куст мы ща порубим.
Иль ты, прыг-скок, как мы хотим».

632

Спевка недолгая в привычку, –
Не отделался лишь страхом.
Тут же священника в повозку
Посадили одним махом.

633

«Ничё, за жисть грешок поносишь».
И быстро тронули молчком.
Угрозу даром не отбросишь;
И вопрос то встал ребром.

634

Едут, с боков прижат священник.
Не медлят лошади, бодры.
Уж полем побежал просёлок.
За горизонт ушли дворы.

635

«Мне ли с Иовом равняться, –
Сверлит болезненный бурав. –
А что не мне? Куда ж деваться.
И Авраам ли был не прав.

636

Да не к тому ли ма́нит слабость,
Что ставкой жизни – как ни кинь?
Но мне ли знать, – по нам ли старость?
Прав мой отказ – ему аминь».

637
И задышалось как-то сразу,
Хоть и щемление в груди.
«Господь прости, управь заразу».
Меж тем, посёлок впереди.
638
У дома скраю притулились,
Батька́ под ру́ки в дом ввели.
Гроб на столе там обступили:
«Чё надо – ща́, – лишь повели́».
639
Им причанда́лы перечи́слил,
Отец, чтоб время потянуть.
Тут звон стеко́л всех перемыслил.
Теперь уже не ушмыгну́ть.
640
Приказ – стоять, поднять всем руки.
Стволы со всех окон торчат.
Выстрел пресёк земные муки.
Скользнувшему за батю встать.
641
Понятно: всех перевязали
И в двух каретах увезли.
«Давно ведём», – отцу сказали.
Домой с экскортом привели.

642 * * *
И бес, грехом не заручившись,
В избыток ярости запа́л
И двух, потачки накопивших,
Но сторо́нних, потерзал.

643 * * *
Дома захват то прозевали,

Лишь подивились, что пропал.
Узнав, благодаря, воззвали.
Весь дом попел и постоял.
644
Спасённый – на крыла́х – до сада.
Подружку яблоньку обнял.
Та встрепенулась будто рада.
А он хвалу ещё воздал.
645
Смело́ ненастье, посветлело,
Про́сини по́ небу пошли.
Уже и солнце посмотрело
Из голубенькой щели.
646
Но в ночь вернулась и коснулась
Тревога батюшку опять,
Да незаметно в сон втянулась
И не дала ему доспать.
647
Проснулся:где то голос дальний.
Вот ближе – двое говорят:
Один – «Проснулся птенчик ранний».
И тишина, темно, все спят.
648
Другой опять – «Ну мудреправый,
А глядь-ка – ушки навострил».
«Он даже спит потешно бравый».
«Смешной, смешным и малым был».
649
«Лыжи намылил рай состряпать».
«Достоин... это завсегда...»
«Потом штанишки будет прятать».
«Под подушку,.. как тогда...»
650

И, как бы сдержан, прыск раздался.
«Ах вот к чему,..– священник внял, –
Да брысь вы черти», – не сдержался.
От вывода сам весел стал.

651

Но слух такой как слабость сме́тил;
Мысль в вертикаль уж приподнял.
Тут новый голос перевéсил
И рыком, грубо наказал:

652

«Не прись, уймись, – ты власть не знаешь;
И не тебе её пытать,..–
И отзвуком ещё, – Не знаешь...»
Сомненье, страх успели впрять.

653

Встал отец, надел подрясник,
Лоб, главу масла́ми втёр.
Взял воды, зажёг светильник,
Пробрызгал всё, себя обтёр.

654

«Раз так, – домыслил, – делу слава ...
Есть смысл, видать, меня держать.
А значит вера наша права.
Благослови, Господь, дожать».

655

И встал пред ликами спокойно.
Суго́бо,.. к службе отчитал...–
Картина быстрая невольно...
По ней потом поход сбирал.

656 * * *

Преображение вступило.
Священник службы отслужил.

Собрал дары, воды, кропило,
Завесу царских врат сложил.
657
И сотáйники молились.
По службе – праздничный обед.
Проговорились, уточнились;
Недоумений больше нет.
658
По сбору, в час договоренный,
Приказчик, батя, жéны две,
Помолясь на путь безвесный,
В повозку сели в тишине.
659
Приказчик вожжи взял и тронул.
И вид прощай, и здравствуй вид.
А как же филин? Он не канул.
Теперь он только ждёт и бдит.
660
Клубочек перестал являться.
Своим лесная жизнь полна.
Возможно ль чуду обернуться?
Крепка ли тёмная стена?

661 * * *
Бес взбешен, втýпе мыслью бьётся, –
Кому б ещё послать набат.
Сам бы летел, да недаётся.
Недаром ангелы стоят.
662
Не победить – потуг напрасен.
Отряд бесовский пережжён...
На город брошен шквал ужасен.
Кто был не стóек, тот сражён:
663

В тюрьмишке бунт, в трактирах драки.
Из о́кон крики тут и там.
Плакат несут, – "Долой все враки!"
Пьяная тётка ка́жет срам.

ИНОЕ

664

Когда мираж шальной проколот?
Что же за гранью там, в аду?
Там рухнул вознесённый молот
И черти перешли черту.

665

"Народ" студента стал не слушать,
Язвить, дразнить, плевать в лицо.
У многих о́стры стали уши.
Вдруг метко – тухлое яйцо...

666

Студент бежать – толпа вся взвыла.
Хвать! И к трибуне волокут.
Кричат, – иль ври, или на мыло.
И больно щиплют, даже рвут.

667 * * *

У мужичка – в домах – вдруг черти.
Нашёл пустырь, забился в бак.
Бак опрокинули, катают.
«Чем в лапы к ним, пусть лучше так».

668 * * *

У смертника страда слегчала:
Разбойники найдут, побьют,
А то махнут; но то сначала...

И бесы часа подождут.
669
И он настал: нашли, прижали.
«Уж лучше б были мужики».
Привязав, до смерти рвали,
Под хохот жрали те куски.

670 * * *
Зиме-красе был срок отмерян:
Природник в мёрзлой хляби – гол.
Пуст горизонт, во мгле потерян.
Судьба теперь – жестокий дол.

671 * * *
А дуалисту поцелуи
В щипки, укусы перешли.
Кричат ему: «ах мы не любы!
Предатель, врун, а ну люби!»

672 * * *
Страстно целуя, вдруг любовник
Уперся явно на клыки,
Руки коснулись шерсти словно
И пальцы "девы" как штыки.
673
Он отстранился, – волос дыбом, –
К нему ласти́ться существо
Со зверо-насекомым видом:
«Дружок, с тобою я давно,..
674
Неу́што, будешь нам изменник.
Тебе мы это не дадим.
Иди ко мне шалун, мошенник...
Ты будешь всё,.. что мы хотим...»

675 * * *

"Объект" и девы превратился
В такое же спец-существо.
Не дал никак ей отдалиться,
Скуля, что с нею он одно.

676 * * *

Искатель жадно страсть питает.
Но текст бледнеет – пуст листок.
Книгу закрыл – аж восклицает:
Эта ли рухлядь тот исток?..

677

Поднял глаза – лишь хлам местами.
Нет стеллажей – оторопел
Копаясь, шевеля хвостами,
Рой крыс огромных в нём шумел.

678

Носы к нему – на миг застыли,
Гла́зки-буравчики впия́.
И тихо, тихо, как поплыли…
Всё ближе, взгляды не сводя.

679 * * *

Кружку вновь ловец смакует
«Что там глоток, – а ну-ка три!..»
Весь вспыхнул, вожделел, ликует.
Порыв не удержать внутри

680

Стал ублажать себя трудиться...
Тут шорох, хохотушки, свист…
Глядь – бесов круг вокруг теснится.
Кричат: «Ещё потешь, артист!»

681

«Я вас ужо́!» – надел корону.
Бесня́ слилась вся в одного.
Огромный бес придвинул морду:
«Приказ давай – порвать кого?!»

682

Ловец потерян, мнётся в страхе.
А бес ревёт: «К кому идти?
Сорвал корону, – Ишь, напялил!»
И вы́кусил кусок плоти́.

683

От боли страшной пал страдатель
На пол – уже не изразец.
Здесь потомлю тебя, читатель,
И опишу ларца конец:

684

Прошёл как век, никак не меньше.
Плоть заросла, затихла боль.
Поднялся. Изменились вещи:
Пол грязный, колченогий стол.

685

Чашка расколота, в ней муха.
Корона на полу – картон.
Ларец обша́рпан, тишь для слуха.
Открыл взглянуть, коль нет препон.

686

Желтит оплавленное что-то.
Ткнулся тронуть – «Слиток ведь».
И впился многожальный кто-то.
Пронзила боль, не утерпеть.

687

Висят зубасты, жёлты черви,
Вгрызаясь, исчезают в плоть.
Трясёт – не скинуть жутки ве́рви.
Они же внутрь и там колоть.

688 * * *

А безутешная вдруг стала
Родителей не узнавать:
Видом другие, милость спала,
Щипаться лезут, щекотать...

689 * * *

Желатель сил хватил обра́тку:
Им битые, все бьют его.
Кричат: «Иль против ты порядку?!
Бог есть! – Всё ро́вно у него!»

ОСВОБОЖДЕНИЕ

690

А наша миссия – в дороге.
Часовня знаема в пути.
Легли. По петухам – на ноги.
До солнышка ещё идти.

691

Серо́, бледно́, туманец лёгкий.
И звук лошадок одинок.
Прохладец утренний не колкий.
Трель – первый птичий голосок.

692

А там и зорька засветила.
Вершки лесные зацвели.
Живей трудяги покатили.
Попрозра́чнело вдали.

693

Солнце подняло́сь над лесом,
Всё прониза́ло, тень гоня.
И филин бдит, томясь, тем часом,
Слух ожиданием стремя.

694
Брилья́нтики на паутинках,
На травах – радужки росы́.
Мерцают листьями осинки.
С высот – далёкие красы.
695
И вот уже она – дубрава.
Дуб густ, раскидист на холме.
Спе́шились, воздали славу.
Трепещут, страхи при уме.
696
Но спели, обошли с кадилом.
Священник, станови́сь, кропил.
Потом купца он в крону кликнул,
Просил, чтоб тот себя явил.
697
Густые ветви шевельнулись,
Мелькнула филина глава.
И что-то светлое слетело.
Нагнулась дочь, предмет взяла.
698
Картуз отцовский вмиг признала,
Прижав к груди, подня́ла взгляд.
Признанье тяжкое сказала,
Призвала верить в свой возврат.
699
Переживание отринув,
Своё и каждый рассказал.
Теперь все ждут, главы закинув.
Призвав, отряд весь замолчал.
700
И го́вор птичий тих раздался...
И с ним ошибки страх сгорел.
Сказал : «Мои пусть отвернутся».

Одежды сбросил, к ним слетел.
701
Чуто́к плечист, с крестом, сам кру́пен.
Перья разли́вчаты блестят.
Прово́ркнул: «По грехам и умен.
Пусть Бог и ближние простят».
702
«Молись и верь», – сказал священник.
Одежды, самого – скропи́л.
Поправил по́ручи, подрясник,
Завесой царских врат покрыл.
703
И "Во и́мя...", и " ...Воскреснет..."
Пропели все над бугорком.
Вокруг него и крестным ходом
Пошли, кадя́, кропя кругом.
704
Затем уже один священник
Чин отстуже́ния вознёс...
Стал дух един и благ с молитвой
И бугорок – в прыжок – возрос.
705
А там ещё... Дохнула радость.
И вера взрывом подняла́сь.
Последний рост – ещё на малость.
И форма чудом обрелась.
706
Бугор ожил, зашевелился.
Священник допевает чин.
Купол матерчатый раскрылся;
И явлен радости почин:
707

Одет в своё, стоит спасённый.
Сам бледен, худ, но рад лицом.
Свой крест целует, оживлённый.
Сказал: «поём, а всё – потом».

708

И благодарное пропели,
Сожгли круг перьев на земле.
В ручье омылся, груз поведал,
Восстановился во Христе.

709

Обняли́сь, ещё попели.
Всё насмотреться не могли.
Поговорили, посидели,
К избушке не спеша прошли.

710

Леснушку обошли, кропили,
А так же – пу́сту и внутри.
В повозке после уж примолкли.
Устал кто, дальше не смотри.

711

Вздохну легко и я – по праву –
Заклад тяжёлый разрешён.
Теперь – про славу и була́ву;
И труд сей будет завершён.

СУДЬБЫ

712

К купцу прибы́ли с путь-дороги.
Свети́мы счастьем – не списать.
Полны любви слова немноги.
И эту дружбу не отнять.

713

Солнце зашло, слегка смеркну́лось.
Поврозь прощались, расходясь;

Но двух прощание продлилось,
В саду во встречу обратясь:
714
Лицом к лицу остановились.
Весь сад недви́жимо притих.
Рука с рукой соединились.
Надеюсь... с Вами – рад за них.
715
«Ты моя тайна пуще этой, –
Приказчик первый произнёс, –
Примешь ли жизнь еди́но спету?»
И ангел се́рдца два вознёс...
716
«И ты не мене», – ей сказалось.
Вырвалось слово, как тогда.
Засмеялись, озарились,
Остались вместе навсегда...
717
Священник их венчал уж вскоре.
Купец к себе определил.
Дела и жизнь подались в гору.
Дух прошлый ка́нул и почил.
718
Прониклись делом муж с женою
И благодарно понесли.
Купца став правою рукою,
Благой и результат внесли.

719 * * *
В избушке стали просыпаться.
"Сновидцы" – все по одному –
Спеша поесть и в храм податься.
В уме и с памятью всему.
720

Ближайший – "наш" и оказался.
Отец, радёхонек, приня́л,
Поговорил, всем близок стался.
Все покаяния обнял.

721 * * *

А даму бес, меж тем, осла́вил –
Дурой и разно обозвал.
Надувшись слёзно, па́ла в угол.
И горький дух задор отнял.

722

Голос теперь стал изголяться:
Язвить и всяко задирать.
Пыталась, было, отвязаться –
Никак... И стала увядать...

723

Зачахла, ссохлась, потемнела.
Жизнь стала лёжа проводить.
Пила́ чуть-чуть, почти не ела.
Христа простить стала просить.

724

Священника позвать решилась.
И батя рад тотчас пришёл.
С отмашкой от лица – открылась.
И ангел вновь её нашёл:

725

То ж сначала... С сим восстала.
Приказ дала – всех от ворот.
Да не миндальничать ни мало,
Чтобы забыли и подход.

726

Пришла в себя, вся изменилась,
По христиански зажила́,
Поскромнела, оживилась,

Служение своё нашла.

727

К ожившим, как являлись только, –
Стала на службах подходить, –
Неузнаваема,.. тихонько
У них прощения просить.

728

Они кивали, – «Что ж, пожалуй».
Она склонялась, посветлев.
Службе, забыв её, внимали,
А сами вдруг повеселев.

729 * * *

Демон опасный миг прохлопал:
Командный дух его сожрал.
«Всё провалил, мол, недотёпа;
И Богу сколь людей отдал».

730

Со временем, – хитрей, жесто́че
Он бытия́ себе сгребёт.
И концу времён – предте́чей –
До срока по душа́м пойдёт.

731

Его другие заменили,
Открыто или под него,
Стремглав, могли что, – перекрыли.
Просак – не повернуть всего.

732 * * *

Пошёл стреляться с оскорблённым.
Арап, поверивший лжецу, –
От пули, точно приведённой,
Пришёл к бесславному концу.

733 * * *

Нотариус попал с подделкой.
Долго на каторге корпел.
В уме со странностью не мелкой
Остаток жизни протерпел.

734 * * *

Колдунья мать похоронила,
На холмик камень возвела.
На её место в угол села,
Молчать недвижно предпочла.

735

Пришла родня, хоть неохотно,
Хотели силой увести.
Кулачком всадила плотно.
Пришлось оставить и блюсти.

736

Она же дом и холм могильный
Вокруг верёвкой обвела.
Верёвку к кольям подвязала,
Посыпав солью, обошла.

737

Еду съедала, коль оставят.
И по нужде легко пройдёт.
Помоется, одежду сменит.
Сама ж и печку не топнёт.

738

Кто б ни пришёл – не отвечает.
Сидит и смотрит, не смотря.
Так и была, день-ночь встречая,
До смерти круг не перейдя.

739 * * *

Больше стал молчать природник,

В избе всё дольше пребывать.
Но жизнь привычную продолжил,
Хотя и начал подмерзать.

740

Только коло́сс его оставил.
Другой какой-то замелькал.
Но строгий муж уже не при́нял,
Его кривляниям не внял.

741

И так прожил он ещё долго
И, так же, поучал народ.
В годах изрядных простудился.
И, в свой черёд, пришёл исход.

742 * * *

Чернокнижник отпусти́лся,
Себя покрытым посчитал,
Шантажировать пустился
И под дознание попал.

743

Но ещё того не зная,
Гуляя как-то вечерком,
Мечтая, виды выбирая,
Забрёл прогулочным шажком...

744

Голос внутри: «Кто ты не знаю,
Не знаю, слышишь ли меня,
Устал, освободиться чаю...
Ещё продолжил, как скорбя…

745

Коли увидишь и узнаешь,
Не верь ему, а верь сему.
Как и сейчас не отвергаешь;
Освободи – и быть тому».

746
Ещё прошёл – свечой часовня.
Рядом горелые дома.
Нищий сидит, узнавши словно,
Воскликнул, руку устремя.
747
А голос, точно он, такой же
Воззвал: «Не проходи, спаси».
Внутри ж другой, страшней и строже,
Рыкнул: «Уважь, а ну твори!
748
Спаси несчастного от жизни.
Слышал же, просит человек!
Иль наша дружба тебе лишня
И муки хочешь ты навек?»
749
Сомненья замолчали разом.
И страх победу одержал.
Скользнул вокруг пугливым глазом,
Пятак достал и сбоку встал.
750
То́тчас, как не сам, подбе́сный
Дружка-кинжальчик тайно сжал,
К ногам бродяги наклонился
И в спину жало ему вжал.
751
Пал на лицо в шапчонку нищий.
Но Бог в живых его оставил, –
Ангел-хранитель вездесущий
Убийцы руку чуть поправил.
752
Вскоре был писарь арестован.
Заперли в камере его.
К другому страху он прикован

И покаянье не пришло.
753
И так, и эдак мыслью бьётся:
Убийство всткрыто ли, шантаж?
Узнать свой шанс ему неймётся.
Зовёт на помощь свой мираж:
754
«Приди, о друг всесильный, где ты!»
«Силён – с говна не жал бы толк», –
Ясным грохнуло ответом.
Злодей с открытием замолк.
755
Дознатель опытный недолго
Все совпадения искал.
Нищему, как показали только,
Он виноватого узнал.
756
На каторге – не полюбили, –
Хитрил, наушничал, тянул.
Сочли гнилым и порешили.
Свечу свою давно задул.

757 * * *
И ворожеи "заслабели", –
У "хозяев" – новый стиль.
Дела на ме́ли все осели.
И слух – успех их опустил.
758
Ещё немного попытались
Подсказ следить, людей ловить.
С этим вовсе затерялись,
Но трёх отправили блудить...
759
Вернулись, дали колотушек.

Подарок, знать, не тот нашли
Насочиняли и частушек.
Ославили да разнесли.
760
Сбежали мать и дочь далече.
Затихли, за́жили как все.
Труд простой их обеспечил.
О прошлом память как о сне.

761 * * *
Астролог и спирит отдельно
Стали похоже сотворять:
К людям приставать не дельно,
Куда-то и прохожих звать.
762
Сколько верёвочке не виться...
До власти кончик слух донёс.
Ей пришлось употребиться, –
Наряд их в странный дом отвёз.
763
Свою дорожку каждый то́ря,
Сошлись в приюте чудаков.
Беседуя, крича и споря,
Не облегчились от оков.

764 * * *
Богач изрядно исстрадался.
Метался вту́не*, горевал.
Сон потерял и в храм подался.
От страха,.. голосов... устал.
765
На службе встретил отправле́нца.
И тот судьбину рассказал.
Он исповедался, проспался,

Махнул на страх, и глас пропал.
766
Помчался, возместил, прости́лся
Благотворил – на сколь сумел.
Интриги вскрыл, в тюрьме отбылся
И всё, радёшенек, успел.

767 * * *
У индуса дух сменился
И он стал "образ" оставлять.
От рук властительных отбился,
Начал чуть ум употреблять:
768
Вернулся в город, приоделся.
Освоил службочку просту́.
С самим ученьем не простился,
Остался в нём как на посту.
769
Родня с ним знаться не хотели.
Он одиноко, молча жил.
В свой час, крещёнаго, отпели.
Когда Бог дух освободил.

770 * * *
Купцу супруги правят дело.
Задел уверенно расцвёл.
Сам швейное повёл умело,
Мануфактуру прибрёл.
771
Скопил отдачу он, протщился,
В три года, рук не опустя.
В семье у друга объявился,
Благословясь и дух крепя.
772

Те, обеднев совсем, в ту пору
Суму́ готовились принять.
Долги отдать, чтоб без позору,
Собрались дом и всё продать.

773

Гостя же при́няли радушно.
Да не успели и обнять –
Пришлось им, удивлённым дружно,
Признанью внять, с колен поднять.

774

Проплакались, навспоминались;
Долг как спасенье приняли́.
Прощась, прощались, обнимались.
Восстав, опору обрели.

775

А год спустя, само собою,
Ушли в обитель – сам и дочь.
К кому ж волною бечь прибою,
Как не к берегу день, ночь.

776

Дела, как есть, договорённо,
В надёжных спорятся руках.
И добыток уделённый
Жизнь растит в монастырях.

ЦАРСТВО

777

Судьбы эти – капли в море,
В море царствия большом.
Негасимы будут в сборе
Над Божественным огнём.

778

То ли,.. похожее ли было...
Кто был на грани, тот поймёт.

Лишь бы прозренье не остыло:
Господь всегда и днесь* грядёт.

779

Царство – во время дальше плы́ло –
Причал вне времени-то ждёт.
И тьмы начал таких изжило.
И верим, верим – доплывёт.

СУТЬ

780

Хоть в сказке, только и возможна
История, как такова.
У снявших Божие стреножье,
Так ли по сути не была.

781

Коль где была – прививкой стала.
Архистратиже* устерёг.
От преждевременного вала
Людей он грешных уберёг.

782

Попущено лишь Богом бы́ло,
Чтоб человеком зло взрастясь,
Его же волей и избыло.
Внегда* познал – Кем жив, спасясь.

* * *

Примечания

004*Вельми - весьма, очень. Везде прим. автора

027*Зело - очень, весьма, сильно, много.

176*Арап - лгун, мошенник.

308*Тать - вор, похититель.

378*Дуализм - учение, в т.ч., о необходимости, полезности зла.

408*Аватар - земное воплощение божества.

544*Аще - если, когда.

548*Велиар - демоническое существо.

764*Втуне - напрасно, не достигая цели.

778*Днесь - ныне, сегодня.

781*Архистратиг - военачальник (ангелов).

782*Внегда - когда, в то время.

Год 2016. Автор (сочинитель народный)
Поспелов А.М.

СТИХИ – МЫСЛЕХИ

1. СТИХИ-МЫСЛЕХИ

Стихи сии, хотя и внятны,
Но могут быть и непонятны.
Краткость, точность, полнота –
Непременных три столпа;
Не факт, что три все на попá.
Ущербна где-то красота,
Но то моя неполнота.

Кто найдет в себе созвучье –
Схватит жало тот паучье.

Другой рукой - Христову нить.
По ней идти, себя новить.
В совет тому, кто хочет жить.

. . .

2. ЧУДЕСА ЖИЗНИ...

"...и первую рыбу, которая попадется, возьми, и, открыв у ней рот, найдешь статир;.." Мф 17:27

Почему се написанье –
А надежда та свети́т,
Что другого узнаванье
Тайный страх не воспретит.
Бывает, только раз признаться, –
Враз у Бога умным статься.
Глядишь, и больше не затмит.
Посему рассказ таков
Ко вниманию готов
Из двухсотен всего слов.

Некрасавица девчонка
И успешный всякий мен,
И чудна́я старушонка,
И правительственный член,
Любопытный мальчик-с-пальчик,
Бомж, попавший в рабство-плен –

Мог быть каждый удивлен
Соответствием событий
Странным образом пленен:
Однажды случаем спасен,
Однажды им же поражен;
И, через то, потом спасен;
Предметный точно ряд сплетен;
Символизм этих предметов,
Как бы для тебя, учтен.
Что есть иное, вдруг прознает,
Не приспешит, не опоздает;
Все впритык, заподлицо,
Вся состыковка налицо;
Страница ровно там открыта,
Денег в копеечку прибыто;
Что-то вдруг и исполни́мо
И действительно, не мнимо.

Что же значит все сиё
Частью понял уж давно:
Знает Бог про все твоё.
Князь по допуску в сем тоже –
Своё готовит тебе ложе.
Возможно принимать си дива
Буднично, не суетливо,
И, что главное, правдиво.

.

И с девчонкой, и с мальчишкой,
Со старушкой, бомже-меном,

И счастливым суперменом…
Мы встречаемся с собою,
С родной, такою же душою.
Встречу даже и не длим,
Но расставаться не хотим.

И пускай не жду, как лета,
Ни ответа, ни совета, ни привета;
Знать лишь, что живешь у Света;
И я, тогда же, не один,
У одного мы все Завета –
Все, кто с Богом на планете,
На том или на этом свете;
Не рядом пусть в сей век, в сей час,
Но Бог один – мы в Нем, Он в нас;
Так говорит –что в мире живо,
Что есть и Он и дух игривый;
Желанья и трактовки лживы;
Мысли – смерти для поживы,
Что различенье – у меня,
Что выбор – это тоже я.

В этих чудесах чудесных
Можно быть в прелестях прелестных,
А можно Ангела коснуться,
Себя понять, принять, очнуться,
Быть может, даже, ужаснуться,
И, вразумившимся, начать
Христа заветы исполнять.

. . .

3. КУРОЧКА РЯБА

Иной раз, в жизни налицо:
На какое подлецо –
Как то, вдруг, и есть лицо.
А для благóго образца –
Глядь-поглядь – и нет лица.

Курочка была пред нас.
Курочка жила до нас.
Живет курочка при нас.
Живет курочка для нас.
Живет курочка у нас,
А, бывает, даже в нас.
Курочка – не дурочка.
Мы бываем дурачки
И, конечно, дурочки.
Но пока не дурачки…
В поте лица мы ниву вспашем.
Зерно златое соберем;
Им мы курочку покормим –
Яйцо на стол свой принесем.
И она, опять для нас,
Снесет яичко в самый раз.
А однажды не простое -
Самое, что есть, златое…
Сначала бьем его не смело,

Потом все более умело;
Не поддается нам оно…
Бьем паче,
Что ж еще - нельзя иначе…
Но вот хочу - чего невнятно…
Наискал себе приятно;
Заглянул на горячо...
Села мышка на плечо,
Хвост окунула глубоко,
Пошевелила им легко.
Неуемным стал тотча́с
Некий очень правый глас.
И помчала за собой,
Но не к курочке домой –
По дороге столбовой…
"Широк путь зде…" –
И уже в своей узде.
Испортим Образа лицо –
Золотое то яйцо.

Бог спасет, в себя вернёт.
Глядишь, и всплачем,
К курочке домой прискачем.
– Утешит,
Яйцо простое нам поспешит.
- В этой радости безмерной
Заживем уже примерно.
Злата слава… иль проста
Не до жиру, быть бы живу, –

Лишь бы Бога лепота.

Ангел в курочке скрывался,
Создался в раз
И им остался –
Он - в отличие от нас
. . .

4. СУИЦИД И ВЕРА

"...просите и, дано будет вам;
ищите,и найдете;
стучите,и отворят вам;..." Лк 11:9

Смысла нет, а жить без смысла
Даже как-то ненавистно.
Не верю в благо-перемену
Никого и ничего.
Бог зол, заснул, иль нет его.
Души, поди ты, тоже нет:
Мозг и нервы – биосвет;
Остальное – только бред.
–Дайте спокойно умереть,
Имею право я хотеть
И исполнение иметь.
Не хочу я жизнь пронесть
И себя какая есть...

Иль боюсь я в старость лезть;
Одиночества, болезней,
Страха самого боюсь.
Да не страхом ли ведусь?..

Иди туда, куда не зная,
Найди то, чего не знаешь
Сказка наша направляет.

Небытие я как бы знаю,
Хотя бы и со сном сличаю.
Вот известное и чаю.
В него себя внести мечтаю.
Другого бытия не знаю;
Вдруг его и потеряю...
Да и как, вообще, пролёт –
Вместо выхода-то – вход...

Если Кем-то мир построен,
Я по строителю ли скроен?
Захочу, то и поверю...
Себе ли жизнь свою доверю?

Ученый - мудрый человек
Себе отчёт отдал глубóко –
В чем зуб неймет,не видит око,
Сказал в веках не так далёко:
-Коль посчитаю, что Бог есть,
Мне потери не понесть;

А вот ка́к, Он все же есть,
А сочту, что нет Его, –
Потеряю вся и всё

Так верю в то, чего желаю,
Во что верю, то и маю, –
Хоть это-то я понимаю?
И, где-то, в глубине же – да,
Хочу, чтоб правдой Весть была.
А, что хочу, то вдруг и есть –
В себе отвергнутом и Весть.

«Царствие Божие внутрь
вас есть.» Лк 17:21

-Что ж, потому счёт с жизнью свесть,
Что вглубь себя не смог долезть, –
Невелика, однако, честь.
Образ явно тут не тот
И подобие нейдёт,
Чья же выгода неймёт?

Едино с Богом возыме́ть –
Награ́дный лов у Жизни в сеть.

«Если хочешь жить в деятельности,
в разумении и созерцании

то обновляйся.»

Вел. канон Андрея Критского

. . .

5. ТЕМНИЦА

Скрыта темница,
В темнице - девица.
То девица в темнице,
То темница в девице.
Одно лицо;
И разные лица.
Все пустее темница.
Тает девица.
Страшнеют лица.
Чем же наполниться нужно сестрице,
Чтобы темница стала светлицей ?

Смысл-цель – не по́лнить,
Но исполнить,
А полнота – у Бога та.

. . .

6. ОВЦЫ И КРЕСТ

«...отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною…"Мф 16:24

"Вот, Я посылаю вас,как овец
среди волков: ...» Мф 10:16

Вот ложится в рифму слово,
Кому, когда-нибудь для лова;
Иль возношусь поди я снова…
Но о тех лишь этот сказ
Про кого в Завете глас.
– Взяв крест, – сказал, –
Ко Мне прибудьте, –
Ловцами человеков будьте. –
Ловцами быть, себя отвержись,
И Мне до смерти бысть привержись…
А тому, кто сделал это,
Быть убиваемым за это…
- Иди овцой среди волков,
Верь, дерзай и будь готов.
За что ж овца так ненавистна,
Бива́ема тогда и при́сно,
Местами с тщанием и и́сто.
Рассмотрим странность по порядку:
По большому хоть достатку
Преимущественный ряд:
Вот я богат…
Какой хочу к себе я взгляд?
Подобострастно-восхищенный
На богатый мой наряд,
А другой на кой мне ляд.
А Божественны овечки

Не завистливо глядят.
Уничижительно-опасный
Их полне́ния снаряд.
С наслажденьем та же фи́га, –
Не стяжать с них ни полмига,
Не прибегут, поймут, пота́чат;
Как от мерзости отскачут,
А то, глядишь, еще оплачут.
Власть…потерпят, согласятся.
Коль звезды им самим не снятся,
Не уважут, может статься.
И так со всем, что ни возьми,
Что ни возьми, то хоть изми…
-Зрелища, развраты, пи́ра,
Ни уха им до них, ни рыла,
И экономика... вот хи́ла.
Все страшно и отнюдь не мило.
А как же мне, как я,
Где гавань счастия моя,
Где родина моих-то для?
И каково мне с человеком,
Кто кажет зад моим утехам.
Мой жизни смысл ему лишь смехом.
За что я жизнь готов отдать –
Стремится даже и не знать,
Толкнуть, презреть и растоптать.
И, уж, как точно, не принять.
Нет, ненавижу Христа рать.
Вместе нам не пребывать;

Этим иночеловекам
Не дадим нас раздражать.
Овец мы будем избивать.

–«Не мир принес Я в мир, но меч», –
Сказал Спаситель прямо речь.

Все – не новó,
И нам Его иго - по слову Его.

. . .

7. БЕСОВСКАЯ ВОЛЯ

Говорю,- тут нет греха, -
Бес – обратное – ха-ха!
Властью пробует себя.
Власть покажет правда чья.

Правды доля – беса воля.
В этой доле – прав их суд.
В этой доле нас пасут,
Нашу жизнь себе крадут.
Без правды доли – бес без воли.
Лишь Христово исполненье
Правды всей его лишенье.
Где преодолён исток
Темной власти там порог.
Правота в грехе своём
Отворяет бесам дом.

Лечить, – правоты себя лишить.
Легче пу́пом землю рыть.
Ну, да́ Богу все подвластно,
Была б душа на то согласна.

. . .

8. СОН МЕРТВЕЦА

«...всякий человек может
хорошо видеть свои
недостатки свои слабые
стороны в сновидениях. ...
Сновидениями не следует
пренебрегать: них как
в зеркале отражается наша
жизнь.»

Св. Иоанн Кронштадский

« А если снам, или чему
подобному верить,
то можно и ума лишиться.»

Преп. Амвросий Оптинский

Я – мертвец, лежу во гробе,
Вернее, в некой глубине,
Но смотрю наверх, во вне.
Слышу четко слухом острым –

Отпевание по мне.
Понимаю – невозвратен.
И спокойно это мне.
Вот закончили, отпели,
На меня не поглядели;
И настала тишина,
Мыслью-волею полна -
Что могу я встать тихонько
Со своего предвечна дна
И пойти себе легонько
Доживать свое сполна.
Страшно стало мне казаться
Пред людьми живым вдруг статься.
Вижу ужас, изумленье,
Никакого умиленья.
Но стал страх превозмогать,
Тя́готу одолевать
И из гроба вылезать...

Ни к чему дальше и помнить.
Не до мелкой уже сферы,
Хватит и этого сверх меры –
Впечатлением заполнить,
Понимание исполнить:
Да... во времени разгадка
Дневного в ночь греха осадка.
И вспомнилось уже спокойно:
В вечер, на службе упокойной,
Состояния достойна

В момент я нужный не нашел,
Не жизнь,но смерть в тот час обрел.
И с тем на исповедь пошёл.

. . .

9. ВОРОТА И КЛЮЧ

Чувствам вспыхнуть – это запросто.
Но под спудом пустоты
Завтрашней и послезавтрашней
Своим ключом с трудом состряпанным,
Снова найденным, да достряпанным,
К ним ворота заперты́.

. . .

10. УТЕШЕНИЕ В ПЕЧАЛЯХ

Я есть я и это счастье.
Прочь все прошлые ненастья:
То химера,то ужасно,
То и вовсе всё напрасно.
Пусть лежат себе на дне,
Неподвижны, в тишине.
Я жива и это много.
Что ещё просить у Бога?..
Лишь Вечного Хлеба
Для Вечной дороги.

Я есть я, – цело́, не в части.
У Бога – время для несчастья.

Пусть живет в тиши меня
Дорогое для меня.
Я жива, – и это много.
Что просить себе у Бога?..
Всё Вечного Хлеба
Для Вечной дороги.

Я есть я – навечно счастье.
А Богу в чём мое участье?
Со мной, Не найдено оно –
Нужно мне оно одно.
Может быть, искать его
Нам самим уделено́.
Но я жива, и это – много.
Себе и всем прошу у Бога –
Вечного Хлеба
Для Вечной дороги.

. . .

11. БОГ СПУСТИЛ МЕНЯ С ЦЕПИ

Денница пав,пал навсегда.
Нам же, пав, восстать всегда –
Богом данная звезда.

Я был на дне,
И цепь на мне
В аду прикована к стене;
Десятилетия во сне.

Но день настал
И я восстал.
К Нему воззвал:
Господь, прости,
Меня распни –
Смирением, в любви участьем.
…И Бог спустил меня с цепи.
Стал рвать я демона на части,
Но мельком чу...И вижу я:
Сам по грудь у змея в пасти.
То позади..,А впереди –
Я кукол рву в щенячьем счастье…
Но – чу опять, –
И тоже глюк – печали крюк;
И в куклах – есть он настоящий,
Когда у Бога я при части.

. . .

12. ЗАВИСИМОСТЬ И ВРЕМЯ

Кто в пропасть не шагнул,
Не больше ли того,
Кто вылез из нее ?

Интересы были разны:
Были ну́жны, были праздны,
Были все они так сяк
И не очень чтобы так.

Время – жизнь решить приспело –
Пусто мимо прошумело.
Тут, как звано, в самый раз,
Подскочил один прикрас;
Даже не один, а три.
Прижились легко внутри.
Ручейком во мне остались,
Ну́жны, незабвенны стались.
Раздраженно стало вдруг
На другой идти потуг;
А потом, вот как-то сразу
Все в одну вошли заразу:
Года три то я кололся,
Пока вовсе не извелся.
Время – у плотины встало,
Пятнадцать мне не перестало.
Кое-как, но все же бросил,
Чтобы кони не отбросил.
Как же быть, куда податься,
Чем теперь мне наполняться?
В наслажденье погрузиться,
Развратиться и забыться?
- Вовсе пошло так сгубиться,
Да и деньги-то откуда,
Надувать заради блуда?
– Недолга сия причуда.
В криминал бессилья от;
Казенных тоже близь ворот.
– Еще во мне живет прещенье,

Нет на то произволенья.
Время – встанет все болотом
С не моим водоворотом.
И без этого мочала
У другого я причала;
Да все то ж во мне начало:
Крепко я прилип сюда,
Где цветная лабуда:
Неизвестность дерну мышкой
И в опасность, как в пальто,
В интерес захлопнусь крышкой.
Чтобы внешне – понарошку,
Чтобы внутренне – все то…
Полетели годы быстро,
Время – талая вода,
Бурати́нею со свистом…
И седая борода,
Мне шестнадцать – навсегда…
Бросим это…Что такого,
Захотим совсем другого,
Мы задора дорогого,
Фи́гова листа большого;
Ну, такого драйва ради,
С совестью своей поладим;
Да и в общей-то упряжке
Князь скрышует, даст оттяжку…
Ценой любой себе грабастать –
Поскользило, как по маслу;
Цепь златая в самый раз,

Пальцы веером у нас.
Ну не все коню салазки –
Есть конец у всякой сказки:
Обанкротился,.. скрывался,..
Чудом жив едва остался.
Время – водопадом стало,
Вечно двадцать пять – достало.
Снова бросим – уж не диво;
Вопьемся в книги мы мудри́вы;
Но не в Писание…нет, нет,..
Туда, где прян и сладок свет,
Где обещано поближе...
Там вкусный яд мы с бритвы слижем;
И в медитации леже,
С самой нирваной в неглиже,..
В пречудны знанья погружён,
От страха весь вооружён,
И с умным духом я дружён,
И пьедестал сооружён…
Время – быстрою водицей –
Вечно мне теперь под тридцать.
Много ется, плохо спится.
Бог не дал перемудриться:
Жар птица спряталась в темницу,
Воздалась лихва сторицей –
С психиатрией единиться,..
«Пришед в себя…» – восстановиться.
Ну наконец-то я старею,
О ближних, как могу, радею;

С Христом и Ангелом живею.
Самохвала сознаю
И на исповедь сдаю.

. . .

13. ЗАВИСИМАЯ ОТТЯЖКА

Когда настроя я дождусь,
Тогда и на отрыв решусь;
А нет настроя – нет деянья.
Так вечен я в свое закланье.
Но иногда настрой бывает;
Держусь, пока его хватает.
Я обсоятельств жду – неволи.
В неволе бóле только боли
До смертной доли…
А доле…– и боле…
Утеха – Завтрашняя битва –
Наш псевдорай в аду.
Он бесконечен,но не вечен.
Однажды - я бесчеловечен,
Если сейчас же не взойду.
Последний нонешний денек –
Смерти крепкий узелок.
И хоть когда-то на разок,
Жаждем дать себе паёк,
А коль тогда, – то и сейчас –
Готова беса мысль для нас.
У бездны той – открытый глаз:

Ждать он более умеет,
Над ним вечность тяготеет.
Его закроет только Спас
По покаянию у нас.

. . .

14. ЗАСТЁЖКИ

Ни по одежке я встречаю,
Ни провожаю по уму;
Замечаю лишь застежки
Дорогому твоему,
Заодно и своему.
Слава Богу одному.
А "сокровище" дороже –
Вдруг Ангел тоже –
Крылья сложит...

. . .

15. ПРОЦЕСС

Молодое глупо тело,
Носит дух свой неумело,
Растеряет не у дела,
А возрастится с Богом дух,
В старости он носит двух.
Бог податель:Может статься,

Годы столько лишь продлятся,
Сколько духу возрастаться
Или просто исправляться,
Иль хотя б, не умаляться.
Может статься…

. . .

16. О КОЛДОВСТВЕ

Что без Бога где пробы́ло,
Само ко времени и гнило, –
То бесовское и било.
И действует его навет,
Где до Бога не привет,
Христовых тела крови нет.
А человечий подсует, –
Он и без сил и просто бред.
Но резонанс – в соблазн и вред.
В душе обманутой – послед.

. . .

17. ОН НАШЁЛ МЕНЯ

«...порадуйтесь со мною: я нашел
мою пропавшую овцу.» (Лк 15:4-6)

Не знаем мы, как умираем

И не знаем, как живём,
И не знаем интеграла
Своего ночного днём

Пробудившись в интересе
О предразуме своём,
Начал жить я в трудном свете
Неизвестного о Нём.

Я когда-то был возникнут
Кем-то из небытия.
Этот Кто-то был воскликнут,
И крикун был, к счастью, я.

Незнанья я искал по капле –
И вблизи, и далеко.
Капли камень источили.
Понял – я не знаю – всё.

Незнанья пустота избила:
О где же это что-то то?
В руках теперь несу прибыток.
Я зачерпнул его – в ничто.

Не хватало мне желанья
Ни на свет, и ни на мрак.
Даром ожило стремленье;
Я удержал его – в никак.

Я собою был покинут,
Пропал, искал себя везде.
Мне шанс спасенья был подкинут,
Я подобрал его - в нигде.

Я решенья не приемлел.
Теперь обрел его в «нет»,«да».
От него я неотъемлем –
Во всегда и никогда.

Верил тоже всяко ра́зно,
Но ангел крепко вразумлял.
В походах против – исчерпался
И ко Христовой чаше – встал.

Вечно было мне не в пору
И не это, и не то.
Теперь я-Он – во мне опора;
И Он нашел меня – в никто.

. . .

18. МАГНИТЫ ДЛЯ МЫСЛЕЙ

Мысли всякие приходят.
Мысли не всякие уходят.
Бывает, далеко уводят.
Иногда захороводят.
Что же в нас они находят?
В них мы тоже что-то ищем,

Не зададим вопрос прямой;
Что не просто ветра свищем,
И процесс то не простой...

Перегружен, перетружен,
Так лишь кажется порой,
А откроешь мысли нужной –
И усталость - как рукой.

Тягота, кручина крутит,
Уже отчаяние рвет,
А мысль светла
Вдруг перетрудит,
Прервёт,
Во взлет переведет.

Если магнитов тоже два –
Свой для темна,
Свой для светла,
То где же та моя метла,
По магниту для темна́?

. . .

19. ЗДРАВИЯ ЗАКОН

На службе приоткрылся он –
Моего здравия закон:
Когда с Богом я скреплён,
К заповеди устремлён,

В действии благословлён,
Со слухом, зреньем единён,
Духом к высшнему стремлён,
В жертве личной укреплён,
В благом усилье уплотнён;
Назван грех-обморок,прейдён,
Христовым таинством целён.
Тогда безумия лишён,
И без потерь, и оживлён,
И имею крепкий сон.
Простой такой – любви закон.
А без Него – себя лишён,
И входит –я– в безумный сон.

. . .

20. ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

Размышлял запретный плод.
Картине я не дал довод.
Дал довод наоборот.
И печален стал народ.
Вот.
Стал искать ему я брод.
Бросил поиск в недовод.
Еще печальней стал народ.
Вот.
Стал искать другой дово́д –
Какой-то нежеланный ход.
До сих пор не найден.

Вот.
…От себя устал народ,
От неправедных охот.
Тресни хоть,
Не съесть тот плод.
Вот.
. . .

21. ПРОСТО ПРОХОЖИЕ

Как две лодки, бурей но́шенные,
Стиснуты меж водных круч,
Так духом – к счастию стремления
Два бытия сомкнулись в луч:
Две походки одинаковых,
Встреча взглядов – в неприязнь.
Идентичность взрывов стартовых,
К счастьям милым – бе́гов аховых,
Потери сча́стиев – боязнь.

Кумиров – сча́стиев творения,
Кумиров – к счастиям поход,
Кумиров – счастьев разбиение –
Бесславный, гибельный исход.
. . .

22. ИЕРАРХИЯ ГОРДОСТИ

Манипуляция другими –

Какой приятный сладкий сон.
Но тот, кто в нем тобою движет –
Настоящий твой патрон.

. . .

23. РАНА

Ранит не ложь, а правда в ней,
И тем сильней, и тем больней,
Чем скрытней и себе нужней.
Назвать и вытащить то жало –
На большом пути начало.

. . .

24. НЕПРЕЛОЖНОСТЬ

Спазм в душе или оргазм,
Если не у Бога,
Результат – всегда маразм,
В никуда дорога.

. . .

25. ВАЛДАЙСКИЕ КАРТИНЫ

1.Поездка за водой.

Бело-серое небо
Начинается от земли –
Проваливается мелким снегом;

Дома как сараи –
С сараями в куче.
Многие серы,
Многие покосились.
-Не хочется ли уехать?
А вот аккуратный домик,
И несколько вдруг.
Вопросы праздные опять подступают.

. . .

2. Ежедневное

Сено, вода, навоз…
Несешь, везешь, тащишь,
В дверях сгибаешься неудобно;
В тусклом свете
Хлюпает под ногами.
И нет конца, но конец очевиден.
Радует и то, и другое…
Животные мирно хрустят,
Не всегда и посмотрят.
Подремал бы с ними.
Да недосуг.

. . .

3. Дом.Быт

В доме большом, чужом

Туда, сюда - через много дверей
проходишь.
Для тепла включено все, что можно.
О потратах не хочется думать.
Вещи, вещи кругом.
Несуразицы много:
Старые - новые, чистые - грязные;
Нужное и ненужное вместе;
Местами навалено.
Мясорубка в чайных чашках
Запросто пребывает.
Одежда висит над кошачьим горшком.
То кошка, то собака
В немытой посуде на полу
Возятся громко -
Никто им не помешает;
И толстого паука никто не убьет,
Лишь иногда
Вниз, к животным
Торжественно переселят.
Еда – открыта, забыта,
Происходит при рукоделье,
В кастрюле с кашей несколько ложек –
То ли некогда очень,
То ли уныние давит.
Но светло и просторно…
Вымыт бывает пол,
Вечером в печках трещит,
Желтеет, краснеет уютно.

Лампада под иконами светит.
Собака храпит под столом.
Музицируют и играют дети.
-Иногда, – просто так –
Живет много народу;
Говор, брань и смех
Раздаются.

. . .

4. На кровати

Белесо-серое за окном
Стволами, ветвями темными –
Исчерчено.
Потолок с лепниной.
Высокий, белый, –
Трещины все заметней.
Вроде все как всегда,
Но уехали дети,
И все по-другому.

. . .

5. Вид из окна

Склон неровный за окном вниз
Покрыт большими деревьями.
Дорожка протоптана наискось;
То, взглянешь, – зеленое,

То - заснежено вдруг.
И птицы снуют, сидят, летят всякие.
Люди разных полов, возрастов,
С собаками и без: идут, стоят,
Сидят, лежат, курят, пьют, едят,
Справляют нужду частенько.
Пьяные (иногда сильно)
Говорят громко,
Несколько известных слов
Постоянно выкрикивая;
А то и подерутся слегка.
Женщина, по утрам,
Прижимается собой и ладонями к
дереву;
А как дереву?
Будем ли когда нибудь знать?
Вот пара пьяная
До нестоячести
Пытается, пытается что-то,
Да нужного положения
Им никак не занять, –
Опять развалились,
Заснули надолго и живописно.
Дети мелкими стаями
И косяками крупнее
Играют в разное
(И во взрослое тоже),
Или на санках по-всякому.
Мелькнет все, мелькнет –

И пусто…
Из года в год – одно и то же –
…Почти.

. . .

26. ВЕЧНЫЙ ВЫБОР

И вообще, и поминутно,
И продлéнно и мгновенно, –
Наш порог - у всех дорог,
Но одна из них верна,
Что труднее всех видна.
Лишь смирение одно
С зреньем тем обручено.

. . .

27. ПРО ТЩЕСЛАВИЕ

Я испытал свой звёздный миг
Былых побед вскрывая клады.
Дохнуло чуть забытым смрадом.
Чудовищ жду победный крик,
Я в черепках ища награды.

. . .

28. МЫ – ЛЮБОВНИЦЫ

Любовницей бывала я.
Любовница и дочь моя.

Более я – по нужде.
Она – более в охоте.
Есть разница по этой ноте.
Нам дозволение вкачали,
Нам правоту его впитали,
Но принято оно вначале
В моей дозволенной печали.

. . .

29. О КРАСОТЕ

О духовном своем тайном
Заговорила вдруг легко.
Всё движенье изменилось.
И красивым стало очень
Некрасавицы лицо.

. . .

30. БЛАЖЕН

Не продлиться печаль,
Не продлиться и счастье.
Тот блажен, кто, отвержись, начал
У Любви быть пытаться при части.

. . .

31. В ПРЕОБРАЖЕНИЕ 2012

Трясогузка у храма

Сбила бабочку,
Распинает ее на асфальте
Торопливо и деловито.
Но вырвалась та, взлетела.
Трясогузка за ней –
Чирк, чирк – и мимо.
Взметнулась бабочка выше
И спаслась на окне.
Солнечно, мягко, вечно...

. . .

32. ЧАСТЬ – ЧЕСТЬ АДАМА

Когда всего лишь двое были
Под божественным венцом,
Размножаться и плодиться
Им заповедано Творцом.

Я всегда ль венцу был верен,
Я навсегда ль его избрал,
Я всегда ли жизнь продолжил,
Я никогда ль не убивал?

Ещё Адам служил немного –
Давал твореньям имена.
С тех пор без имени от Бога
Никто не поднят был со дна.

Я ли искал своё служенье,

Я ли его не отвергал,
Я ли в свой сон не погрузился,
Я скрытое своё ль познал?

Им путь был дан согласно ясный;
За садом божиим следить,
С животными дружить и просто
Свой дух при Нём растить, новить.

Я ль тесный путь всегда приемлел,
Я ль не хотел его предать,
Я ль не бывал в стране далече,
Я ль не успел себя продать?

А так же Бог сказал им строго –
С познаньем злого не спешить,
Со смертью жить не по дороге
И с древа знанья не вкусить.

Всегда ль я слушал голос Бога,
Всегда ль я совести внимал,
Бывал ли я собой не занят,
Я вне себя ли что желал?

Но падшим духом соблазнились
И поверили лжецу.
Род человеческий скатился
В тот миг к бездонному концу.

Я ль не спешил познать все страсти,
Я ль с любопытством не дружил,
Я ль не открыл себя напасти,
Я ли потом не потужил?

Бог Отец призвал Адама, –
Он убоялся. спрятался.
На вопрос прямой: "Не ел ли?.. –
Невинным он представился.

Я никогда ли не боялся,
Я никогда ль не обманул,
Я никогда ль не оправдался,
Я ли за спину не шагнул?

Но часть Адама сомневалась,
Не разделяла выбор тот.
Всегда потом она рождалась,
И только ею жив народ.

Всегда ли я греху был верен,
Хочу ль теперь я падать сам,
Я не узнал ли покаянье,
Любви ль я жизни не отдам.

Теперь живёт людей немало
На божественной земле.
И каждый может честь Адама
Понять и возродить в себе.

. . .

33. РОПОТ

Ропот – он разностепенный:
В меньшей – сетующий, бледный;
В степени большой – он гневный;
Меньше – досадлив, суетлив,
Больше – раздражен, криклив.
Он на выходе – стоглав,
Но в себе он одноглав –
Несмирен и самоправ.
Сама суть его – одно,
Как бы не было бледнó:
Указанье Богу то, –
Что и как тебе должнó.

. . .

34. РУССКИЙ СМЫСЛ

"Блажен муж. боящийся Господа и
крепко любящий
заповеди Его. Сильно
будет на земле семя Его;
род правых благословится." Пс 111:1,2.

О смысле русского сыр-бор –
Яйцо пустое часто спор.

Пустое – то совсем ино́;
А полное в сердцах оно:
  И есть, и было, и давно,
С рожденья нам отведено:
Всему народу до закланья –
ЗА ПРАВДУ БОЖИЮ СТОЯНЬЕ.
Стоять везде, всегда, до смерти;
Во всем ли мире, во дому,
Сам-друг, с собою одному,
С оружием в руках,гольмя́,
Одной неправды окромя –
Вот заповедь любви для всех.
Ее забвенье – есть наш грех.
Ее держанье – весь наш смысл.
Другой не будет,
 Пока хоть сколь народ пребудет.
Ее исполнить – нас крылит,
Другим народам путь светит;
Их к нам - Божественный магнит.

Власти, Бог дал жизнь простую,
Вложил заповедь другую, –
В сути – тую,
Любви заповедь вторую:
ОХРАНЕНИЕ НАРОДА –
Ее единственная ода.
Соответственно и меч -
Правду Божию стеречь.

Другая, – впертая нам, суть,
К нам претит народам путь,
С цепи спускает бойни жуть.

Нам же, данное от Века,
Богу незапертое веко,
Для любого Человека.

Все – прописано давно,
Но забвенью предано́
И пре́дано... ещё.

. . .

35. ПЛОХО ЗНАЕМЫЙ ВЫБОР

Сны наяву у нас премноги:
Мечтаний скрытые дороги,
Чувства, импульсы, прилоги...,
Прожить себя они стремятся
И семена свои несут
На наш же суд...
Но смыслом нашим все ценя́тся:
Один взрастет, другой стаится,
Не каждый может воплотиться.
Не в них свобода, она в нас.
Кто же оценщик без прикрас?
А кто наш выборщик желанный,
На Божий пир который званный?

. . .

36. ЛЕНЬ - НУДА

Мне лень писать,
Мне лень читать,
Мне лень сидеть,
Мне лень лежать,
Мне лень всегда, и никогда,
Точнее бы сказать – нуда́.
Когда нуда, то не беда;
Беда страшнее – не́ нуда.
Вот думать мне таки́ не лень, –
Тень на плетень,
Плетень на тень.
И иногда мелькнёт звезда, –
Поймать, держать – то пол труда;
Узнать, назвать её – нуда.

. . .

37. НЕУМЕСТНАЯ ВЛЮБЛЁННОСТЬ

Что влюбленность?
На сиё – дан дозиметр давно;
И во вне на проявленья
Тоже есть ограниченья;
И такие да и нет
Не заметит сам объект.
И она, совсем спокойно,
Перейдет в Любовь достойно;

Сохранится, оживит,
И себя распространит.

Дружба – та же и любовь:
Верно-вечна, безусловна,
Жертвенна все вновь и вновь...
Всем желаю жизнь в служеньи
И не преступать основ.

. . .

38. СТИХОСЛОЖЕННЫЕ МЫСЛИ

В рифму сложенные мысли
Без красивости повисли.
Без красивости висят,
Зато хоть этим не гордят.
Или ви́сючи стоят? –
Колом к колу некий ряд.
Что же лучше?– редкоколом,
Но с красивым междуколом,
Или, все же, частоколом
Без красивого межкола.
Вопрос, меж тем, совсем не праздный
Прав ответ может быть разный:
Может мысль быть и одна
В стихокоме вплетена;
Может, где-то, и бочком
Быть недодуманным торчком;
Может вовсе мысль не быть,

Вне стиха, где-то, проплыть,
Даже может вазой быть,
Где стих букет остался жить;
Иль держать стих-тесто густо;
Иль нужное подставить пусто –
Недосягаемо исскуство;
Чтоб, провалившись в пустоту,
В ангельском взлететь цвету
Тому счастливому чтецу.

. . .

39. НЕОСОЗНАННОЕ

На нитях лишь частицы мига...
Их будто много, - но одна...
Земной, и не земной интриги;
Свое – не со своим слила́.
Приняв суда, обиды иго,
Идола мести обняла́,
Сомненье тихое смела;
И прия́тьем – свою силу –
Вражьей силе предала...
Большо́ю частью умерла.

. . .

40. ПРИВЕТ

Как то, устав от мыслебра́ни,
попросил у Бога длани;

Так внимательным мне стать,
Чтоб мысли сразу замечать.
Я ли, кто то,.. мне ответил,
Моим голосом заметил, –
Что, безгрешным хочешь стать?
В миг – странно, ясно и смешно
От вопроса на ребро.
Понял, что ответ не знаю.
И что ж тогда вообще я чаю,
И брань ли я в себе вздымаю?
До сих пор вот вопрошаю,
А полностью не отвечаю.
– Решимости во многих нету –
Озна́чил старец слабость эту.

Иногда то вспоминаю,
Запоздало, чуть помаю,
Неохотно понимаю:
По плоду́ – хорош привет,
А решения-то – нет.

. . .

41. ХЛОПОК В ЛАДОШИ

Кто любитель распрядиться,
Другому враз перемениться, –
Означает лишь того, –
Кто не знает сам его, –
Труда кровавого сего, –

Перемены своего.

Когда природа подготовит, –
Хлопок в ладоши гору стронет.

Готовить гору не потопал,
Но бесам на потеху хлопал.
И звон фанфар с тобою медный,
И стяг войны, – смешно победный.

. . .

42. МЕЛКАЯ СДЕЛКА

Союз бездумно, но допущен,
Случаем к случаю подпущен.
Обман по мнимой вере пущен;
Прибыток ди-авольский упущен;
Должок унят, но не отпущен.
послушанье знакам – суть –
Набирает в душу муть.
Что мутновато, то чревато:
Лишь мелочь – сонная тут жуть.

Усердьем нужным искупить,
Покаяние испить –
Быть может, дастся испросить.
На милосердие надежда –
Долгам разлучная одежда.

. . .

43. ЗАЙЧИК

Всё уныло, всё безбожно,
Всё провалено в тоску...
Ну а зайчик осторожно
Пробирается в лесу.
Вот сохатый, как лопатой,
Роет про́жить во снегу́.
В море вот, пока что жи́вый,
Кит браздит, ища поживы.
Птицы, что ни говори,
Снуют, летят - вблизи, вдали.
А букашек - таракашек.,
И бактерий - сколь нулей,
Травок всяких там - муравок,
И дерев - богатырей:
Все шевелится, гнездится,
Жить и дальше норовится...

А девчонка все рыдает, –
О любви, любви... мечтает.
А девчонке – хоть пятнадцать,
Хоть под сорок.., шестьдесят, –
Все равно она страдает, –
В небылом уто́нут взгляд.
Что девчонки? – и мальчишки,
Переросшие штанишки, –
Тоже чуствуют, что ще́мит,

И чегой-то не хвата́т.

Но живёхонек зайчишка,
Пробирается в лесу;
Он не знает про темницу
В человеческом аду.
Я найду его в глубинке,
И в извилине души;
Попрошу ему у Бога –
Рост – для подвига в Любви.

. . .

.

44. КОНИ

Миражём стояли кони
В жарком мареве степи;
Стекали гривы вольно,
Длинно...
С разноцветной чистоты.
Их порыв – нетерпели́в,
Сдержан...
Взгляды все в одно впери́в.
В миг, – беззвучно,
Точно свились, – испарились:
Как бы даже не были́, –
Только память из дали́.

. . . .

45. СТАРЕНИЕ

Лучше с возрастом я вижу,
Что люблю иль ненавижу.
Многое ровнее, глаже,
А души побольше даже.
Интерес необостренный
Стал ступенькою подстертой.
Ну а выверки побольше,
Воля действует подольше
И удельные весы –
Не на внешние красы.
Лезу уж не так глубо́ко,
Зато в нужде, где видит око.
Страхи мучают, конечно,
Но со Христом они конечны.
Итак, дела, Бог дал, неплохи.
Неблагодарны будут вздохи.

. . .

46. УПОВАНИЕ

Господь, пребу́дь
Твой свет со мной!
Твой свет – со мной –
Мой отсвет – Твой
Свет легко прони́жет бездну, –
Как пребы́вше небыло́й.
Упование – надежда.

Упование – покой.

. . .

47. ПЕСНЯ ЖИЗНИ

Каждый слышал песни жизни –
Всякой твари и всея́:
Хорошо поёт ворона,
Хотя не лучше соловья;
Дельфин бубнит,
Сверчок стрекочит,
Ручей журчит,
Прибой рокочет.
Всё поёт, в
Всё что-то хочет,
Из себя себя стремя.
Флоры тоже в своём мире
Не живут – ничто не лья.
Пою и я негромко песню,
Как все свою и от себя.
Если песня – не у жизни,
То и песня – не моя.

Сами откупо́рим лампы,
Джины вылетят пленять.
Когда песня – всегда но́ва, –
Им никогда нас не узнать.

. . .

48. СОН-ОКЕАН

«Помяни Господи... идеже
присещает
свет лица Твоего...» Мол. утр.

Сон - океан и жив, и странен.
Мрачен, резок он, пространен.
Охотится за мной волной –
Полупрозрачной бирюзой,
Ударом бьющею стеной.
В теснине, с риском быть раздавлен;
Я вдоль него бегу стрелой...

Дневные волны раздраженья
Страх Божий удержал в тот день;
И гордостной души движенья
Перетекли в ночную тень.

А демон рос со мною рядом.
По тле моей со мной в родстве.
Я к Богу взгляд. Он сам в себе.
На каждый шаг мой запове́дный
Он поднимал и ставку мне
В картинах, явленных вполне:
Уж не услады, власть и злато,
Да прочей мишуры богато, -
Но жизнь долга, сильна, полна́,
Звёздным смыслом поена́.

И даже в выборе добра
Без изменения вольна.
Одна деталь лишь неизменна
И в договоре неприменна:
Пробыть у гордости бессменно
И в ней почить своеименно.

Не подписав, коль твёрд в отказе,
И "претерпевый до конца..."
Придёт без дубля к мирной глади
В надежде Божьего лица.

. . .

49. ВОСПОМИНАНИЕ

Воспоминанием я взвился.
За но́чь спыла́л, сгорел тот вброс.
И сам я им не насладился,
И ветер пепел не унёс.
В милую мне память страсти
Увела легко душа
И возгрела, и держала...
Да была ль она моя?

Вставши в плуг, назад кто глянет,
Неуверенно замрёт...
Как Спаситель возглаголил, –
Ненадёжен в Царстве тот.

. . .

50. НАВАЖДЕНИЕ

На предлог из жизни внешней,
Подчинясь природе вешней,
Переполнившись сердешно
Наполнением кромешным.
Как-то вдруг и очень страстно
Из себя во вне пролился,
Тяжестью чужой налился,
Измождаясь и напрасно,
От неё не пробудился.
С ней по жизни потащился.
Не оглядясь, не опросясь,
Но на яде том пасясь...
Я легко сочетовалось;
Суть не названой осталась,
Потому и разогналась.
Кто остановит и когда;
Ответить могут и века.

Тёмный дух силён - не виден.
Коль не виден, – то не узнан.
Коль не узнан, – то не назван.
Коль не назван, – то не скован.
Коль не скован, – то растёт.
Коль растёт, – то зацветёт.
Коль цветёт, – плоды несёт.

Коли назван, – то и узнан.
Коли узнан – не растёт.
Коль не растёт, – то не цветёт.
Коль не цветёт, – то плоды уж не несёт.
И когда-нибудь – падёт.

. . .

51. СУД - СТРАХ

Судом я бью... Суд бьёт меня...
Со страхом я своим всегда.
Я верю в то, чего боюсь
И с верою своей я бьюсь.
Я страх боюсь... Я страх хочу.
Его иметь я хлопочу.
Им был когда-то поражён;
Теперь я им же приражён...
Власть над собой на нём точу.

. . .

52. ДИВО

Пьёшь и куришь, – то не диво.
Диво то, что в столько лет,
Всё ещё ты малолет...
То лишь диво,
Что с собою тет-а-тет,
Ты не глядел в себя правдиво.

. . .

53. НЕ ЖДИ

Не жди всего с большой душой,
А жди лишь мыслию простой.
То – возможно,..
Но уповая непреложно.

. . .

54. КОНСТАТАЦИЯ

Горько мне тогда бывает,
Когда демон побеждает.
С Богом вопреки вздымаю,
Скоро радостен бываю.
Но до этой простоты…
– Шестьдесят годов…версты.

. . .

55. КРИКУН

Как хочется крикнуть:
Ведь это – вот это!
Но крик замирает, –
Крикун замечает
Того, кто желает...
Тут ментор крикуна сменил
И говорил, и говорил...
И поздновато то вменил.

. . .

56. ПРО ОБМАН

Слушателя нет в вопросе...
Но тогда и сам вопрос
Иль кувалда, или нос,
Иль к соответсвию допрос.
Или просто до вопроса
Дух в момент сей не дорос
И в обман себя унёс.

. . .

57. ВЕЧНАЯ ЖАЖДА

Как не смог он с Богом жить
Частью можно положить:
Жажда Бога бытия
Опустошила его я...
Природа ди-авола пуста –
В себе одна, с другим двойна:
Неправо – в право, вот забава, –
С успехом воротúт она, –
Где с нашей волей сведенá.
Стремлённость вся его проста:
Красть бытиё – в своё – без дна.
Схватить и тут же расточить,
Иль в разрушение вложить.
У самого, – как есть без дна,

Нет благого бытия –
..."Проклят...он и...от скота..."
Есть только жажда бытия.
С чем пал, то Бог ему и дал.
Так от паденья – навсегда
Он бытие любое жаждет:
От Бога и до комара.
Что Бог позволит,то и схваждет.
С потерей жертва та всегда.
Если падать до конца,
Только тожь придёшь сюда –
В вечну жажду бытия.
Помянуть вполне уместно –
Некоторым то известно.
Бог даёт, а чёрт берёт,..
Своё вотрёт.
Вот вечна а́дова долга́,..
Но при согласии "твоя".
Найдёшь согласие "своя",
В том месте выберешь себя.
Знать – не просто прочитать.
Кто же спорит, сам пусть то́рит
Своё сомнение искать.

. . .

58. КАЗНАЧЕЙ - КАЩЕЙ

Обман возник как Караба́с.
Был прост и мрачен.

Он незаметно, но потряс.
Был занят им, в себе потра́чен.
В вечер, на службе, – отпустилось.
Лишь со звонком, хоть не совсем,
Но вера, всё же,возвратилась.
Про "не совсем" теперь повем:
По нём себя пытал, терзал,
Страх недопознанный вязал, –
Недовязал.
И он, отстав, недоотстал...
Бог всегда рядом и везде,
А я был где,
В какой неведомой нужде?
Вот это ближе, горячей.
Был не в себе я и не в Боге;
Так я бывал и был ничей.
А тогда чей,
Какой такой нужды своей?
Вот он и лезет – казначей!
Свободы в Боге недостало.
В какой же был, когда бывало;
И чьё же кошка ела сало?
Страх казначея я не знал
И он себя не выдавал,
А золотишко то считал
И в сундучках перебирал.
А как он выглядит, что хочет,
Какое золото собрал?
Вот это я и не видал...

Камень то мой - кремнéй камнéй.
Это всё он же – казначей;
Он ткёт интригу, всех умней:
Я весь в себе – себе милей.
И всё во мне,.. ко мне, по мне.
Я знаю много как Кащей.
Мне даже как-то веселей
Всё больше знать, быть всё умней
И всё смелей...
И всё трусливей и хилей,
Всё раздражительней и злей,
Всё мнительнее и глупей.
Камень то мой тверде́й алмаза;
Его видал ли в четверть глаза.
Пока не виден так и крепок;
А как увиден – грязный слепок.
А Богу сдан – и нет его.
И было то давным давно.

. . .

59. ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ

Отчего так мил прело́г,
В длинный льётся диалог,
Больше даже монолог, –
А готовлюсь... страха ради,
Заодно к своей награде.
В лицах, с видом, говореньем,

Со своим самозабвеньем.
Хоть полезное мелькает;
Тут же я его теряет:
Что в ви́дах сих сказал кому,
Сам и без памяти к тому.
Каким усилья приложеньем
Расстаться с гибельным забвеньем
Так притягательно оно –
Неизвестное своё,
Что не познать лица того, –
Кто говорит и для кого.

. . .

60. ПРО УМ

У́мен, безумен,
Малоу́мен,..
Но жив,.. спасён...
Бог ведает как был умён.

Умён как чёрт, –
Народ речёт.
Бывает ли и тот умён,
Кто умным демоном ведён?

. . .

61. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВОПРОС

Коль приспело – знамо дело:

Тот народ, – кто есть даёт.
Не зажат – так и растёт.
А кто берёт - тот при́народ.
Чей же нынче больше рот...
Демогра-русский наш вопрос
Из нашей хилости пророс.
В чём хилость наша? Вот вопрос.
Ответ не так уж непонятен, –
Наш дух Божественный отъятен.
Вот дух отнятый – необъятен.
При нём наш рост был не препя́тен.
Смысл служенья - человечный, –
Он и временный, и вечный.
Воспитан был во всех местах.
Удержан был на всех постах.
В России жил во всех умах,
На всех верстах.
Горел в сердцах.
Был смыслом этим дух пронизан,
На стержень - заповедь нанизан.
- Отринут...с пафосом,..и мило...
Сменён на личный кусок мыла.
Человечное начало
Без смысла свя́ло, замолчало.
Животное крепчает ча́ло.
Речь собезья́ннела уже, -
Спустилась на четыре слова.
Кому детей растить для лова?
Расчеловечий много стало.

Давно понять их нам пристало, –
Сломать нечистого кресало.
В расчеловеченное русло
плодиться жажда и притускла
Есть ещё один аспект,
В нём дьявольский сидит решпект:
Поболе хищников наместь,
Чтоб не привстать и не присесть.
Чтоб вседозволенным воззреньем
Каждый был объят с презреньем.
Овцам с хищниками жить...
Кто будет более плодить?
Как хищникам числа не счесть;
Овцы приплод не жаждут несть.
Тот биофакт давно известен,
Скрыт в геноциде и уместен.

Но милость Божья не пребудет –
Разбудит нас и в нас прибудет...
И пребудет.

. . .

62. ПРО СТРАХ

Страх стоит в неупованьи,
Связи с Ангелом незнаньи.
В страхе несколько сторон,
Как непуганных ворон.
Сам боится новизны,

Своих изнанок другизны.
Глюком в будущем таится.
Неизвестным счас трезвится, –
Сам панически боится,
Тóтчас норовит и скрыться...
Потом поймать и утвердиться.

. . .

63. Я ЧАХЛА

Я чахла в зависти гламурной,
Я чахла в зависти амурной.
Я чахла в перспективе урны;
Куда все силы бытия,
По моей грёзе безутешной, -
Меня исторгнут из себя.

. . .

64. ПРО РЕВНОСТЬ

Ревность – язва моровая,
Она из гордости взрывает.
Обида, гнев... годами мают;
Даже загнаны в подвал,
Остатки жизни изымают.
Вроде, как бы, и подмял,
Но нет, – цепляют и седлают,
Чашей склеенной пеняют,
Всем, что ни на есть, пинают.

Великодушье – не двуру́шье.
Лишь в Божественном величьи
Свободен Образ от обличья.

. . .

65. МЫСЛЬ - ВПРЫГ

Вот и он, и неприметный,
Вход - впрыг мысли в свод телесный;
Через память лишь заметный.
Ждёт ситуации, однако,
Мысль, заветного ей знака.
Одна на входе, иль в них драка?
Но не успеть пред ней поспеть
И перед ней молитву спеть.
Успеть лишь в действии позреть.
А в действии не всяком сладко.
И сама мысль бывает гадка.

Без Бога мысль стремит к упадку,
Неважно, гадку или сладку.

. . .

66. МОЯ СОЗАВИСИМОСТЬ

В виде просто человека,
Подошедшего от века...
Впилась в душу конъюнктура

Мирового прямо зла.
Норовит схватить структура
Весь народ за удила...
Всё не наше: смысл, фактура,
Мысли, речи и дела.
Духа нашего фигура
Себя в руки не взяла.
И моя - туда же дура,
Кем-то топится до дна.
Этот кто-то ни при чём –
Сам зацеплен я на нём
Созависимым когтём
И состра́хом чёрта в нём;
Что спасти хочу ея –
По свою картину,.. для...
Как нет любви, так всё и тля.
Не держу я паритет
С силой этой тет-а-тет...

. . .

67. ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА

Символ кожи шагреневой
Мною принят был за́ново
Так пришёл своевременно.
На догадку задание.
В сад попасть как сиреневый,
Повернуть как жизнь на́ново,
Ключ найти как серебряный.

. . .

68. КУРОЧКА И ПЕТУШОК

Я была дурочкой среди дур.
Клевала курочкой свой гламур.
Петушок охочь был до кур,
Соблазнил меня на амур.
Верно, форму лишь заценя
Да исхода своего для;
Он топтал меня без меня.
Не один он был у меня таков.
Хватает на дурочек дураков.

. . .

69. ПРИДВЕРНИК

Спазм большой иль малый спазм,
Накопил без сердца…
Неприязнь к тому, что есть,
Квинт тут и эссенца.
Нелюбовь, - она же месть,
Только ей доверься,
Сразу сможет влезть и сесть
И откроет дверцу
Для того, кто хочет съесть
И мгновенно и продлено...
Сон и память тоже сместь
Как по мановенью.

Впустил дурное мановенье,
И упущено мгновенье,
–Без Творца оно прожи́то,
Вот и суть, – а вот и жито…
«Без Меня не можете творить
ничесоже…» Ин 15:5.
Дверца та одномоментна.
Я – придверник сам решает
И с ключом своеименным,
Кого хочет пропускает.
Дверца эта – правота, –
Нашей веры немота.
Покажут, скажут нам себя:
–Придверник, вера, правота, –
Шанс большой - зажить любя.
Алогизмов нету здесь,
Хотя кажется, что есть.

. . .

70. ВЕЧНАЯ ДОРОГА

Ждать, терпеть, просить у Бога
Отверженья без подлога, –
Проста и непроста дорога.
С вечностью её продленья, –
Нет полезного смиренья...

Вожделеньем мук конца
Подхватил бес-сон венца.

Стал потеть освободиться, –
Оно само и тут трудится.
Парадокс – не человечий...
В мышеловке ль сыр замечен.
Сколько вожделенье злится;
Столько задний ум и длится...

Ждать, терпеть, просить у Бога
Не избáвы, а предлога –
Крест и Вечная дорога.
А награда – бытность в Боге.
Что красиво, – то и строго.

. . .

71. ЛУКОШКО

Кто духом нищ, тот и блажен, –
Спаситель возглаголил.
А я от духа полноты
Спастись вот не изволил...

От примéта до примéта –
Долго ль, коротко ли это:
Вот поганка, мухомор,
Волчьих ягод полный сбор,
Белена... и прочий мор –
Соберу в одно лукошко
И поперечислю трóшки –
Так ли éдено немножко:

Смур бывал – так часто ли́шку.
А то в амуре вдруг мыслишка.
Вот недовольное мурлишко.
Вот сладенькое рыльце вам.
То – раздражение, тревога,
То – малодушие, сарказм,
Ироничного немного,..
Самодовольный вдруг там-там.
Вот счастье, вот испуг, обида,
Давно замшелая зави́да.
И тут же хитрый мордешо́к –
Осудительный смешок.
Вот и гневное сиянье
И праведное на́дстоянье.
Суждений пут – кандальный ряд –
Из бездны в душу все глядят...
Не перечесть в гробу алмазов;
От них – до сих –
Я просто псих...
И све́тел Ваня Карамазов.

. . .

72. ПОКОЙ И ГНЕВ

Вспыхнул гнев... Одно мгновенье -
В чувстве гневном я пробыл.
Пришед в себя внутри стремленья;
И, пока что не забыл,

В страшной картине мановенья
Уже субъектом я побы́л;
И с Божьей помощью с незнанья
В каплю знания прибыл:
В царстве гневном разделился,
Интересом в бездну впился,
В желании определился
И до покойника – пробился:
Гордец-мертвец в тиши явился.
Он благосклонен, он приветлив,
Он даже на любовь ответлив...
Его покой ищу, ращу;
Помехе – бурей отомщу.
В бурю действие впущу,
Потом себе же не прощу...
Но это в миг, когда достало.
Картина ж с молоду бывала:
Вот умер я – и всё отстало;
И беспокойств,– как не бывало...
Душа в покое отлетает
И с высоты на всё взирает.
У всех ли это вожделенье
Едино с гневным разожженьем?
Иль я один такой чудак
И незатейливый простак. –
Из за покоя своего
Гневаюсь всяко и давно.

Счастье мне, что в сём несчастье,

Видимо покой-звено.
Да никак первое оно
В гневной цепи́ вожделено...
У покойника – мертво́.
У любви – оживлено.
И без гневности оно –
С мирным духом сведено.

. . .

73. НАДЕЖДОЧКА

И покаяния, и всяко
В свои я вирши навмещал...
Надеюсь, – кто-то да воспрянет,
Поймав свой свет сквозь темный вал.

. . .

74. ЛЕДЯНОЙ КОРАБЛЬ (песня)

Листья желтые мыла
Холодом наступила
Сырая мгла
Сырая мгла…

Не увидела силу,
Что тобою пленила -
Ею была
Ею была...

А она не будила
За тобою водила…
И привела
И привела…

От болота устала
На пригорочке встала…
Себе вняла
Себе вняла…

Глаза внутрь приоткрыла
Одной себя ощутила…
Да и была
Да и была…

Сила та, что водила
Сила та, что слепила -
Страда- мечта
Страда- мечта…

Я её пригласила,
Я её попросила -
Открой себя
Открой себя…

И она мне явилась
И она мне открылась –
Лицом краса
Лицом краса…

Я её вопросила
Я её допросила –
Чем ты сильна
Чем ты сильна…

Красота засмеялась
Оправдалась призналась –
Верой в меня
Верой в меня…

Ясный свет отразила
Меня им просветила –
Земля бела
Земля бела…

От мечты отказалась
В пустоте оказалась –
Душа моя
Душа моя…

В пустоте – тьме безбрежной
Как мне берег надежды
Плыть до тебя
Плыть до тебя…

Красота не смутилась
Кораблём мне явилась -
Вся изо льда

Вся изо льда...

До небес вознесённый
Изнутри озарённый –
И я взошла
И я взошла…

Было, будет – не надо
Лишь корабль мне отрада –
Занял меня
Занял меня…

Из чертога в чертоги
Поостыли тревоги –
Я холодна
Я холодна…

Сквозь прозрачные стены
Судеб открыты сцены -
Все до конца
Все до конца…

Кружит круг бесконечный
Только я в нём беспечна –
Бег без меня
Бег без меня…
Выше стала взбираться
Осмотреться прознаться –
Плыву куда

Плыву куда…

Свет- ответ не минула –
Красота обманула
Собой меня
Со мной меня…

Весь мираж на ладони
Суд- печаль мои кони
Ими мертва
Ими мертва…

Корабля как не стало
Простота пронизала –
Прощаю я
Прощаю я…

Разом будто очнулась
Тихо в себя вернулась
Другая я
Другая я…

Удлиннились денёчки
Сквозь зелёные почки
Смотрят леса
Смотрят леса…

На дорожке столкнулась
Оглянулась сомкнулась

С таким как я
С таким как я…

Мигом остановилась
Нами вечно продлилась
Эта весна
Эта весна…

Неземною порукой
Он простёр ко мне руку –
Её взяла
Я навсегда…

Поспелов А.М. 2011 – 2020

СКАЗОЧНЫЕ ИСТОРИИ

ПОДАРОК

Жили-были муж, жена и три сына – крестьяне. Работали много, но со злостью, – не нравились им ни работа, ни жизнь их крестьянская. Господам завидовали, но ненавидели. На

глазах раболепствовали, за глаза же костерили, обзывали и хаяли. И два старших брата были такие же, а младший – другой, – всякую работу делал с радостью, всем готов был помочь, на себя трудное взвалить. Со всеми общался ровно, уважительно и почтительно. Слова плохого никому и ни о ком не сказал. Всегда и весел был и всё ему было нипочём. А иногда говорил: «Отойду я, надо мне». И уходил в лес на несколько дней. Не знали домочадцы, – ни куда, ни за чем, но удержать не могли. Дурачок, одним словом, – в глазах и братьев и родителей. Так они его и прозывали, – Иванушка-дурачок. Свою работу, между тем, нередко не доделывали да на него перекладывали. Так и жили, в общем и целом, не тужили. А в

это время царская дочь, царевна, подрастала. С мала была особенная, самостоятельная, – сама любила всё делать, всем деланьям у простых людей училась, даже за собой ухаживать не позволяла. Ослушиваться её, царевну, не смели. Так и жила-росла как хотела. Благо, что в добро, а не во зло. В своё время вошла в возраст. Стал царь приглашать по делам да погостевать именитых женихов, дочери показывать, да выспрашивать, – не понравился ли. Но ей женихи не нравились – все казались ей напыщенными, чванливыми, хвастливыми, глупыми, никак не интересными. И, чтобы уже пресечь мучительные домогательства отца, сказала ему: «Я выйду замуж за того, кто пойдёт туда, – не знамо куда,

принесёт то, – не знамо что». Царевнина воля для царя уважаема; так и пришлось ему объявить народу это условие. Прослышали об этом и в семье крестьянина. Подумал Иванушка, подумал и говорит родителям: «Попытка – не пытка. Пойду попробую царевнину задачу выполнить». Посмеялись в семье, да что с дурачка возьмёшь, отпустили. Пришел Иванушка во дворец, привели его к царю. «Почто крестьянский сын пожаловал?» «Готов, – говорит Иванушка, – царевнино испытание пройти». Усмехнулся царь: «Ну, иди», – говорит. Вынул Иванушка из-за пазухи дедовскую шапку длинную, напялил на голову до плеч. «Пойду, – говорит, – не знамо куда». «Ну, хитёр, – подумал царь, – да как бы не обманул.

Иди», – говорит. А сам позвал слуг, приказал следить за ним тайно. Слуги пошли тихо следом. Пошел Иванушка по дороге прямо, на ощупь, с тросточкой в руке. Слуги – за ним. Шел, шел, дошел до поворота перед большим лесом, не заметил поворот и вошел в лес. Идет, идет по лесу. Слуги – за ним. Вдруг, откуда ни возьмись, медведь встаёт перед Иванушкой во весь рост. Слуги, прячась, попятились, попятились, да и бегом из леса. А Иванушка так и уткнулся в медведя, не видя-то. Пошарил перед собой, не снимая шапки, чувствует большое, шерстью покрытое перед ним. «Медведь что ли?» – спрашивает. «Он и есть, – отвечает медведь, – а ты куда это крестьянский сын неглядючи идёшь?» Рассказал ему Иванушка. «Знаю, как тебе

помочь, – говорит медведь, – садись на меня». Сел на него Иванушка; и понес его медведь. Шли долго ли коротко, остановился медведь, поставил Иванушку на тропинку. «Иди прямо, – говорит, – помогут тебе; а я тебя подожду». Пошел вперёд Иван. Через несколько шагов наткнулся на твердое, пощупал – дверь. Постучал – открывают ему. «Заходи», – скрипучий голос говорит. А была это баба Яга. Сидели они с колдуном, чай пили. «Что это ты, молодец, не глядючи по лесам шастаешь?» Рассказал им Иван, как есть. Засмеялись Яга с колдуном. «Да мы, – говорят, – только такую оказию и ждали. То-то потеха будет!» Пошарила Яга в туеске замшелом, достала оттуда коробочку невзрачную, даёт Иванушке. «Вот, возьми, береги,

как зеницу ока, отдай царю; предмет дорогой, не простой, молодицу за него отдала Кащею. То-то царь утешится, успокоится». Иванушка взял, понял, что коробочка эта с чем-то внутри, положил за пазуху. «Только, – говорит, – дай мне вторую такую, коробочку пустую, на всякий случай». Дала ему Яга еще и пустую, – этого не жалко. Положил её Иванушка тоже за пазуху, поблагодарил, развернулся и пошел себе потихоньку, дорожку тросточкой нащупывая. А медведь его уже и встречает. «Садись на меня, – говорит, – пронесу до дороги». Сел Иванушка, и вынес его медведь на дорогу. Слуги царя, между тем, сидят в придорожном дворе постоялом, пьянствуют, думают, что царю говорить, чтобы при головах остаться, да

на дорогу посматривают. Увидели Иванушку, обрадовались, выскочили, подхватили его под руки и повели к царю. «Ну-ка, – спрашивают, – говори, что с тобой было?» Иванушка рассказал, – что ему скрывать. «А ну-ка, покажи», – говорят слуги. Вынимает Иван пустую коробочку, показывает им. Посмотрели они, повертели, заглянули, друг другу подмигнули, пальцем у виска повертели, отдали коробочку и повели его к царю в той же шапке по плечи. Привели, предстали перед царем. «Ну, – спрашивает царь, – принёс?» «Принёс, не знамо что», – говорит Иванушка. И даёт ему коробочку. Взял царь коробочку, заглянул в неё, чтобы никто больше не видел. Колечко там

золотое в виде короны, красивое, с изумрудами. Закрыл, спрятал в карман. Спрашивает: «Как всё было?» Рассказал Иван. Спрашивает царь слуг: «Так всё было?» «Точно так, за спиной у него не отходя были», – говорят те, не моргнув. Видит царь – выполнять придется обещанное. «Ладно, – говорит, – оденьте его прилично царскому жениху, покажите царевне». Про себя же думает: «Я тебя ещё до свадьбы, выскочку, наглеца, изведу; отравлю – и дело с концом». А у самого кольцо из головы не идёт – очень понравилось. Зашел в кабинет, надел на палец, любуется. Вдруг оно становится больше, больше, спадает с пальца, становится величиной с корону и перестаёт расти. А корона красивая такая – глаз не оторвать. Надел на голову. Она

так впору, и снимать не надо. А это не корона выросла – это он, царь, такой маленький стал вместе со всей своей царской одеждой. Таким и нашли его в кабинете. Ходит взад – вперёд, топает ножкой и приказывает ему есть подать писклявым голоском. А перемену свою не замечает, как будто так и быть должно. Обомлели все поначалу, да делать нечего – привыкли. Сначала дали ему для жизни всё маленькое, игрушечное. Потом мастера для него и специально всё маленькое сделали: апартаменты тут же в кабинете, посуду, одежду…. Кто есть кто, он забыл, знал только, что он царь, и очень был этим горд и доволен. Потребовал себе всё для письма. Сделали, дали ему всё маленькое, столик красивый поставили. Возьмёт, бывало,

маленький листочек с вензелем, пёрышко и напишет, например: «Всем стоять за правое дело!» Позвонит в маленький колокольчик; когда войдет специально поставленный для этого лакей, протянет ему листочек, топнет ножкой, пискнет: «Исполнять!» И опять есть требует. Так и зажил. Сам как колобок вскоре стал от еды. Объявили народу, что заболел, мол, царь тяжело. Начал править старший сын. А чудо-царька за огромные деньги иногда чужестранным гостям тайно показывали, чтобы и побаивались заодно. Воля царская, между тем, в силе. Царевна с Иваном понравились другу другу, поженились. Только не захотели они во дворце жить, захотели крестьянствовать. Чудаки, что с ними поделаешь.

Дал им новый царь землю, средств на обустройство. И стали они жить-поживать, да детей наживать.

ВЕЩАЯ ПТИЦА

Жили-были давным-давно один кузнец с женой. И детей у них было много. Но один сын не такой рос как другие: тихий, скромный, отзывчивый. Вместо шумных игр с другими детьми всё больше любил с отцом в кузнице побыть да помочь. А был он очень способный и быстро научился кузнечному делу. Отроком стал часто за отца и всю работу делать, да так хорошо, что уже и сложные заказы стал отец ему доверять. А сам-то сын жил в себе по-своему: всё Богом мерял и к Богу

примерял: и одеться старался так, чтобы – как перед Богом всегда, и встанет и сядет – поправится, и пойдёт, и побежит – о том же позаботится. А говорил и делал что, с особым старанием, чтобы Богу понравилось. Такой уж уродился. Только никто этого не знал и не видел. Подрос малец и стал замечать, что люди-то, не так живут. Сначала думал, что у них не получается; потом понял, что не очень-то они помнят и хотят и опечалился, но поправился, уповая, стал за людей молиться да жить себе дальше. Вырос ко времени, стал молодцем пригожим. Девицы на него заглядываются, а ему никакая не приглядывается. Некоторые девицы обиделись и озлели; одна даже захотела пойти к колдуну приворожить его через колдовство, а если не

получиться, так и извести вовсе. Почувствовал это молодой кузнец. «Не годиться мне искушать невинных. Направь Господи.» – воззвал. Утром приносят весточку от родственницы – очень дальней и одинокой, что занемогла и просит помощи. Благословился он у родителей и ушёл. Стал жить у той родственницы хозяйство править да обслуживать её. И тут та же история: стали и сватов присылать. Но подопечная недужила непоправимо и умерла вскоре. Ушёл кузнец ещё дальше. Так и стал жить. Поживёт в одном месте поработает, покузнечит; и, пока греха с кем не случилось, уйдёт. Стал уже и о монастыре подумывать. А в ту же пору жила-была в глуши в семье лесника девица-юница.

Братья с сёстрами поженились, разъехались; она, младшая, осталась престарелым родителям помогать. А была она такая же как молодой кузнец – молитвенница в себе. И никто этого не знал, не ведал. Видели только, что отзывчива, доброжелательна, приветлива, не пожалуется, не упрекнёт, всегда всё успеет, обо всех подумает; и на всё – слава Богу! А уж рукодельница – не сыскать такой. Пошёл однажды отец её – лесник в село по хозяйской нужде кузнеца поискать. Подсказали ему, что кузнец новый хороший есть там-то и там-то. Нашёл лесник этого кузнеца, договорился с ним о своём деле, пошёл домой, а молодой кузнец всё из головы не выходит, – так он ему понравился; Вот бы, – думает, – дочку за него выдать.

Пришёл домой и говорит дочери, – Пойди-ка дочка, возьми старый топор да отнеси, – туда-то и туда-то, – новому кузнецу перековать; я с ним договорился. Дочь тут же собралась, взяла топор и пошла. Нашла кузнеца одного у родника; как подсказали. Только встретились они взглядом, тут же друг друга и узнали. А как заговорили, так и поняли, что не расстанутся. Вскоре и венчались, к счастью родителей. Взялись всем миром с родственниками семьи лесника, срубили избу. Зажили молодые в любви и согласии. Живут поживают, а детей нет и нет. И молились много, –ни ответа, ни понимания. Поднялись, однажды, на рассвете, пришли на тот родник, где встретились, встали лицом на восток и, только солнце показалось, взмолились в

голос, стали Бога славить, молить, упрашивать, хотя бы подсказать им, как быть. Тут голос, как бы небесный раздался: «Ждите… Будет вам…Только вина отныне не пейте…Другие – пусть… А вы, если даже и пригубите, – вхожи будут бесы в тела родственных вам до тридцати степеней.» И тихо стало. Возрадовались муж с женой. А вино они и так только пригубляли по большим праздникам. Так что им стоит и не пригублять вовсе. Зажили дальше спокойно, счастливо. Жил в то же время в недалёком соседстве от них один муж в возрасте, старался и благочестивым быть. Несчастным случаем семья его погибла. Одна только внучка у него осталась. Растил он её с любовью, души в ней не чаял.

Вдруг занедужила она, стала таять, чахнуть. Начал муж молить, просить, требовать; – не выздоравливает внучка. Отчаялся в горе, бросил молиться, разуверился, стал лекарей знахарей призывать – ничего не помогает. Однажды вечером придремала внучка; сидит он рядом, горюет. Вдруг свет неяркий зеленоватый перед ним засветил и в свете том фигура какая-то проступает, яснее, яснее становится. Видит ангел никак перед ним, смотрит на него ласково. «Ты ангел?» – Спрашивает. Тот кивнул и говорит: «Пособлю твоему горю, – и протягивает бутылочку маленькую необычную, – вот возьми напиток ангельский, беги скорей к набожным твоим соседям, у которых детей нет; – пусть выпьют по глотку как за

здравие; – оживёт твоя внучка. Только скорей, пока не остыла ещё, иначе поздно будет.» – И растворилась фигура, и свет померк. «Как оживёт?.. Почему оживёт?..» Испугался дед, потрогал внучку, а она не дышит уже. Смотрит – бутылочка у него в руке. Прижал к груди, бросился бежать. Прибежал к кузнецу; сам ни жив, ни мёртв, рассказал сбивчиво про внучку, про ангела, протягивает бутылочку, торопит, уже и на колени встал. Растерялись супруги – горе-то какое, да и муж благочестивый; сами как омертвели, покреститься забыли и выпили по глотку. Проситель к ним спиной и бегом, не поблагодарил даже. Очнулись муж с женой. Бутылочка тут же стоит пустая и вином пахнет. Поняли они, что обмануты, стали молиться,

каяться, да поздно; нет им ответа. А внучка умершая в тот же миг ожила и выздоровела. Зажили они с дедом как прежде. И кузнец с женой продолжили жить внешне как всегда: и делают всё должное, и неразлучны. Только Бог их оставил. Опустели они изнутри и опечалились невыносимо. Прожили так несколько лет и умерли в один час, держась за руки. Взяли их души строгие ангелы и отнесли в тридесятое царство в красивые места, далёкие от всякой нечисти. Жили и там тоже всякие люди, правда спокойные и трудности свои преодолевали. Жизнь похожа была на земную; только недужили по-другому. Печаль оставила супругов вместе с земными телами и продолжили они жить в трудах, в

спокойствии, с Божиим памятованием. Только меняться уже не могли. А иногда возьмутся за руки, посмотрят друг на друга и такую вдруг почувствуют радость, на земле небывалую. Однажды взялись так за руки, встретились глазами, вознеслись в радости и в тот же миг возникает у них между рук младенчик беспомощный – девочка, да такой красоты, – глаз не оторвать. И голос небесный, знакомый им раздаётся: «Это ваше теперь дитя, растите и воспитывайте.» Зажили они втроём радостно. Быстро выросла девочка стала девушкой. Столько она всего знала и умела, гораздо больше того, чему родители её учили. И всё-то она делала с песней и радостно. Однажды предстала перед

родителями и говорит: «Дорогие мои родители, хочу я на земле побывать. Может кому и пользу сослужу. Вы за меня не бойтесь; ничего со мной плохого не случится – и ваша я дочь, и природы ангельской. Сказала, получила родительское благословение и исчезла. Немного погодя появилась, рассказала, что видела, что слышала. Так и стала время от времени пропадать. Но родители поняли сказанное и за неё не беспокоились, только ждали всегда. А она появлялась на земле в каком-нибудь глухом лесу птицей необычной, светящейся радужно и жила там какое-то время: пела по-птичьи и по-человечьи, летала вдоволь. Никакие хищники и звери её не трогали, только замирали и слушали; и вся природа как бы

прислушивалась: ветер затихал, цветы благоухали сильнее. А как увидит она одинокого человека в нужде, подлетит, покажется ему на вид да и скажет коротко что-нибудь ему нужное. Правда не ко всякому подлетала. Сидела она однажды на полюбившемся ей большом дубе на опушке, поглядывала на тропинку. Пришли молодые люди под дуб – юноша с девушкой, влюблённые, стали друг другу в вечной верности обещаться. Опечалилась птица-ангел, – увидела она судьбу их гибельную. Решила в тот же миг человеком побыть, изменить попробовать порочное начертание. Обернулась утром девицей и пошла в город. Но тут уже другой сказки начало…

ЦАРЁК

Жили-были, поживали: шорник, жена его да сынок их молодой. И больше детей у них не было. Сказал шорник после рождения сына: « Нечего, мол, нищету разводить». А держанием слова своего он всегда гордился и за слово своё держался. Да и человеком считал себя особым и достойным самого высшего звания. Но дело своё знал, умел и упряжь делал хорошую. Даже и от царских людей заказы у него бывали; а всё-то был всем недоволен; особенно любил царя осудить: «Уж у меня-то в царстве всё было бы по-другому», – частенько говаривал. А жена была тихая, скромная, трудолюбивая; только вздыхала, терпела да помалкивала. И сын при матери такой же вырос –

добрый да пригожий. Между тем совсем невмоготу стало шорнику от нетерпежа всего и вся, особенно своего незаслуженно низкого, как ему казалось, положения. Шел он однажды кож прикупить в соседнее село через лесочек, дум злобно-горестных полон. Уж и вслух начал судить да рядить. Сел на пенёк и ещё пуще сетовать стал, выговариваться. Тут кто-то рядом: «Да, да», – говорит и продолжает его мысль, да так хорошо и умно, что шорник примолк даже. Смотрит – молодец стоит рядом пригожий, не крестьянского вида. «Рад, – говорит, – что ты так же думаешь». Так и разговорились душа в душу. Тот и говорит: «Я травник, травы у вас собирал, услышал умные речи, да и подошел поговорить; а и советом

могу подсобить». А был это колдун. «Совет скажи, послушаю», – согласился шорник. «Ты, – говорит колдун, – собери близких, родственников, соседей и вообще народа, чем больше, тем лучше. Уговори его – народ – маленькое царство сотворить и тебя царём поставить. Ты, я сразу понял, человек умный, крепкий, самый что ни на есть для царского звания подходящий. Народ поймёт свою выгоду и встанет за тебя горой. Напишите прошение и пойдите к царю всем миром, чтобы разрешил вам своё маленькое царство внутри большего. Глядишь и уговорите. А если тебе понадоблюсь, стань лицом на запад, скажи: «Трын-трава – лети молва», – я и появлюсь». Повернулся колдун и ушел не прощаясь. Очень этот

совет шорнику понравился. Развесил объявления, что слово, мол, будет у него к народу. Родственников особо пригласил, скопил и на угощение. В ярмарочный день выставил бочки с пивом, забрался на постамент балаганный и объявил народу своё предложение. Люди ещё подошли и ещё, стали вопросы задавать. Шорник разошелся и на обещания не поскупился. Так и говорил, пока пиво не кончилось. Многим его предложение понравилось. Тут же вызвались радивые и челобитную по народу подписывать и с ним после подписания и к царю пойти. Так всё и сделали. Пришли к царю. Царь почитал прошение, да и согласился. «Только, – говорит, – чтобы государство было как государство – чтоб граница

вокруг с дозорами и я со своей стороны поставлю. А кто проскочит – будет считаться лазутчиком и казнен».
Согласился царь, потому что много было из той волости лихих людей. «Пусть лучше, – подумал, – сидят внутри да трудятся, чем разбойничать по стране». Так шорник и начал царствовать: налоги собирать, казнить да миловать, приказы открыл, служилых людей назначил, судей и прочих. Всё чин по чину, только маленькое. И дворечик себе построил маленький. Народ так царьком его и прозвал. А тех, кто работать не захотел, пришлось по острогам и тюрьмам рассовать. Да уж больно много их получилось. И работы всем не найти, и прокормить – не прокормить. На воле народ тоже – знай себе

плодится да размножается. «царствочка скоро на всех не хватит». Стал царёк думу думать тяжкую. Думал, думал – не может придумать. Решил позвать лесного советника. Встал лицом на запад и произносит: «Трын-трава – лети молва». Упавший лист с дерева до земли не долетел, как ему докладывают: «Пришел какой-то человек, говорит: «Просит, мол, царь к себе, молва донесла». Царёк приказывает привести, встречает, как гостя дорогого, просит совета… Колдун и посоветовал ему – сначала людям подневольным огласить, а потом и остальным: «Если кто имеет какое желание заветное, пусть явится к царю, угадает и исполнит его, царя, на тот момент мысленную просьбу, то и его мечта тут же исполнена

будет. А кто не угадает, тот пусть на себя пеняет. Только накажи, чтобы меня всегда к тебе допускали, а людей подходящих и я к тебе подводить буду.»
Царек по совету и поступил. А колдун тоже стал многих соблазнять за деньги немалые: «Подскажу, мол, в нужный момент»; да обманывал. Люди знали, что царёк – человек честный и стали являться и пытаться – всё больше те, кому терять нечего, а рискнуть свободу получить хочется. Ну и должники всякие, да и другие, отчаянные чудаки, тоже. Только никто не угадывает. А царёк – кого казнит, кого в заморское рабство продаст, так и зажил себе неплохо, повеселел. Позвал опять колдуна поблагодарить. Пришел колдун. Посидели, попировали. Колдун и говорит

ему: «Негоже тебе, царю, жену иметь простолюдинку. Выгони её, найди царевну в каком-нибудь царстве и посватайся. Только в церкви договорись заранее, чтоб венчали тебя с царевной без всякого конфуза, а то мало ли чего. Царёк так и сделал: жену выгнал, сына объявил царевичем, и позвал к себе священника. Пришел священник. «Венчаешь меня с царевной, когда надо будет?» – спрашивает. «Никак невозможно, государь, – отвечает священник, – хоть казни». Рассвирепел царёк. «Неправильная твоя церковь, – кричит, – я свою, правильную отныне построю». Позвал приближенных и приказал новую церковь при дворце построить и себя главным первосвященником объявил. Построили новую церковь,

украсили. Глашатаи объявили народу: «Кто считает, что церковь нужна новая и правила новые – подходи к царю». И такие тут же нашлись. Отобрали самых грамотных, облачения сшили, утварь сделали и стали они, как смогли новую службу служить – по виду похожую. Успокоился царёк и зажил себе дальше. А тем временем полюбил его сын одну девушку простую. Она его тоже полюбила. Начали они встречаться тайком. Но царьковы слуги эти встречи выследили, доложили царьку. Разгневался тот, приказал доставить их к себе хоть вместе, хоть порознь. Бросились слуги искать – не могут найти. А влюбленные на своём любимом месте были – у большого дуба за городом, обещались друг другу в верности

и не заметили птицу необычную в ветвях. А была эта птица ангел. Увидела она их, послушала и полюбились они ей. Взглянула в будущее – увидела грядущее роковое – опечалилась. Захотелось ей изменить его. Ушли молодые люди, взявшись за руку, внимая только друг другу. Она же превратилась утром в девушку и пошла в город. В городе зашла на торговую площадь, подошла к цветочному ряду. Цветы уже выставлены, но рано ещё и нет никого. Посмотрела она на цветы, и один ей очень понравился. Поздоровалась она с ним. «Пусти, цветок, меня, пожалуйста, в себя не надолго, – говорит цветку. Нужно в опасности людей спасти». Цветок с радостью согласился. Исчезла девушка, а цветок тут же

расцвёл. Продавщица вышла к товару, подивилась на цветок – только что не было, и вдруг такая красота. Служка царькова в этот момент проходила, купила этот цветок – уж очень он ей понравился. Принесла во дворец и поставила царьку в кабинет, чтобы подобрей был, как ей подумалось. Вскоре и царёк пришел в кабинет, увидел цветок, пододвинул кресло, сел и стал любоваться, да аромат вдыхать. «Вот угодили, так угодили», – думает. Тут и стража постучала, привели молодых, поставили перед ним, сами встали у дверей. Царёк, ничего не спрашивая, сразу им и говорит строго: «Жениться у меня даже думать забудьте; не царское это дело на простушке жениться. А будете пытаться встречаться, заточу каждого на всю

оставшуюся жизнь. А сейчас идите и с прощанием не затягивайте; видите, какой я добрый сегодня». Как они вышли, опять стал цветком любоваться, уверенный, что не посмеют ослушаться. Однако, пора и дела делать – встал, открыл окно, хотя сам до того так не делал, и вышел вон. Птица-ангел выпорхнула из цветка, поблагодарила его, вылетела в окно и полетела высоко сверху над молодыми. Как предвидела она, так всё и шло. А те идут рядом, не зная куда, еле ноги передвигают. Одолело их горе-отчаянье, остановились. «Лучше умереть вместе, чем жить порознь», – сказали одновременно и пошли быстрее к реке. Подошли, зашли на мост, стали посередине, смотрят на воду, уже и прыгнут

вот-вот. Вдруг откуда ни возьмись, девушка идёт по мосту. Застыли смертники, ждут, пока пройдёт. А она подходит к ним и говорит: «Плохое вы дело задумали, грешное. А как завтра всё переменится, знаете ли? Лучше жить в надежде, чем умереть без. С судьбой, приказанной, сейчас согласитесь, а любви держитесь». И пошла девушка дальше, как прохожая. Одумались несчастные, вразумились, решили пойти по домам, пождать, поуповать да посмотреть, что будет. Так и сделали. А девушка тем временем вернулась ко дворцу. «Я по царскому благоволению с пожеланием», – говорит страже. Проводили её, доложили. Задумал царёк своё желание-задание: «Пусть ка, думает, польёт цветок, который сегодня

принесли, и только его». И вызвал её. Входит девушка к нему в кабинет, поклонилась, посмотрела и на цветок, друга своего, поздоровалась с ним про себя. Он тоже ей покивал незаметно. Подошла она, взяла кувшин с водой, полила его и встаёт опять перед царьком. Удивился царёк: «Ну, проси, – говорит, – исполню». «А вот что, государь, позволь-ка ты своему сыну жениться на любимой. Пусть живут как простые люди, да будут счастливы». Сказав, поклонилась и пошла прочь. Разозлился царёк, а делать нечего – слово надо держать. Так и сделал, как сказано, скрепя сердце. Молодые женились, стали жить-поживать, детей наживать. А царёк так и остался без наследника. Хоть посылал сватов в разные страны,

никто его всерьёз не принял и никакие принцессы замуж за него не пошли. А когда он умер в старости, царство-государство его закончилось и церковь его тоже растворилась и забылась. Тут и сказке конец.

ОБМАНУТАЯ

Жили одни муж с женой на краю деревушки. Была у них дочь молоденькая ещё. Заболела мать да умерла. Женился отец на другой. Невзлюбила мачеха дочь, стала её изводить. Отец вскоре тоже затосковал, заболел и умер. А мачеха дочь из дома и выгнала: «Иди, мол, куда хочешь, да на глаза мне больше не показывайся». Загоревала дочь, вышла на перепутье. Стоит, плачет и не знает, куда идти.

Выходит к ней молодец-красавец: «Ты что, – говорит,– молодая, мокроту развела, дождь называешь? Я тут издалека у вас травы собираю; мне дождь сейчас ни к чему». Она спроста и рассказала ему своё горе. «Очень ты мне понравилась, – говорит, – выходи за меня замуж. Пойдём сейчас в мой край, а там и повенчаемся». – «Да, пойду». А молодец: «Только идти далеко, через леса – отважишься?» – «Да, отважусь», – говорит. И пошли. А был это колдун. Долго они шли лесом. Подошли к избушке. «Зайдём к моей бабушке, – говорит колдун, – передохнём». Встречает их старуха древняя приветливо. Во дворе курица с петухом копошатся, и больше нет никого. Только они зашли в избу, – старуха хлоп об пол – превращается в молодую и давай

с колдуном обниматься, целоваться. А была это баба яга. Испугалась дева, поняла, что попалась и в дверь, а там собаки злые откуда ни возьмись на неё бросаются; загрызут – крикнуть не успеешь. Захлопнула дверь, села на лавку, зарыдала опять, не знает, что делать. А колдуну с Ягой и дела нет, – оставили её в сенях, бросили котелок с остатками каши, закрылись и милуются дальше. Вдруг слышит голосок тоненький: «Не горюй, девонька». Глядит – перед ней мышка стоит на задних лапках: «Дай мне, милая, кашки, с дороги я дальней». Дева тут же ей кашу и отдала. Поела мышь и говорит: «Ты сейчас крестик свой в рот спрячь. Яга как проводит колдуна, начнёт тебя обнимать и ласкать, но на деле, чтобы крест с тебя снять. Не найдёт, пойдёт

клюв у петуха завяжет и спать ляжет. Пока ты здесь – она молодая, а как тебя не будет, она опять в старуху превратиться; поэтому ты дождись, пока она захрапит. Во сне она не заметит, как оборотится. Собак не бойся – это черти, ты их перекрести и иди смело. Во дворе зайди в курятник и петуху клюв развяжи. В лес войдёшь – перед тобой будет свет светить, по нему и иди. Что бы сзади не услышала, – не оглядывайся». Сказала мышка и пропала. Как смеркаться начало, вышла Яга колдуна провожать. Колдун взглянул на деву, засмеялся и вышел вон. Бросилась Яга деву обнимать, да обшаривать – не нашла креста, пошла, завязала петуху клюв и завалилась спать. А как стемнело – захрапела вовсю. Надела дева крест, выглянула в оконце.

Пеньки гнилые у крыльца чуть подсвечивают. Собаки тут как тут сидят перед дверью. Перекрестила она их, растворились они. Вышла, прикрыла калитку. Засветился свет прямо перед ней и повёл её между деревьями. А за спиной сразу вой, рычание, голоса страшные, угрозы – смотри мол, сюда, а то убьём, растерзаем. Стиснула зубы дева, заледенела вся, но идёт дальше. Вдруг тихо стало и голос отцовский, жалобный, называет её по имени: «Дай руку, доченька, не спастись без твоего прикосновения». Не выдержало сердце, обернулась; и пропал свет. Тишина, темно; побрела в горе на ощупь в темноте. Долго ли, коротко ли – наткнулась на какую-то оградку. Подтянулась, заглянула – тот же дворик перед ней с пеньками

светящимися. Села, заплакала тихо – свет вдруг перед ней, и мышь стоит. Говорит печально: «Не успеешь уже теперь, иди в избу, перетерпи день, – не тронет тебя Яга, решать будет съесть тебя или кащею передать, за волшебный предмет выменять, да и молодой ей ещё охота побыть. А ночью опять иди – вторую судьбу пытать, да уж терпи». И пропал свет. Вошла в избу дева, выглянула в оконце, а уже и собаки перед дверью сидят. Запел петух под утро. Вскочила Яга, выбежала и давай чертей ругать: «Кто, мол, петуха развязал, как я теперь в ступе полечу?..» Те молчат, не хотят про позор свой говорить. Угомонилась Яга. И целый день заставляла деву по дому работать, а сама всё прихорашивалась, переодевалась,

да в зеркало посматривала. Ночью завязала клюв петуху, завалилась спать и захрапела. Дева в оконце перекрестила собак – растворились те. Вышла – свет перед ней. Собрала дух, скрепилась и пошла. Снова голоса сзади страшней прежнего. Идёт, терпит. Вдруг матушкин голос – всю душу пронзил: «Доченька, спаси, дай руку!» Не успела удержаться, обернулась – и пропал свет. Побрела в горе, уткнулась в изгородь, заплакала. Свет опять перед ней и мышка печальная: «Последняя судьба твоя осталась, помни. Только теперь ещё испытание придётся пережить». И исчезла. И повторилось всё – запел петух, выскочила Яга, заругалась пуще прежнего, разъярилась, но угомонилась-таки у зеркала. Проработала дева ещё день.

Настала ночь. Перекрестила дева собак, развязала петуха, вышла – свет перед ней, пошла. Голоса ещё свирепей – терпит. Вдруг тишина и голос кроткий, неслыханный никогда, называет её по имени: «…Я твой ангел-хранитель, убивает меня дьявол, спаси, дай руку; или погибнем по одному навеки, или спасёмся сейчас вместе; от бога испытание это, спаси…» Еле успела дева опомниться, заткнула уши пальцами, побежала дальше по свету ни жива, ни мертва. Но вера про ангела осталась в душе, и полились слёзы. Так и выбежала с рассветом на ту же развилку. Села, плачет, остановиться не может. А Яга по крику петуха вскочила. Глядь – девы-то нет, старуха она опять. Выскочила во двор, разогнала собак, пнула ступу – не

полетишь теперь; и бросилась за ворота в погоню. В лесу сразу превратилась в рысь. Добежала до оврага – превратилась в сову. Долетела до ручья, перелетела – превратилась в мышь. Иначе она не могла от избы своей отдаляться: сначала превращалась в рысь, потом в сову, потом в мышь. Хоть и опасно, да злоба пересилила; побежала дальше мышью. Выбежала к развилке дорожной; смотрит – сидит дева плачет. «Ну, – говорит себе,– я с тобой и мышью управлюсь. Не мне – так и никому. По вере да будет тебе». Подбегает, встаёт перед девой и говорит тоненьким мышиным голосом: «Посмотри на меня, родненькая, послушай, я тебе теперь спасение подскажу». Увидела её дева, да не разглядела, стала слушать. А та

говорит дальше: «Плачь, всем говори «нет», потому что через «да» твоё несчастье. Когда слёзы иссякнут – умрёшь, примет тебя бог к себе, и ангела к тебе вернёт. Передаёт это через меня – и ждёт тебя». Сказала, и убежала, пока кто-нибудь не съел. А дева и поверила. Приняла, как судьбу желанную. И стала уже по этой вере слёзы лить.

ПЛАЧУЩАЯ ДЕВА

Шёл молодец один домой. Глядь – дева сидит при дороге плачет, слезами заливается. Спрашивает, – «Ты что дева плачешь?» – «Я не плачу», – говорит. «А что же ты делаешь?» – «Я слёзы выливаю». И опять рыдать. «А сюда зачем пришла?» – «Я не сама пришла».

– «А как же ты здесь оказалась?» – «Меня свет привел». – «А слёзы ты выливаешь зачем?» – «А все слёзы за жизнь вылью и умру». И опять за своё. Молодец ещё спрашивает, – «Проголодалась небось; я дам тебе поесть – поешь?» – «Не буду», – говорит. «А со мной пойдёшь?» – «Не пойду», – и рыдать дальше. Понял он, что недугует девица, уж было шагнул идти, да пожалел, решил спасти её. Положил каши в миску, дал ей и говорит : «только не ешь». Она тут же кашу и съела. «Теперь, – говорит,– Я пойду, а ты со мной не ходи». Она тут же встала и пошла за ним. Пока слушает и отвечает не плачет, а ответит и сразу в слёзы. Так и стал разговоры по дороге придумывать один за другим.

Долго ли коротко – дошли до его дома. Поздоровался с родными. – «Вот, – говорит, – привёл напасть. Теперь кормите и поите нас, пока дева не выздоровеет». Родные поникли, да делать нечего. Стали их подкармливать, пока они разговором заняты. Год проходит – спрашивает деву молодец: «забыла ли своё?» – «Нет, не забыла», – говорит, и в слёзы. Ещё год проговорили. Спрашивает опять: «забыла ли своё?» – «Нет, не забыла», – и в слёзы. Третий год проходит. Молодец уже даже и привык всякий интересный разговор находить. А, всё же, пора бы и дальше жить. Заснула как-то девица к вечеру. Выходит молодец на двор по нужде. В лесочке за околицей кукушка закуковала. Да громко так и как будто по особенному немножко.

«Дай-ка, – думает – прогуляюсь, посмотрю – никогда не видел как кукушка кукует». Дошёл, смотрит, а на суку сидит старичок и кукует. Лицо доброе и взгляд приветливый. Спрашивает его молодец: «Ты что это дедушка кукуешь, твоё ли это дело?» – «Да вот тебя зову». – «Вот он я, зачем тебе?» – «Совет дать хочу». – «Давай, послушаю». – «А пойди-ка, – говорит старичок, – стог со двора переметни за ограду, да чтобы до последней былинки. И последнюю былинку на самый верх подними и смотри, чтобы не потерялась и не пропала». Сказал и исчез. Куда ж деваться. Пришёл во двор, стал стог перемётывать. А стог огромный. К рассвету только переметнул. Все былинки подобрал. А ничего не происходит. Стал ползать на

коленях, искать и нашёл ещё одну, последнюю былинку. А тут и ветерок поднялся. Положил былинку в рот, забрался на стог и воткнул на вершине. Слез и осенило его разом. Вошёл к девице, присел рядом. А как она проснулась, спрашивает: «помнишь ли своё?» Она говорит: «нет не помню». И отложилась от наваждения, зажила как все. Повенчались они вскоре. Стали жить поживать, да детей наживать.

ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО

Жил-не жил, был-не был один колдун. Чувствует жизнь его истощается, кончается – вот-вот умрёт. Сильно забоялся он умирать. Мечется, места себе не находит. Является к нему хозяин

его дьявол и говорит: «Ещё службу послужишь – поживёшь. Буду тебе зеркальца давать. На кого укажу, тому и передашь. Тут не так давно отнял один молодец у меня деву и женился на ней. Вот ей и передашь». Сказал и исчез, а на месте его шкатулка стоит железная, кованая, под сундучок сделанная.

А молодые живут себе поживают , и детишки подрастают. Пошла однажды утром жена за водой, подходит к колодцу. Над колодцем ворон большой кружит. Ровные круги такие пишет, крыльями не машет, и в клюве что-то держит. Спустился плавно и сел перед ней на край колодца. Сундучок железный на скамеечку поставил и говорит человечьим голосом: «Тебе господин Итсаз,

доброжелатель твой, подарок передает, чтобы ты себя познала, да повеселела. Ты уж его не обидь, хорошего человека, возьми, попользуй себе в разумение. А натешишься, – так я и обратно возьму». И взлетел ворон – только его и видели. Заинтересовалась жена, поверила, хоть и страшновато, взяла сундучок домой, положила под кровать. Улучила момент, заперлась в комнате, отстегнула застёжку, открыла сундучок, а там зеркальце красивое, в рамке кованой из зверей разных невиданных. Взглянула в зеркало и ахнула, какой красавицей она себя увидела. А до того только в воде себя и видела. И стала она с того момента на себя засматриваться. А отражение всё живее и живее становится: вот-вот, кажется, скажет что-то. Уже

жена невольно и ожидать начала, что оно скажет наконец. А оно возьми, да и скажи однажды: «Люби меня, и все полюбят тебя.» И слова те как не в воздухе, а внутри у неё прозвучали.
Начало отражение с этого времени ей советы давать, как жить, что делать говорить, про ближних и знакомых тайны открывать.

Замечает муж – изменилась жена: хозяйство забросила, дела делает кое-как, не доделывает; не приготовит, не постирает. Дети, заброшенные сами по-себе где-то пропадают. Спрашивает муж у старшего сына: «Что матушка делает, когда я ухожу?» Говорит сын: «Когда ты уходишь, батюшка, запирается матушка у себя в комнате и сидит подолгу».

Спрашивает тогда муж жену: «А что ты всё делаешь, когда я ухожу?» – «Да как-то плохо мне, – говорит, – прибаливаю я». Сделал муж вид однажды, что ушёл, а сам вернулся потихоньку и подсмотрел в женино окошко. Смотрит вытягивает жена из-под кровати шкатулку, достаёт из неё зеркальце, начинает смотреться, любоваться, говорить, приговаривать; и лицо сладкое. Подождал муж ночью, как заснула жена, достал шкатулку, положил в котомку и пошёл на дальнее озеро бездонное утопить. Луна полная светит, видно всё. Остановился на просвете под луною: «Дай-ка, – думает, – взгляну». Развязал котомку, достал шкатулку, открыл, вынул зеркальце, да посмотрелся в него. А там светится отражение – вроде как и он, да уж красив не

описать, не сразу сам и опомнился. Но взмолился, вгляделся ещё, и красота то эта как-то не понравилась ему – жестоковатая какая-то. Только собрался в шкатулку положить, отражение и говорит: «Не неси меня в бездонное озеро, я тебе послужу». Не ответил муж, сложил всё и пошёл дальше. Вдруг старичок ему навстречу. «Здорово молодец». – «Здорово». – «Ты куда это среди ночи?» – «Да вот иду женину причуду утопить. А ты куда?» – «Тебя встречаю, совет дать хочу». – «Давай, послушаю». – «Задумал ты дело хорошее, да делать его собрался неправильно. Если так сделаешь, как собрался, не вразумится жена, обидится на тебя и жизнь ваша разладится». – «А как быть?» – «Нужно второе такое же зеркальце сделать этой

же ночью и ей подложить. Пусть в оба смотрит и вразумляется. А когда опомнится, объявится, – тогда дальше подскажу». – «Да у кого ж сейчас такое же сделать?» – «Я знаю мастера, отнесу; садись сейчас на меня, да держись крепче». Стукнулся оземь старичок, превратился в большого орла. Сел на него муж, ухватился за шею. И полетели в высь нескончаемую, со скоростью неведанной. Еле удержался. Да тут же и спускаются уже. Спустились на полянку. У трёх дубов больших над прудом избушка стоит, окошко светится и дымок из трубы идёт. Орёл в старичка оборотился, – «Иди, – говорит, – стучи в дверь три с половиною стука, а как откроет кузнец, делай заказ. Ничему не удивляйся, не пугайся, ничего не

спрашивай. А я тебя здесь подожду». И сел на скамеечку. Стукнул три раза муж в дверь, а на четвертый не громко. Открывает дверь кузнец молодой в фартуке, в работе видать. «Ну, – говорит, – чего у тебя?» Посмотрел на зеркальце, повертел, и в него посмотрел, усмехнулся. «Трое суток не есть, не спать, делать», – говорит. Чуть не пригорюнился муж, да вспомнил старичка напутствие. «Делай», – говорит. И закипела работа. Смотрит муж – уже не один кузнец, а трое их стало одинаковых. Один меха качает, другой кует, третий в котле стекло варит. Чуть не удивился, да вспомнил старичка напутствие – отмолился. А за окном уже и посветлело, вроде как день настал. Испугался было, что срок пришёл, да вспомнил напутствие,

отмолился от страха. «Ну вот и готово, в трое суток уложился», – говорит кузнец и оба зеркальца точь-в-точь одинаковых показывает. Посмотрелся муж в новое зеркало, а там отражение хорошее, точно как в жизни – простое. Положил их оба в шкатулку и в котомку. «Чем тебя-то благодарить, брат?» – спрашивает. «А будь мне другом, большего и не надо». Обнялись, крестами обменялись, попрощались. Вышел муж. На дворе ночь вовсю, и луна чуть-чуть только подвинулась. Старичок тут как тут: «Вот и славно уложились, ещё и не светает даже», – говорит. Стукнулся о землю, в орла оборотился и принёс мужа к его дому. Хотел поблагодарить, а уже и нет орла. Вошёл в дом. Жена спит. Он потихонечку

шкатулку под кровать и задвинул. Проходит время, изменилась жена, как протрезвилась, домом занялась, детьми. Присаживается вскоре вечером к мужу. «Недоумение у меня», – говорит. И рассказала всё. Подумали они и решили то волшебное зеркало в бездонном озере утопить. Идти то далеко. Днём некогда. Сложил муж вечером шкатулку с колдовским зеркалом в котомку и пошёл к озеру. И встречается ему ночью в лесу тот старичок. «Здорово, молодец!» – «Здорово, дедушка! Помню твоё добро. Выздоровела жена. Благодарю тебя». И поклонился ему земным поклоном. «Бога благодари, – говорит старичок, – А теперь-то куда идёшь?» – «К бездонному озеру орудие бесовское утопить». – «Дело хорошее,

только вот что: как бы ни было, шкатулку не открывай и не заглядывай». Сказал и исчез. Дошёл муж к середине ночи до озера. У берега и лодочка привязана, и вёсла в ней лежат. Ну прямо его дожидается. Отвязал, сел и поплыл на середину. Остановился, поднял шкатулку бросить, да показалось ему, что легче шкатулка стала. Испугался, – там ли зеркало, – открыл взглянуть, а зеркало на глазах его и испарилось. Вспомнил слова старичка, опечалился, бросил пустую шкатулку в озеро. Да делать нечего. Возвратился домой. И стали они дальше жить поживать, да любовь наживать.

КАК БАРИН ПЕРЕВОСПИТАЛСЯ

Жили были один барин – жестокий и жадный и мать его престарелая – такая же. Таким оброком своих крестьян обложили, что те еле выживали. Да они и сами от жадности скудновато жили – всё в золото переводили, и золото в бочонке в погребе держали. А среди крестьян был один мужичок простой, работящий с большой семьёй. Один маленький талант у него был – мог любой голос изобразить, хоть птицы, хоть животного, хоть человека. Сгорела однажды у этого крестьянина изба и постройки от молнии. А у всех в деревне теснота. Пристроились кое-как по людям, да по родственникам по одному. Животину тоже попристраивали, да и не знают,

что дальше делать – не на что строиться. Пошёл однажды этот мужик в помощь хозяину дровишек в лес пособирать. Сел на пенёк, пригорюнился. Вдруг припорхнула какая-то птица необычная, немаленькая, светом радужным светит, перед ним близко не боясь стоит и посматривает на него задорно. «Да ты, поди, и скажешь чего», – говорит мужичок. «И скажу, – отвечает, – неспроста ты сгорел, а чтобы барина вразумить; и я помогу». Сказала и была такова. Пришёл мужик к барину. Просит его: «Не дай погибнуть, барин, будь милостив, помоги построиться. Век буду на тебя работать». «Ах ты, наглец, – кричит барин, – сам сгорел, сам и выкручивайся. А работать ты на меня и так будешь. И оброк, смотри у меня, плати

положенный». Так и ушёл мужик ни с чем. Прошло три дня. За эти дни и старая барыня умерла. Похоронили её на семейном месте. Думает, думает мужик дальше, ничего не может надумать. Пошёл опять на то место в лес, сел, пригорюнился. А и птица тут как тут. Посмотрела на него с осанкой и взглядом старой барыни и как крикнет её любимую присказку и голосом её: «Думай, Митрошка, пока ешь с ложки!» И была такова. Тут мужика и озарило. Подошёл потихоньку к барской ограде со стороны сада. Собаки барские подбегают и хвостом виляют, а собаки были злые. Понял он, что можно ему как задумал. Запряг ночью старую лошадёнку, приехал на кладбище, раскопал свежую могилу, открыл гроб, вынул тело

старой барыни, положил под солому на телегу. Подъехал к барской усадьбе, перевалил тело через ограду, сам перелез. И собаки тут как тут его встречают радостно. Понёс тело к окну барской спальни, поднял его лицом к окну; сам внутрь тоже подсматривает, благо что луна светит хорошо. И стал постукивать негромко. Смотрит – барин с лицом, от страха побелевшим, к окну приближается. «Ты ли это, матушка?» – спрашивает. «Я, – говорит мужик её голосом, –кто ж ещё». – «Али наказать чего хочешь, матушка?» А сам на неё от страха и смотреть прямо не смотрит. – «Да уж, хочу наказать, – говорит, – насмотрелась я тут каково нам, грешникам. Слушай мой приказ: чтоб завтра же накопленное взял и всё

крестьянам раздал. А теперь быстро к иконам и молись до рассвета». Барин тут же по приказу, в холодном поту, к иконам, лампаду зажёг и молиться, а на окно и взглянуть боится. А мужик – за дом потихоньку и через ограду. Отвёз тело, всё сделал как было, и спать отправился. Утром выходит барин на двор. Солнце уже светит, обычно всё. «Уж, – думает,– не пригрезилось ли». Тут собака пред ним на задние лапы встаёт, на него смотрит и одной лапой на конюшню показывает, а там и лошадь тут же заржала. «Нет, не привиделось. Видать, придётся делать». Пошёл не спеша конюха звать, а петух сзади его давай в пятки клевать, и курица норовит. И кудахчет, прямо как кричит: «Поторапливайся,

поторапливайся!» Поспешил барин, выехал в деревню с бочонком и раздал всё золото крестьянам, а погорельцу больше всех. Стал сам с той поры заботлив и милостив.

А крестьяне поприкупились, обзавелись, обстроились и зажили на славу. И мужик с семьёй зажил, да помалкивает.

ГОВОРЯЩИЙ МЕДВЕДЬ

Родился однажды медвежонок в берлоге; и всё у него было по-медвежьему хорошо: и братишки, и сестричка, и мама медведица. Снег растаял, потеплело. Медвежонок рос быстро, с каждым днём отваживаясь убегать всё дальше – уж очень он оказался

любопытный. Погнался однажды за птицей, а птица порх, порх из-под носа и стала уводить его дальше и дальше, видно от гнезда. Завела далеко, да и улетела восвояси. Опомнился медвежонок, хотел было по своему следу обратно побежать, а тут рысь на него напала, стала терзать, вот-вот загрызёт. Вдруг просвистело что-то. Упала рысь, заскулила, поползла в сторону и стрела в боку. Тут же шаги чьи-то ближе и ближе. И запах обдал его незнакомый. Склоняется над ним человек – охотник. Посмотрел-посмотрел, пожалел и взял его к себе в избу. Подлечил, подкормил. Медвежонок уже и привык к человеку, даже привязался к нему. Но охотник однажды вынес его из избы, запер дверь, поставил ему миску еды и ушёл быстро. Поел

медвежонок. Побежал было за ним, да потерял след у болотины. Делать нечего, отправился свою семью искать. Нашёл. Стал жить и расти дальше. Вырос, стал уже большим молодым медведем, а человека всё помнил: взгляд его, голос, все движения его. Как возникло ещё тогда желание подражать ему, быть таким же, так и осталось в нём. Так сильно было это желание, что стал он даже по-своему, по-медвежьему страдать. Сел он однажды пострадать на своём любимом месте – малюсенькой поляночке у родника, а перед ним существо светящееся и такая приятность от этого существа, так бы и не сходил с места до смерти. Протянуло существо к нему свой свет и коснулось его. Вошёл свет в медведя и изменился он в то же мгновение. А существо и говорит

ему: «Что хотел, то и получил, только и исполняй как я тебе скажу: всегда делай то, что люди скажут; никогда никому не сделай вреда; каждому – помоги, кого увидишь нуждающимся; себе сам ничего не проси». А медведь сразу и понял всё, даже и удивиться не успел, как будто так и было всегда; только кивнул в ответ. Второй раз коснулся его дух. Переменилось в нём что-то, передвинулось. Почувствовал медведь, что и сам говорить может: «Хорошо, – говорит, – буду делать так». И третий раз коснулся его дух: открылось у него зрение человеческое – увидел он, что свет выглядит как человек, только красивый очень и светящийся. «Ну, а теперь, – сказал свет, – живи таким – теперешным, как сам знаешь и как я тебе сказал». И исчез. А

медведь так захотел с кем-либо поговорить, что мочи нет. И пошёл к одной одинокой бабушке, которая жила в лесу. А была это баба Яга. Увидела она в оконце, что медведь к избушке подходит, отослала чертей своих подальше, – знала, что не любят их животные. И кричит ему в окошко: «Ну что пришёл, косолапый, иди к себе, у меня ничего нету». Медведь ей: «Да что ты, бабушка, я не просить, я просто поговорить пришёл. Тебе, небось, одиноко, так я если что, и помочь смогу». Поняла бабка, что медведь хоть не простой, да простодушный и воспользовалась. Говорит ему: «Бедствую я, Миша, голодно мне. Пойди, задери какую-нибудь коровёнку, да принеси мне. Мне надолго хватит». Не ожидал такого медведь, а делать

нечего – сказано делать, что говорят. Дошёл до пастбища у леса. И пастух как раз спит, и собаки с ним нету. Подстерёг забредшую в лесок коровёнку, подкрался с подветренной стороны сзади и задрал её. Принёс к бабке, положил у крыльца и дёру, пока ещё что-нибудь не приказали. Загоревал медведь – понимает: слово-то выполнил, а другому человеку урон сделал, может быть даже горе. Поднял голову, а перед ним тот светлый, говорит: «Покайся теперь перед хозяином коровы, послужи ему, да впредь будь осторожней». И исчез. Медведь знал, что корову искать будут. Пришёл вечером к пастбищу и точно – кличет молодой мужик свою корову по опушке. Выходит к нему медведь из-за дерева. Мужик и испугаться не успел,

говорит ему медведь: «Ты уж прости, хозяин, это я твою корову унёс, искуплю свою вину, послужу тебе». Мужик обрадовался, говорит: «Ну что ж, это дело; я тут, чтоб кормиться, избы да бани рублю прямо в лесу. Будешь брёвна подтаскивать из леса, мне не под силу, а тебе как раз». Стали работать, дело заспорилось. И всё бы хорошо, да стал задумываться мужик: «Что ж, вот так и работать, пока не заслабеешь; как-то скучновато, да тягостно. Медведь-то послушный у меня задаром что ли, не пойти ли разбойничать». И говорит медведю: «Пойдём-ка, брат, сегодня на дорогу, ограбим кого-нибудь». Медведю осталось только слушаться. Пришли к дороге, договорились что и как, ждут. Тут и купцы едут. Медведь

выскочил перед лошадьми. Лошади перепугались и в лес со всего ходу. Карету среди деревьев поломали и застряли. А медведь сделал вид, что сам испугался и убежал якобы. Посидели купцы, посидели – всё тихо. Вылезли, стали карету чинить. А медведь перед ними во весь рост. Купцы попятились, попятились, да и в лес стрекача. Мужик с медведем обыскали карету. Прибыль у купцов хоть и спрятана была – не найдёшь, – медведь по запаху нашёл. Пошли, закопали купцовскую прибыль подальше в приметном месте. Договорились время выждать, работают дальше в лесу. А медведь опять загоревал. Понял, что наказ нарушил – вред людям причинил. Пошёл ночью, нашёл по следу купцов. Сидят те у костра, горюют. Вышел к ним

медведь; они и испугаться не успели, говорит им: «Виноват я перед вами, пойдёмте, отдам вам ваше, впредь буду вам служить». Обрадовались купцы, взяли своё, починились. Стали с медведем ездить и за большие деньги богатым людям предоставлять с ним поговорить. Стал медведь помногу с людьми разговаривать и сам спрашивать, знаний набираться. Пошла о нём даже слава через время, как о звере умном. Стали и советоваться к нему приходить. Прослышал царь о том, призвал купцов, поговорил с медведем и приказал купцам его ему продать. Посетовали купцы, пороптали, да нельзя ослушаться. Но цену заломили, а царь и заплатил. Переселился медведь во дворец. В отдельных палатах стал жить-поживать; с людом заморским,

именитыми учёными говорить,
да ума наживать.

ПЕЧАЛЬ

Жил-был один моряк. Море он любил с детства. С отрочества уже и плавать начал. Сначала был юнгой потом матросом. Постепенно научился и ориентироваться в море: по солнцу, по звёздам определять местоположение корабля. Понравился способный матрос капитану – поставил он его себе помощником, лоцманскому делу обучил. Так и плавали. Между вахтами, как только было возможно, в любую погоду, в любое время любил моряк побыть в одиночестве: смотрел на море, на небо, думал о тайнах мира, мироздания, мечтал о познании этих тайн; незаметно для себя всё

более и более страстно, иногда до самозабвения… Прошли незаметно годы; вошёл в возраст молодой моряк, полюбил одну соседскую девушку; и она его полюбила. Договорились после очередного плавания пожениться. И во время этого плавания случилась с ним необычная, очень личная история: когда он, как обычно, стоял, освободившись, один на корме и предавался своей мечте; что-то внутри него перешло невидимый порог – показалось ему, что он уже этот познавший вселенские – глубину и необъятность человек; и мгновенно испытал прилив волнующего, небывалого счастья. Счастье было так сильно, что он стал помнить его более своей невесты, стремиться к нему, печалиться о нём. Зажил с той поры, снедаемый этой печалью. Когда ближайший товарищ спросил

его, что с ним; он с раздражением и грубовато оборвал его: «Не твоё дело.» Товарищ больше не спрашивал и отдалился от него. Однажды, стоял печальник как обычно, смотрел на заходящее солнце, предавался тоске и не сразу заметил, что цвет и свет моря, облаков, неба, заходящего солнца начали становиться очень интенсивными, вскоре даже невыносимо. В этот момент, немного зажмурившись, он увидел, проступающий рядом с ним, образ. Образ быстро обретал ясность. Интенсивность ландшафта словно перетекла в этот образ – стройной девушки в длинном лёгком платье с длинными пепельными волосами. Сама девушка была необычайной красоты с печальным лицом, выразительным, проникающим в душу взглядом. «Если ты есть, кто ты?» – спросил, преодолев

волнение моряк. «Я – есть, и я – твоя печаль. Я пришла помочь тебе. И я останусь с тобой, если ты захочешь»?». «Чем же ты поможешь мне?» «Я буду разговаривать с тобой, я отвечу на все твои вопросы, я дам тебе нужные советы, я разделю с тобой всю твою судьбу и буду верной тебе до смерти». «Тогда скажи, могу ли я познать, как устроен мир?» «Можешь». «Ты расскажешь мне?» «Я расскажу тебе, как достичь этого знания… Всё, что дорого тебе, заполняет тебя и не даёт знанию мира войти в тебя. Оставь, отвержись этого дорогого и близкого; тогда знание сможет соединиться с тобой и стать твоим. Делай так. И, если ты будешь на верном пути, я буду приходить к тебе, поправлять, помогать, отвечать и рассказывать». Сказав это, стала блекнуть и растворилась,

оставив свой внимательный взгляд глубоко в его душе и памяти. С этого события моряк начал жить, примериваясь внутренне к этому совету и вскоре укрепился в решимости исполнить его. Тем временем плавание было завершено и корабль благополучно причалил у родного города. Встретился с невестой моряк; и показалась она ему простоватой, неинтересной. Нетерпимая пустота сжала его сердце. И чем более он старался выглядеть весёлым и радостным, тем мрачней становилось в душе. Его перемена не осталась незамеченной; но он успокоил тревогу невесты, сославшись на недомогание. В то же время убедил её подождать со свадьбой, чтобы сходить в ещё один, очень выгодный, рейс. Она вынуждена была, огорчившись, согласиться. Ещё более стало ему безрадостно,

ещё более укрепился он в своей решимости. Вскоре и отплыли. Невеста, не решаясь понять причину своих чувств, осталась в необъяснимой тоске. Моряк же понемногу начал исполнять свой план. Кое-что принёс ещё с берега, кое-что взял тайком с корабля; завернул и спрятал у себя в каюте немного инструментов, продуктов, кусок парусины, бочонок для воды. Печаль, с тем же проникающим и печальным взглядом появлялась рядом, когда он бывал один; с необычной, но какой-то очень значительной, скрывающей недоговорённость интонацией поощряла, хвалила его и исчезала. По пути они свернули с маршрута на несколько дней и подплыли к небольшой гряде маленьких зелёных необитаемых островов запастись водой. Моряк острова знал – они бывали здесь уже не раз;

сам провёл корабль между рифами. Встали на якорь в маленькой бухте одного островка. Было ясно, тепло и тихо. Команда отправилась на боте к берегу за водой и передохнуть; а он вызвался остаться на корабле. Когда команда скрылась в зелени острова, собрал приготовленное в небольшую шлюпку, спустил её на воду и быстро поплыл на вёслах к другому острову. Вскоре его уже не было видно. Когда экипаж, отдохнув и набрав воды, возвратился; на судне никого не было; только в рубке была приколота записка: «Простите, не ищите, не ждите. Я ушёл навсегда». И подпись. Погоревали, понедоумевали, пообсуждали, да и снялись с якоря. Моряк подплыл к намеченному островку, завёл шлюпку в узкий заливчик, выгрузился, вытащил с трудом шлюпку на берег, поспал, а

с утра и обживаться начал: нашёл себе пещерку в скалах, перенёс туда всё, обустроился. Поначалу очень занят был, уставал, но освоился, научился, попривык и зажил неплохо, легче. Питался рыбой, птицами, кое-какими растениями, плодами. Муку экономил – готовил себе простую лепёшку раз в неделю. Печаль являлась теперь каждый день, но всегда неожиданно и ненадолго. Только обострение в этот момент какого-нибудь чувства и восприятия подсказывало ему, что она может объявиться. В одеждах бывала разных. Взгляд и лицо отличались мало, скорее оттенками. На вопросы отвечала уклончиво, иносказательно, или прямо отказывала в ответе, говоря: «Не сейчас. Рано ещё». Вскоре задавала не к теме короткий вопрос и исчезала, не дожидаясь ответа. Одним утром спросила: «Знаешь

ли, что будет сегодня?» В этот день он чуть не сорвался со скалы, доставая птичьи яйца. С трудом спасся, зацепившись за края расселины. С этого момента он стал глубже размышлять над её вопросами. Спрашивала всегда, не предваряя вопрос ничем. Однажды спросила: «Кто хозяин всего?» Он хотел сказать: «Конечно Бог», но встретив её печальный и, как ему показалось, разочарованный взгляд, не сказал и, задумавшись, понял, что для него это ещё большой вопрос. В это время его начали настойчиво занимать яркие и длительные воспоминания: картины детства, люди, мелочи, близкие, события, казалось бы, самые незначительные. В это время он спросил у Печали: «А как там мои?» Она разочарованно, как ему показалось, взглянула на него и суховато ответила: «Родители

продают твой дом… Невеста выходит замуж…» и немедленно задала свой вопрос: «Что правильней: как помнить... что помнить,.. зачем помнить или кому помнить?» Он попытался проникнуть в эти смыслы, но не смог уловить их. В недоумении горько и надолго заплакал, упав на землю. После этого начал побаиваться воспоминаний и старался отвлекаться от них. Последний вопрос, после которого Печаль надолго исчезла, был: «Есть ли ещё чем пожертвовать тебе?» Как ни думал – не мог понять, додуматься… Но тоска по свиданию заставляла его вспоминать этот вопрос снова и снова. А тем временем начал привыкать к острову, к новой жизни своей. Вскоре знал все уголки маленького острова, где и какие живность, растительность.

Стал замечать, чувствовать красоту и чистоту окружающего. В одно прекрасное утро пронзило его открытие. «Вот она – моя любовь и привязанность, вот чем жертвовать». Мучительно далось ему новое решение, но пересилили страсть и тоска по Печали. Потрудился, поизобретал, доработал шлюпку под большое плаванье. Стал готов покинуть остров – последнюю свою любовь. Печаль тут же и явилась, порадовала его, похвалила… Спросила только: «Власть – это думать или не думать?», – и исчезла. С этим вопросом и вышел жертвенник в открытое море. Стал пытаться не думать лишнего, понял, как это трудно; но если всё время пытаться, то полегче становится и сил остаётся побольше, а при его скудной жизни это важно. Так и зажил, стараясь. Редкую рыбу резал

на тонкие полоски, вешал, вялил. С помощью конструкции с растянутым брезентом собирал дождевую воду. Иногда определял координаты. Старался всё-таки, на всякий случай, больше, чем в сутках ходу от острова не держаться. А Печаль теперь снова бывала каждый день, но, как всегда, недолго. Спросила в очередной раз: «Ты только этот мир хочешь познать или весь?» «Весь – это же за пределами земных чувств», – мелькнула мысль. И он тут же, уже по новой привычке, не стал её додумывать; но продолжение осталось в нем странно манящим ощущением. Иногда он соблазнялся подплыть и увидеть свой остров на горизонте, но этого было мучительно мало – он тут же оказывался на нем мысленно, а затем и в своём родном городе. От этих мечтательных, захватывающих

картин было так горестно и щемяще, что он торопился скорей отдалиться. После этого Печаль не появлялась несколько дней, и он перестал соблазняться. Печаль снова стала навещать его. Но как только она исчезала, болезненная тоска нападала на него и уже не отпускала до следующего её появления. Стала захватывать и слабость. Он уже довольно с трудом проявлял необходимую активность. Печаль, явившись, задала очередной вопрос-загадку: «Что больше в знании – увидеть, услышать или испытать?» Истощенный страдалец взвесил внутренне эти слова. «Конечно, испытать, – понял он, – а это значит… умереть». «Умереть», – раздался в нем голос Печали. Уже не думая, только чувствуя невыносимую, усилившуюся,, тоску, он выбросил за борт остатки

вяленой рыбы… Последнее, что он видел – Печаль, смотрящую на него. И в этом взгляде не было печали… Чудом его лодчонку заметил, со сбившегося с курса судна, капитан, осматривающий горизонты в подзорную трубу. Без сознания, истощенного, с едва бившимся сердцем его подняли на борт. Окруженный заботой, он почти не приходил в сознание. Часто тихо бредил. В короткие просветы успевал только немного поесть и попить и тут же опять впадал в забытьё. В бреду, кроме имён и всего прочего, называл и название родного города. В попутном порту оказался корабль, идущий туда. Его перенесли на него. В городе его узнали. Счастливые, одновременно страдающие и боящиеся родители и невеста, перенесли его в дом. Он продолжал пребывать в бредовом

забвении. Иногда ощупывал на груди свой крест и тихо, ясно произносил: «Слава тебе, Господи». Неотрывные забота и любовь близких сделали своё дело. Однажды, ещё не открыв глаза, он почувствовал себя,.. что сейчас утро, а в себе какую-то свежесть и силу. Тут же горячие капли капнули на лицо, и чья-то ласковая рука начала гладить его. «Милый, я верила и ждала», – произнёс так ожидаемый всё забытьё голос. Он открыл глаза и увидел склонённое над собой прекрасное лицо своей невесты. Теперь он знал всё, что ему было так нужно знать, и знал, что это навсегда.

Гуляя как-то по набережной остановились они, любуясь закатным морем. Вдруг он как-то весело засмеялся. «Что ты?» – спросила она. «Я вспомнил, что

море я тоже люблю». Она поняла про что он и засмеялась тоже.

ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ

Некогда, при неком царстве, да и всегда это иногда бывает: по грехам человеческим, да по Божьему попущению – протиснулась щёлка между мирами на мгновение с волосок и…; дух нечистый из могучих, не так уж таких даже много, проскользнул в эту щёлку. А пока скользил, сделался невидимым и не чувствуемым; мог он это, не то что какая-нибудь там мелюзга. Вытек, вывалился на лесную полянку: день летний солнечный, травка, цветочки, живность всякая мелкая кишит – красота – вкусно всё, не знает, что по первости-то

и съесть. Втянул василёк, потом колокольчик – душки-живость их цветочные. Увяли, усохли они, лепестки и листики – до пыли. Хотел и дальше…, да увидел ящерицу-красавицу, зелёненькую такую, блестящую, шуструю. Захотелось ему её полностью и с телом съесть; превратился в змею, загипнотизировал ящерицу; замерла она, не может двинуться, только дрожит внутри в ужасе, змей же глаза в глаза к ней приблизился, пасть открыл, но передумалось ему вдруг – скучновато показалось ему так вот просто съесть – проглотить, захотелось поиграть, как кошка с мышкой, а потом уж съесть, чтобы по-настоящему, по-демонскому насладиться. И дал ей, её ящеричной душке, понимание, видение, чувствование, хоть

подпорченные, но человеческие, – этого у него много было награблено, ящерка его, первого-то, и увидела. А как только он с ней заговорил, так и влюбилась сразу, да так, что собой была готова пожертвовать хоть сразу, хоть по капле…, хоть больного и сухого его опекать. По человеческому и бремя… Стали они теперь играть, миловаться, разговаривать подолгу; и про бога плохого, и себя хорошего он ей рассказывал, и много чего ещё. Ящерка даже стала и своё суждение иметь, как ей казалось. Интересно ей стало жить и счастливо. Настало время, и женились они. «Веселилась и праздновала» по воле демона вся поляна: бабочки кружили ровными разноцветными кругами, сверчки стрекотали музыку, ящерицы, мыши,

лягушки танцевали – ну, как у людей… Через некоторое время произвела ящерка яичко – одно, большое, чёрное с белыми пятнышками, закопала его в тёпленький песочек; а через долго-коротко вылупился из яичка маленький дракончик, да с крылышками, да о трёх головах. Стал он быстро расти, да есть непомерно. Сбились с ног все, таская ему червяков, личинок. Но скоро мало ему стало; тогда унёс его демон с собой в свой мир, но перед этим съел - проглотил при полном сознании, в ужасе и горькой безвыходности свою ящерицу, и от этого была ему особая услада. Получил, что хотел. В том-то, другом, мире у дракончика преград не было – вырос огромным, но размер был подвластен ему – мог и совсем маленьким быть. И способность

проскальзывать на землю была у него от отца. Два хозяина у него было: Кащей бессмертный да сам демон. Дела-обязанности его были простые: кого надо, – запугать, сожрать, с богатырями справляться, замок Кащея охранять, отнесть, принесть, например, девицу Кащею от бабы Яги… Нужен он был, как же без него. С богатырями, правда, и проруха бывала – на земле материальность его непостоянна была – перемежалась: то уплотнится мгновенно, то растворится, но зрителю это незаметно было. В тот момент, когда уплотнится, и дом мог даже поломать, но тогда же и богатырь мог ему голову отсечь. (отрастали потом, если хоть одна оставалась) Но на этот момент он сознание в другую голову перемещал. Оно у него

всегда в одной голове могло быть. А другие могли в это время огнём преисподним очень действенно попыхать-попалить. Если в материальности хватанёт, то плохо дело, а если не в материальности, то всё равно замертво мог упасть человек от страха и по вере своей. И не все потом оживали и в себя приходили. В людях прозвали его змей-Горыныч. А животная часть его давала о себе знать странным образом: чувствителен был на музыку – сомлевал и даже двигаться не мог. И очень нравилось ему это. Поэтому и без задания иногда проскальзывал на землю, делался маленьким и искал, где послушать. Подберётся, например, к какой-нибудь усадьбе и, если в доме играет кто-нибудь, затиснется, спрячется и услаждается

обездвиженный, пока музыка не кончится. Вот такое житиё-бытиё у служителя тёмного – Горыныча. А случится ему погибнуть, – другой будет служить. Ну да про этого, – первого, сейчас сказ-рассказ… Через время загрустил Горыныч, затосковал, одиноко себя ощутил, – стал просить подругу себе; а он, демон, и сотворил тако же…, принёс Горынычу маленькую дракониху. Вырастил её Горыныч, взлелеял; а как она стала вровень, научилась всему, так и образовали они семью, и дракончики у них начали рождаться. Зажили Горынычи по-своему счастливо. А демон с сотоварищи подросших дракончиков – кого на дальние службы пошлют, кого тайно сожрут, поглотят, полакомятся, но Горынычи не знали того,

уверены были, что все дети их на службе вечной во славу царства тёмного. Простодушненькие они были на потеху и выгоду главным. Всё так в тридевятьземели, – как в были-небыли.

Автор: Поспелов А.М. 2017 - 2019